

Anthology of Music Traditions in Israel • 25

Editor: Edwin Seroussi

Vemen vestu zingen, vemen?

Leibu Levin Performs in Yiddish

Selected archival recordings from Bukovina, USSR and Israel

Selection and Commentaries: **Michael Lukin**

Jerusalem, 2015

Jewish Music Research Centre, The Hebrew University of Jerusalem

The Hebrew University of Jerusalem • Faculty of Humanities

Jewish Music Research Centre in collaboration with the National Library of Israel

Academic Board of the Jewish Music Research Centre

Chairperson: Shalom Sabar

Haggai Ben-Shammai, Ruth HaCohen, Oded Irshai, Eliyahu Schleifer, Rina Talgam,
Eitan Wilf

Director: Edwin Seroussi

This CD was partly funded by

- Beth Shalom Aleichem
- The Joseph and Gloria Gurt Fund In Memoriam Chaim and Frajda Gurt
- The Maizel Family Fund (Mexico City) In Memoriam Tuvia Maizel
- The Zunser Fund, the Institute of Jewish Studies, the Hebrew University of Jerusalem
- The Estate of the late Prof. Johanna Spector (New York)

English translations of selected poems: Itzik Nakhmen Gottesman

Hebrew translations of selected poems: David Kriksunov

Russian translations of poems: Valery Dymshits, Alexandra Glebovskaia,
Igor Bulatovskii

English and Hebrew editing and translations: Tova Shani

Russian and Yiddish editing, Russian translations: Valery Dymshits & Michael Lukin

Digital editing and mastering: Yuval Amit

Graphic design: www.say-brand.com

Cover photograph: Choral Synagogue in Czernowitz, photograph of 1993. Courtesy of the
Center for Jewish Art, The Hebrew University of Jerusalem

© and ® the Hebrew University of Jerusalem

Introducing Leibu Levin

“The songs of Leibu await definitive professional evaluation,” wrote back in 1984 the internationally renowned Yiddish singer Nechama Lifshitz in a memorial note dedicated to her late stage partner, the Yiddish performer, narrator, composer and singer Leibu Levin (1914-1983) from Czernowitz (now Chernivtsi in southwestern Ukraine). This new production of the Jewish Music Research Centre issued on the centennial of Levin’s birth partially fulfils Lifshitz’s wish.

Three years ago I was approached by Leibu Levin’s daughter, Ruth, herself a professional singer, with the idea of issuing her father’s archival recordings that were scattered in three places: the family’s private collection, the National Sound Archives (NSA) at the National Library of Israel, and the Kol Israel (Israel Broadcasting Authority) funds. The idea of publishing the work of one of the most engaging artists the modern Yiddish stage has ever seen and heard was hard to refuse. Moreover, the field of non-religious Yiddish music still remains underrepresented in the output of the JMRC. The subject has not been given yet the attention it deserves, with one exception – the collection of songs by Nachum Sternheim (*Hobn mir a Nigndl! We Have a Little Tune: The Songs of the Yiddish Troubadour Nokhem Shternheim*, ed. by Dov Noy and Gila Flam, Yuval Music Series 7, 2000). The question that arose with regard to this new research project was therefore not whether it should be done but how it should be done, i.e. in which of the JMRC series it should best be included, because, as will be discussed below, the work of Levin defies categorization.

Deciding the format of this publication and preparing it involved many conversations and a slow process of gestation; this CD and its accompanying booklet are their final result. It was decided that the CD should appear as part of the flagship recording series of the JMRC, the Anthology of Music Traditions in Israel, even though its modernity could easily qualify it for the younger JMRC series, Contemporary Jewish Music. In selecting the recordings, the editors tried to balance between musical styles and melodic declamations, and give a fair representation to different poets. Still, there are many archival recordings that could not be included in this CD for time and space constraints. A Leibu Levin page on the JMRC website (www.jewish-music.huji.ac.il) will hopefully complement the present publication. The page will include additional unreleased recordings as well as further commentaries on individual compositions, biographical information and visual illustrations.

The present CD is not the first publication of Leibu Levin's oeuvre, a corpus that includes around eighty songs and melodic declamations set to poems by Yiddish poets, as well as a few settings of modern Hebrew poems. Already in 1939, his close friend Hersh (Hushke) Segal, an enthusiast of Yiddish and world poetry from Czernowitz, published *Zeks Shloftider (Six Cradle Songs)*, republished thirty years later in Tel-Aviv), musical settings by Levin for poems by Itzik Manger, H. Leivick, Moshe Leib Halpern, Abraham Reisen and Nahum Yud, with drawings by Isiu Schärf – a childhood friend who later worked for the Yiddish theaters of Bucharest and Jassi.

The publishing partnership between Levin and Segal was revived many years later in Israel, after both men had survived the Nazi and Stalinist infernos. A female Jewish poet from Czernowitz, Selma Meerbaum-Eisinger, formerly a student of Levin at the drama club of the Yiddish School Number 5 in Czernowitz, who died of typhus at the age of eighteen in a Nazi work camp, brought them back together. Like her famous relative Paul Celan, Selma wrote her poems in German. In 1976, Segal, Selma's mathematics teacher in Czernowitz, published her poems in Rehovot in their original German version, using manuscripts that Selma's friends had saved and brought to Israel. Levin translated five of her poems into Yiddish and set them to music (Levin 1976). Eventually, he translated all of Selma's poems into Yiddish, and in 1978 published them in Tel Aviv. In 1980, the collection *In the World of Songs* appeared in Tel Aviv. It included thirty-six unaccompanied melodies, four of which were set to Hebrew poems, and another four were poems of war and gulags written by Levin himself (Levin 1980).

However, the larger collection of Levin's songs appeared posthumously. The composer's widow, Alexandra (Shura) Levin, came up with the idea of publishing his works. She also put together a collection of the few extant texts by and about Levin, including memoirs, reviews, letters, speeches and eulogies, published throughout her husband's life in Rumania, the Soviet Union and Israel. Levin's papers, edited by his wife, appeared in Tel Aviv under the unassuming title *Leibu Levin* (Levin 1984), and we benefited from them greatly in writing this booklet. Yet Mrs. Levin did not live to see her more ambitious project, the collection of her husband's songs, in print.

It was left to Levin's daughter Ruth to undertake the task of bringing her mother's dream to fruition. Leibu Levin's song book, comprising forty-nine songs as well as a biography and notes by Ruth Levin based on materials left by her late father, was eventually published (Levin 2005). These notes by Ruth Levin were indispensable for this introduction. The Israeli pianist and composer Hanan Winternitz (1914-1995), who had already published six of Levin's songs set to texts by Hebrew poets (Levin 1990), provided forty-four piano arrangements. In these arrangements he recreated the atmosphere of this great Yiddish artist's performances without having met him in person even once. Additional musical arrangements of songs by Levin were made in Israel over time by Zimra Ornatt (Lifshitz), Aryeh Levanon, Regina Driker and Alexei Belousov. Some of these arrangements were also included in the book published in 2005.

Ruth Levin did not stop at publishing her father's songs. She continued the campaign to make Leibu Levin's heritage public by performing some of his songs on stage in Israel and abroad, as well as by recording them in Winternitz's arrangements and other settings. She also released a small private edition of her father's archive recordings, which she distributed among friends and fans. The last stage of Ruth Levin's work was already related to the production of this CD. It consisted of a comprehensive compilation and cataloging of Leibu Levin's surviving recordings, and included selecting the representative corpus that served as the basis for the present publication.

To launch the academic evaluation of Leibu Levin's work we engaged Michael Lukin, a JMRC researcher specializing in the Yiddish songs and culture of Eastern

Europe. Lukin accepted the challenge of summarizing Levin's work, as reflected in this recorded selection and in the essay that accompanies this production. As mentioned above, any critical evaluation of Levin's artistic output faces the scholar with the daunting task of navigating through many grey areas that stand between singing and poetry declamation, formal theatre and staged performances of poems, composition and improvisation, Eastern and Western European musical styles, and folk and modern traditions. In his essay, Lukin introduces the concept of melodic declamation as a performing category and offers his commentary on specific songs. The essay is the first round that heralds a more detailed appreciation of Levin's work and its significance to modern Yiddish culture. We hope that Michael will also continue to assist in maintaining the Leibu Levin page at the JMRC website.

Levin was above all a performing artist of Yiddish poetry, and it is in this genre of performance that he developed and refined his unique art. It is therefore impossible to separate Leibu Levin's musical creation from the poetic texts that played such a central role in his work. He performed the poetry of many of his contemporary Yiddish poets, whose details are brought in this booklet. The one he loved most was Itzik Manger (1901-1969), another illustrious Jewish son of Czernowitz, and Levin's spiritual partner. Levin's unusual stage interpretations of Manger's poetry became themselves a genre in their own right (see below). Closely behind Manger in Levin's world was H. Leivick (pen name of Leivick Halpern, 1888-1962), a poet with whom Levin felt a deep bond, especially because Leivick dealt extensively with the theme of political exile in Russia in his poetry. This theme haunted Levin, who had spent fourteen years of his life in Stalin's camps in

Siberia. Interestingly, poetry written by Jewish women was also close to Levin's heart in his late period. He set to music poems by Anna Margolin, the aforementioned Selma Meerbaum-Eisinger, Dora Teitlboim, Leah Goldberg and Rachel (Bluwstein). Notably, Levin himself wrote very few poems. "My Sacred Cameo", based on the symbolic figure of the white kid from the classic Yiddish cradle song that he had heard his mother sing, remains one of the best poems he penned.

Levin never mastered musical notation. While several of his melodies were written down by professional musicians during his lifetime, many others only survived orally in home-made recordings that the composer used to compile for friends and family, and were transcribed posthumously.

Given Levin's artistic milieu, where the boundaries between creation by design and extemporization were porous, the authorship of the songs that Levin arranged and performed remained sometimes open. Some of his songs had been attributed to others for many years, given the tempestuous times in which he lived. One such example is Levin's setting of H. Leivick's famous song "Put your head on my knees." Nechama Lifshitz's testimony, included in the 2005 volume of Levin's songs' arrangements, reads as follows:

"I want to take this opportunity to rectify an historic injustice regarding the song 'Put your head on my knees,' which was among the many I heard Leib Levin sing at the close of the 1950s in Moscow. He composed and sang this wonderful 'lullaby for grown-ups' already back in the thirties, and all who

heard him on the ‘Scala’ stage [a cinema located in the corner of Schillergasse and Althgasse] in Czernowitz and in other venues will attest to this. Leibu Levin and I vouchsafed this song, among others, to the Moscow composer Lev Birnov, who was to provide the piano arrangement for it. It seems that in undue modesty, Levin neglected to confide to Birnov who exactly composed the song. So ‘Accompaniment by L. Birnov’ became ‘Music by L. Birnov.’ Thus the error began and was propagated in song books and on recordings. With this book the song returns at last to its rightful ownership.”

Levin was also an ethnographer of the Yiddish song, and indeed some Yiddish songs survived through his agency. Recounts Levin:

“During my tours in the cities and towns of Bessarabia, I met in Beltz Zelik Barditshever. He copied the texts of all his songs and I brought them to Czernowitz, to Hushke [Segal]... He immediately decided to publish the songs. I sang them, and the music teacher, L. Peretz, wrote down the notes... That was always Hushke’s way. When he got his monthly pay, he always set part of it aside and placed it in a special drawer in his desk – this money was consigned beforehand for projects that his heart was set on...”

In short, Leibu Levin was at the same time the composer, director and actor of his chamber theatrical productions. Like a theater director who models the play he is staging, Levin adapted, edited and altered the poems he composed and performed. Texts were trimmed down by a verse or two and at times a word was added, the

sequence of words in a line or the order of verses were altered. In some cases, Levin even requested the poet's consent to change a line to make the music more akin to the implicit logic of the verse. Given this license in treating the poems, Levin's rather informal contexts of performance were another crucial component of his art. We can glean a hint of the atmosphere in these performances from the few precious contemporary reviews of his appearances at the peak of his career in Czernowitz. These reviews were included in Shura Levin's collection of her husband's papers, and are discussed in their proper context in Lukin's article.

World War II and its aftermath disrupted Levin's life bringing him to the brink of death, separating him from his family forever, and eventually sending him to a cruel political confinement. A contemporary live testimony coming from the Yiddish post-War Jewish diaspora, South America, vividly summarizes this period:

“During the Second World War my brother, in the course of his wanderings, met Leibus Levin, sad and very embittered, in the Ural Mountains. In his poetic soul he felt he had never get out of there... After 1946 nothing further was heard of him. What happened to Leibus Levin? To whom does he sing his songs today? Who does he rejoice today with the poems of Leivick, Manger and Reizen? Is his voice silenced?” (Reuven Katz, *Dos Yidische Vort*, Santiago de Chile, June 17, 1955)

His voice was not silenced. Against all odds, a disheartened Levin managed to return to life. He went first to Moscow in 1956, where he gathered the strength

to start a new family, and eventually reached his beloved Eretz Israel in 1972. In the last ten years of his life in Israel, living in a kind of cultural exile, Leibu Levin secured the publishing of some of his works and translations in Israel, where the general public regarded Yiddish as the language of distant memories that one only wished to forget. Levin continued to perform and record himself. His renditions were also recorded by a scholar and a radio editor, who were aware of his unique contribution to the Yiddish culture of pre-War Europe and Soviet Russia, and to its miraculous survival in the distant shores of the eastern Mediterranean (from the perspective of Czernowitz and Moscow). In his idiosyncratic voice, the vibrant Yiddish artistic milieu of interwar Czernowitz enjoyed an afterlife as a “ghost” (cf. *Ghosts of Czernowitz*, Hirsch and Spitzer 2010). Levin kept singing, even after his voice was practically gone, until he was on his deathbed.

* * *

This release of Leibu Levin’s recordings was made possible by the concerted efforts of several colleagues and benefactors who I would like to thank. Without Ruth Levin’s perseverance, this production could never have materialized. I personally thank her for her initiative and for putting all her resources at our disposal for the writing of this text. One could say with irony that a faithful daughter would naturally do anything to perpetuate her father’s legacy. But there is nothing self-seeking about Ruth’s dedication to bringing her father’s work to the attention of the public at large. She genuinely believes that Leibu Levin’s

work is a monument to a vanished modern Yiddish culture that is worth curating for future generations. Sharing her belief, we engaged in this publication.

My doctoral student and colleague Michael Lukin undertook making this publication a successful scholarly enterprise with great enthusiasm. I thank him for the enormous effort he has made, for plunging into the materials, sorting, translating, analyzing them, and finally commenting on them. Several poetry translators contributed to this publication and to all of them we are immensely grateful: in Saint Petersburg the best contemporary translators of the Yiddish literature into Russian – Valery Dymshits and Igor Bulatovskii, authors of “Paper Bridges”, the first anthology of American Yiddish Poetry in Russia (2012), and Alexandra Glebovskaia – for the Russian translations; David Kriksunov for the Hebrew translations; and the distinguished American Yiddish scholar and journalist Itzik Gottesman for some of the English translations.

Several funds dedicated to fostering research on Yiddish culture and music at the Hebrew University have contributed to the fruition of this project. The Maizel Family Fund from Mexico City, named after the teacher and staunch supporter of Yiddish culture and music in Mexico, Professor Tuvia Maizel of blessed memory, has been generously supporting the work of the JMRC in the field of Eastern European Jewish music. We are obliged to Professor Maizel’s heirs for their relentless backing of our institution. The Zunser Fund at the Institute of Jewish Studies at the Hebrew University, one of the oldest funds supporting research on Yiddish culture, has

continuously supported projects of the JMRC, including the present one. To the Zunsler Fund and its steering academic committee we owe our thanks. The bequest of the late Prof. Johanna Spector, a pioneer of Jewish ethnomusicology, has also facilitated the research conducted for this project. We are privileged to celebrate the memory of Prof. Spector through this and other publications of recent years.

Preserving Leibu Levin's recordings would not have been possible without the contributions of the National Sound Archives (NSA) at the National Library of Israel and Kol Israel (Israel Broadcasting Authority), whose recordings are now part of the NSA. The ethnographic work of our colleague Yaacov Ghelman, former director of the National Library Department of Music, deserves special mention. He was among the first Israeli researchers to recognize Leibu Levin's unique artistry and to make audio and video recordings of his art for posterity. During the preparations made for this project we greatly benefitted from his work. We are also appreciative of the support granted to this project by the staff of the Department of Music at the National Library and its director Gila Flam, herself a scholar of Yiddish culture, and also thank Gil Stein, the NSA sound engineer, who unremittingly assisted our team in sorting out, editing and compiling Leibu Levin's archive recordings.

Last but not least, we thank our translator and editor, Tovah Shani for her professional work the administrative staff of the JMRC, Sari Salis and Tali Schach, for their continuous dedication to our institution and the handling of its publications.

Edwin Seroussi

References quoted

- Gold, Hugo (ed.) 1958-1962. *Geschichte der Juden in der Bukowina*, 2 vols. Tel Aviv.
- Hirsch, Marianne, and Leo Spitzer. 2010. *Ghosts of home: the afterlife of Czernowitz in Jewish memory*. Berkeley: University of California Press.
- Levin, Leibu, 1939 [1969]. *Zeks shloflider*. Czernowitz: Eked [reprint: Tel Aviv: Eked].
- Levin, Leibu. 1976. *Five songs*. Rehovot.
- Levin, Leibu. 1980. *In der velt fun gezangen: lider oyf yidish un in ivris*. Tel Aviv: Or-Tav.
- Levin, Leibu. 2005. *Leibu Levin. Word and melody: Yiddish poetry set to music*, ed. with an introduction and afterword by Ruth Levin. Tel Aviv: I. L. Peretz Publishing House.
- Levin, Leibu, and Hanan Winternitz. 1990. *“Al Asher Lo Haya”*: *Six songs for voice and piano*. Tel-Aviv: General Federation of Labor, Culture and Education Enterprises.
- Levin, Shura (ed.). 1984. *Leybu Levin: Shtrikhn tsu der geshtalt fun a vort-kinstler*. Tel-Aviv: The Author.

Michael Lukin

"I am myself all the instruments": The songs of Leibu Levin

*Vemen vestu zingen, vemen
az me vil nisht hern?
Saydn, nem heyb uf dem kop
un zing dir tsu di shtern.
S'iz dokh dayne shtern, dayne –
s'volt geven a khidesh,
ven zey zoln khas-vekhohile
nisht farshteyn keyn yidish!*

For whom will you sing now, for whom
When no one is here to listen?
Unless you lift up your head
And sing for the stars above.
These stars are yours, all yours –
And it would be strange if,
Heaven forbid, they did not
Understand Yiddish!

Leibu Levin, c. 1974 (English: H. Haskale)

These few words call for attention. Not only the stars, but all of us, who live on this earth in the year 2015, about a hundred years after Levin's birth, must listen to them! Listening to this artist from a distant Yiddish culture requires an effort: most of us do not understand the words and must rely on translations, and the non-verbal meanings of musical gestures, sighs and smiles, pathos and silence sometimes escape us.

How can one span the distance that separates us from the audiences who listened to Levin and applauded him at the beginning of his career, the Rumanian Jewish intelligentsia of the 1930s? Would a closer look at his life somewhat improve our ability to understand the secret of his creative work? It appears that the many hardships he went through, and his suffering during two world wars, the Holocaust, fourteen years of imprisonment in Stalin's labor camps, as well as the gradual waning of the Yiddish language and its culture, have not marred his work. It is quite possible that no connection can be found between his work and his life story. Leibu Levin's outstanding sensitivity to the unique sounds and images of modern Yiddish poetry – which had sprung up a short while before he was born, reached its high point in his youth, and began to decline in front of his eyes – lost nothing of its vigor even in the face of the question "For whom will you sing now?"

This is the nature of artistic creation, in the words of the poet Paul Celan, Levin's compatriot and friend: "Real poetry is anti-biographical. The homeland of a poet is his poetry; it keeps changing with each poem".¹ This courageous statement of Celan draws us nearer to understanding the art of Levin, the master of melodic declamation. He went on composing and singing even as a soldier in the war; he never stopped when he was exiled and sent to labor camps in the far

¹ Paul Celan, *"Mikrolithen sinds, Steinchen": Die Prosa aus dem Nachlass*, Frankfurt am Main, 2005, p. 25.

north; he did not stop when, after his acquittal and release, he refused to return to Bukovina, now empty of most of its Jews, and chose to live in Moscow; and he went on composing when he came to Israel, and discovered the sad state of Yiddish culture there.

Indeed, Levin's true homeland was his singing. It defied the circumstances of his life, as expressed so beautifully in his performance of the song "*A hoykher boym, a sheyner boym, a shtarker boym*" ["Tall tree, beautiful tree, strong tree!"] [9],² written by his Moscow friend Shike (Ovsei) Driz. Like a tree that grows despite itself, Levin also sang despite himself, in a way that appears to be disconnected from external events, drawing his power and inspiration from his art rather than from his surroundings.

Nevertheless, we must attempt to understand the historical and cultural circumstances of these "anti-biographical" works of his. Let us take a look, then, at the life of the artist, as seen through his performances of modern Yiddish poetry set to his own music. Let us try to uncover the characteristics of his typical singing, which seems so unfamiliar to us, without actual reason; let us listen attentively to these exclusive interpretations that address a lost world, eternity, and us, and attempt to enter into a dialog with them.

² The numbers in squares indicate the track of the song in the CD.

1. "*Kinder-yorn*": Folklore

Leibu Levin was born in 1914 in Câmpulung, southern Bukovina, which was then part of the Austro-Hungarian Empire. Before World War I, the Jewish community of Câmpulung numbered about 3,500 people. Since the 18th century, possibly even earlier, this small town had been a transit station for travelers going from Poland to the Balkans, and from Western to Eastern Europe. Levin's childhood soundscape was typical of crossroads, of a meeting point between different cultures and musical traditions. It consisted of the melodies of his father's Boyan Hasidic court, of the mystical melodies of the Vizhnitz Hasidic court, well-known in the area, and of folk songs in Yiddish, which Levin's mother sang to him. These melodies were etched deeply in his memory, as he himself later told. They reverberated in his performance of Yankev Glatshteyn's poem "*Reb Leyvi Yitskhoks kol*" ["The voice of Rabbi Levi Yitzhak"] [5], and in his first album, *Six Lullabies*, published in Czernowitz in 1939. Of these lullabies two are included in the present CD: "*Shlof shlof*" ["Sleep my child"] [2] by H. Leivick, and "*Di yunge muter*" ["The young mother"] [8] by Abraham Reisen.

Levin returns to those years, across the faraway river, in the song "*Kinder-yorn*" ["Childhood years"] [1], whose words were written by his close friend and Czernowitz compatriot, the great Yiddish poet Itzik Manger:

Years of our childhood (From Yiddish: Rachel Corkidhi)

Come, let us walk to Verbezh
(Who wants to, may ride),
There, near Prut, are playing
The years of our childhood.

Little Jewish laddies,
Barefoot and all ragged,
They're whistling like birds
And care about nothing.

They take rides on the goats
That spring around the field,
They shout "Go!" , "Viyo!"
And thus travel the world

Come, let us walk to Verbezh
(Who wants to, may ride),
There, near Prut, are playing
The years of our childhood.

Little Jewish laddies
All in torn caps one can see through –
They all speak in rhymes,
As real poets do:

"Song of Ascent, make no pretense,
Tomorrow time to worry,
Paupers, why not rent your tales,
So you'll get the money".

Come, let us walk to Verbezh
(Who wants to, may ride),
There, near Prut, are playing
The years of our childhood.

They lie and spread upon the grass
(Don't think they are naughty)
And they show to Lady Sun
All their little "birdies".

Little Jewish laddies,
Barefoot and all ragged,
They send to me and to you
Their wishes from the heart.

In a natural and simple way, the song brings together worlds that defy blending: dreams and games, nostalgia and humor, stylized art singing and a folkloristic mood. The combination is revealed in the choice of metaphors, in the way the stanzas are organized, and in the use of traditional popular rhyming. The stanzas are arranged in groups of three, as is often the case in epic poetry – the first, fourth and seventh stanzas are identical; but in spite of this formal framework they invite us to go back to childhood in a personal lyrical tone: "*Come, let us walk to Verbezh / (Who wants to, may ride) / There, near Prut, are playing / The years of our childhood*". In stanzas 2, 5 and 8, this invitation is accompanied by "snapshots" of the children of those years across the river: "*Little Jewish laddies / All in torn caps one can see through – / They all speak in rhymes, / As real poets do*"; and in stanzas 3, 6 and 9, it is accompanied by a kind of "ethnographic recording" of the children's speech: "*Song of Ascent, make no pretense, / Tomorrow time to worry, / Paupers, why not rent your taless, / So you'll get the money*". Opposite this artistic structure that looks at the folkloristic past from the modern present, stands a traditional popular rhyming pattern – A-B-C-B, used in many Yiddish folksongs, where only the second and fourth verses rhyme (For example *forn – yorn*) while the other verses do not (*Verbezh – Prut*). This direct speech of the poet and his characters, the folkloristic rhyming, and the view on childhood scenes – all anchored in a well-stylized structure – make the voice of Manger heard, courteously inviting the reader to join in the dialog – "*Let's go to Verbezh!*"

The composer accepts the invitation: his music expresses with precision Manger's typical combination of extremely diverse elements, in the way his melodic line is structured and in the rhythmic patterns he uses. The large upward leap (a major seventh!) on the word *dortn* [there] illustrates the move from reality to a dream; the first appearance of the image "*Little Jewish laddies*", features another leap that further broadens the range of the melody, carrying the listener upwards, beyond the limits of memory. The third and sixth stanzas bring musical descriptions of popular Yiddish play-songs that use few notes and are almost spoken. The moderate rhythms of the introduction, on the words "Let's go to Verbezh", are replaced by joyful dance patterns on the words "*They take rides on the goats / That spring around the field*". These changes of range and rhythm, spiced with contrasting declamation and singing, bring Manger's journey to life, making his sounds and pictures a dream come true in a world Leibn Levin creates before our eyes.

Levin was never a folk singer, just as Manger was never a folk poet. However, much like Manger, Levin has always found interest in folklore and in certain folkloristic elements, to which he had been exposed from childhood; many of his works keep a vigorous dialog with this tradition.

2. "*Polka-Mazurka*": Melodic declamation

At the end of World War I, Levin's family moved to Czernowitz, known among the Jews as "Little Vienna" or "Jerusalem on the Prut". Czernowitz had been

Bukovina's multi-cultural capital since the 18th century, and the sounds and arts of its urban space drew on the popular cultures and high art of speakers of German, Rumanian, Yiddish, Polish, Ukrainian and other languages. As early as the mid-19th century, the composer and virtuoso pianist Franz Liszt found in Czernowitz a large crowd of enthusiastic fans. The Czernowitz public kept up its famous love of classical music, opera and operetta throughout the 19th century and the early 20th century. Next to these genres, Austro-Hungarian urban romances and traditional Polish ballads were also performed there (One ballad, "*Ty pójdziesz górą*", whose early versions go back to the 18th century, was translated into Yiddish as "*Du vest geyn mitn barg*" ["You will go along the mountain"] [4]. Around that time, songs about the War, whose horrors had not been forgotten, were also popular in the region; one such song is a lament addressing a black crow that circles above a dead soldier, "*Oyf di grine felder-velder*" ["On the green fields, forests"] [4]. The songs performed by the celebrated singer Velvl Zbarzher throughout Austro-Hungary, Galicia and Rumania in the 1860s and 1870s, were still sung by Czernowitz Jews (Itzik Manger devoted to him his "*Letters from Velvl Zbarzher*" [5]). Beginning in the 1920s, the exiled Russian singer Alexander Vertinsky became popular, especially in Czernowitz.

It was in Czernowitz that Levin's way to the stage was paved. As a child, he had sung in the choir of the city's Great Synagogue, and later joined the choir of the famous cantor Pinye Spektor, where he became a *zingerl*, a child-singer who accompanied the cantor with solo parts (notably, the celebrated tenor Joseph

Schmidt, "The Czernowitz Nightingale", also began his career at exactly the same time in the choir of another Czernowitz synagogue). The cantorial pieces he sang there remained with Levin throughout his life. But already then his musical and cultural horizons were much broader, and also included the songs of the Gordonia Zionist youth movement, of which he was a member, and Yiddish poetry and literature, to which he had been exposed as a student at the socialist *Yidisher Shulfarayn* college. Finally, his love for modern theater made him join as an actor the "Chameleon" theatrical studio of Simcha Schwartz. Together, all these experiences served as the background against which his style was shaped in the 1930s, when he began his poetry and singing performances in Czernowitz and in other towns of Bukovina and greater Rumania.

The performances of young Levin were considered important cultural events, and were widely reviewed in different languages in the local press. Three quotes from many articles published in 1935 are brought here as examples. On 31 January 1935, Chaim Giniger, a literary critic, writes in the Bucharest Jewish weekly *Divokh*: "...his sharp understanding and rare capability to interpret literature and re-experience it, have illuminated secret corners even in well known literature". Meir Ebner, the editor of Bukovina's Jewish newspaper in German, *Ostjüdische Zeitung*, wrote on 2 June 1935: "He is all in one: Singer, artistic reader, actor and poet. And why also poet? After all he only reads the poems of other? Well, that is the secret of his art. He uncovers what is hidden between the lines. He perfects the poet. He draws from the soul of the poet treasures unknown to the poet himself,

treasures hidden in his subconscious". On 30 June 1935, Hersch Segal, the theater critic of the Czenowitz weekly *Tshernovitser bleter* gives a broad review of one performance, carefully listing its strong and weak points; he concludes: "The secret of Levin's success is in bringing together singing, speech and mimicry... this opening night promises that he will become a first-class master of the word [*vortkinstler*]".

His 1936 performance of another song by Itzik Manger, "*Harbst*" ["Autumn"] [7], introduces the listener to Levin's way of combining singing and declamation that had so impressed his audiences.

Autumn (From Yiddish: Itzik Nakhmen Gottesman)

This poem of late autumn
Should be sung with sad eyes,
The head bowed down,
For otherwise it would not do.

The blue swallows of my roof
Departed for an alien summer.
The old trees along the highway
Become stiller, more devout.
And when the rain will begin to fall
They will timidly stand before him
And murmur the song of summer.

And this is the song of late autumn,
The quiet, sad tune.

In all the temples of the world
Traders do business;
They shovel up the red money,
And the priests stand outside,
Ashamed, oppressed poor people
And wait for eternity.
But this is not my point...

And this is the song of late autumn,
Sung before the window.
And when this tune will reach
Those who had beautiful dreams,
It will become the most beautiful.

"Autumn" is built as a triptych, and the three short songs of which it is made are dedicated to typical romantic images: The colors of fall, rain, and the poet. Could one possibly sing about autumn between two World Wars? Could one actually muse over swallows flying to sunny countries in the early twentieth century, as if completely ignoring the hundreds of songs dedicated to this topic much earlier? The delicate self-irony that permeates the opening lines "*Dos dozike lid fun shpetn harbst / darf men zingen mit troyerike oygn, / dem kop aropgeboygn, / vayl andersh vet es nisht toygn*" ["This poem of late autumn / Should be sung with sad eyes, / The head bowed down, / For otherwise it would not do"], tells us that the poet was not altogether naïve. It would appear that with certain adjustments and tones, this kind of poetry was still acceptable and did not risk being banal. Manger, whose work was anchored in the young tradition of modern Yiddish literature, was allowed to be consciously romantic.

The polar contrast between poetic honesty and expressive limitations, between the spontaneous voice of the artist and his awareness of the rules, history and conventions of the time – are expressed with amazing accuracy in the music, where singing is contrasted with various kinds of speech. The ironic introduction is declaimed with a seriousness that brings out the humor behind the words. It is immediately followed by a perfect melody in the style of a German Lied, with all its romantic gestures (use of the harmonic minor mode, an upward minor sixth leap, long notes that suggest sadness and depict wind, rain and falling leaves...); but Manger and Levin are peeking sideways at 19th century Vienna,

because romantic singing has a completely different sound in their Yiddish. To avoid expectations for a Mahler-like song cycle, the singing stops instantly and is replaced by theatrical declamation. In a surprising but perfect tactic, the climactic and most musical verses that end the poem are declaimed rather than sung: "*Undos iz dos lid fun shpetn harbst, / gezungen farn fentster – / un az der nign vet dergeyn / tsu di, vos hobn gekholemt sheyn, / vet er vern der shenster...*" ["And this is the song of late autumn, / Sung before the window. / And when this tune will reach / Those who had beautiful dreams, / It will become the most beautiful"]. Levin pronounces these words with the smile of a close friend, the smile of the poet himself, letting us complete his "most beautiful" melody and sing it in our hearts in the way we imagine it. Giving the listener the opportunity to complete and freely interpret the poetic and the musical aspects of the song is one of the most remarkable advantages of melodic declamation.

The art of melodic declamation has developed in several eastern and western European cultures since the mid-19th century. In the Jewish world, this art was rooted in the old tradition of the entertainers (*badkhonim*) – bards who used to appear at weddings, and in inns or public parks, and whose art combined singing, declamation and certain theatrical components. Their art turned around social satire, and emphasized moralistic points. The singing style of Velvl Zbarzher, one of the first modern Yiddish stage performers, was very close to this genre, and he made a conscious choice to create a synthesis between music and words. The introduction he wrote for his song collection *Makel No'am* ["Stick of Grace"]

(Lemberg, 1878, p. 1), confirms this point: "Poetry and singing are twins born from the same womb, and together they bring amusement to the listener's ear". One of these amusing songs, "*Di velt hot zikh ibergekert*" ["The world is topsy-turvy"] [9] by an anonymous poet, mocks the shtetl Jews' resistance to modernism: "*In earlier times one had bedding, / I swear it was a pleasure / ... Today / ... The ladies wear the feathers in their hats; / At home they sleep on straw!*" Unlike many of its contemporaries, this song has survived and has reached us thanks to Levin. These tunes that "bring amusement to the ear" were open to the influence of other worlds, and were linked by nature with cultural spheres such as entertainment, singing, music, theater, fashion, politics and the media of the time. But in spite of the colorful nature of the songs, and the attraction of the cultural contexts represented by these provincial troubadours, the Jewish intelligentsia did not embrace the all-too-popular and unsophisticated taste of their singing. A. Z. Idelsohn, the father of Jewish musicology, describes the oeuvre of the last great entertainer, Eliakum Zunser, with admiration of the richness of his music mixed with contempt for the culture of the masses: "His melodies draw on folk music, mixed with Hazzanut and a pinch of German melody. His style is anchored in the French couplet... his songs are usually simple, and mostly lack poetic taste" (*Entertainers*, Bodn, 1935, Vol. 2, No. 3, pp. 65-66). Leibu Levin's melodic declamations are characterized by a search for poetic taste, and a strong desire to qualify as high art. This distinguishes them from the songs of the inn- and park-artists. At the same time, being open to other worlds and the ability to borrow different elements from them, those basic

characteristics of the entertainers' singing, became the pillars of Levin's work. A very similar dialog with the entertainers' heritage is found already in the art of the famous stage performer Herz Grossbard (Lodz 1892–Holon 1993). In many ways, Levin followed in his footsteps and succeeded, thanks to his great talent, to combine different types of art in his performances. This is mentioned explicitly in the poem by Arn Lutzki, *"A polke-mazurke"* ["Polka-Mazurka"] ²⁰ which he set to music in 1937: *"The music but also the band – / I'm it all, the whole orchestra in one man. / I play for you and I dance too, / And I'm doing it all – on cue!"*. Being "the music but also the band" and combining them into "the whole orchestra" does not only mean combining singing, dancing and the theater; it is an encounter between cultures, exactly as Idelsohn observed.

The song Polka-Mazurka reveals a deep connection with the art of the Russian melodic declamation master, the poet, singer and actor Alexander Vertinski, a favorite of the Russian bohemian circles of the early 20th century, whom many see as the forerunner of the Russian bard tradition. Vertinski, who frequently appeared in the costume of Pierrot – a lone clown, dreamy and bitter about his unfulfilled love – had become a symbol of good taste and nobility among the decadent circles of the early 20th century. He usually appeared in inns and restaurants in Europe, in the Middle East – including Eretz Israel – as well as throughout Rumania and Poland, declaiming and singing his own compositions, accompanied by a piano or a guitar. Many nuances of Levin's melodies, especially the use of poignant half-tones, and slow or stressed pronunciation of certain consonants and syllables,

bring to mind Vertinski's style. Thus, in Lutzki's song, Levin's voice evokes the image of a marionette controlled by a supreme force, symbolizing the fate of an artist, whose entire life is dominated by his art, as mentioned in the closing verses of the song (*"I will play and play until no more – / Until carried away – on cue!"*). The nimble doll, which performs a popular dance, the polka-mazurka, while uttering penetrating words of sublime poetry to the sound of a trivial melody, is highly reminiscent of Vertinski's Pierrot costume, and of his aesthetics. This association is strengthened by the stressed, mechanical-doll-like pronunciation of the words *"tsum takt!"* ["on cue!"] that end each of the song's eight stanzas.

The war ended abruptly this period in the life and creative career of young Leibu Levin, but his path into the world of melodic declamation had already been paved, his art had already acquired a number of typical characteristics, and proved it was able to survive the disastrous years that lay ahead. The distinguishing characteristics of Leibu Levin's art are: A deep understanding of the many nuances of modern Yiddish literature and a burning urge to perform it for its lovers; nobility of expression that recalls his Russian contemporary, Alexander Vertinski; echoes of the different voices that filled Bukovina in the first half of the 20th century – Jewish folklore and religious music, folklore music of other ethnic groups, the popular songs and declamations of the entertainers; and finally – Levin's music is in dialog with the oeuvre of Herz Grossbard, and bears the stamp of a modernist theater, where the absolute esthetical value of a piece stands above any other value it may have.

3. "*Oyf di vegn sibirer*": Between Lied and Romance

If in times of peace Levin had found his inspiration in the crossroad location of Czernowitz and in its colorful culture, in times of war this location cost him a terrible price. In the midst of the war, Levin, a Jewish soldier in the Red Army, whose entire family perished in the Holocaust, and who often appeared before wounded soldiers, was accused of spying for Hitler's ally Rumania, to which Czernowitz had belonged before it was annexed to the Soviet Union. Levin was exiled to Stalin's forced-labor camps in Siberia, where the road to death was short. Levin, an exhausted skeleton of a man, was thrown onto a pile of corpses, and was left to die of hunger and cold. There, at the remotest corner of the world and near the end of his life, a miracle happened: a female prisoner-physician, Czernia Entin-Guterman, noticed that he was breathing, and in a monumental effort succeeded in saving his life. In those horrible gulags, Levin still found the power to recover his mental strength, translate the poetry of Pushkin and Tyutchev into Yiddish, and even learn new songs, including a popular song he had not known before, "*Laptsches*" ["Straw slippers"] [11]. Levin sings about this winter journey in a number of poems by the Yiddish poet H. Leivick, which he set to his own music. Leivick had also been a political exile in Siberia, but managed to escape before the end of the Tsarist era. The song "*Ergets vayt*" ["Somewhere afar"] [12] from the cycle "*Oyf di vegn sibirer*" ["On the roads of Siberia"] by H. Leivick is without doubt one of the pinnacles of all the songs ever written about Siberia in any language and culture.

Somewhere afar (From Yiddish: Hadassah Haskale)

Somewhere afar, somewhere afar,
Lies the land, the forbidden one,
Silver blue show the peaks
No one ever set foot upon.
Somewhere deep, somewhere deep
In the bowels of earth concealed
Treasures are awaiting us,
Hidden treasures are waiting there.

Somewhere afar, somewhere afar,
Lies a prisoner all alone.
On his head fades the shine
Of the sun that is going down.
Somewhere there strays someone
Deep in snow covered, hidden one
Who does not find his way
To the land, the forbidden one.

In this short two-strophe poem, Leivick depicts a dual world, producing a space where the reader joins the poet in creating a poetic reality. The reader must determine what the place called "somewhere" and "forbidden landscape" is. Is it the land of prisoners or that of freedom? And what is concealed in that land, where "Hidden treasures are waiting"? Not until the last verses of the poem do we understand that it is a dialog between two foci: the yearning for freedom and the view of a region where *"Somewhere afar, somewhere afar, / Lies a prisoner all alone. / On his head fades the shine / Of the sun that is going down"*. The dialog comes to a dead end in the words that close the poem: *"[one] Who does not find his way / To the land, the forbidden one"*. The silence reverberates in our ears as we reach this ending, describing complete devastation. It is a silence and an

unspoken dialog that occur against a beautiful soundless landscape, indifferent to the tragedy of the lost person: "...*Lies the land, the forbidden one, / Silver blue show the peaks / No one ever set foot upon*".

Levin the composer finds his natural place within the poetic space of the song, alongside the poet and the reader: sensitively, without overshadowing the text, he offers a deep interpretation, rooted in his intimate acquaintance with its content. As early as 1941, Lazar Weiner (1897-1982), the composer of Yiddish art songs, published his own music to this poem.³ Levin, who did not read music but had probably heard Weiner's music and was familiar with it, created a musical gem of his own that corresponds with that of Weiner, and whose every detail is filled with meaning and power.

In the song, motion and silence play a mesmerizing game: the song begins with long slow notes that represent the words "Somewhere afar, somewhere afar". These brilliantly frozen notes are followed by a few measures of motion that recalls a light breeze, but all motion stops and the long notes reappear. Such alternating movement recurs throughout the song, and the ever changing slow rhythms create a meditative atmosphere that is also one of hopelessness, where no development is possible. Levin introduces here a favorite gesture of his – a sudden leap from low to high notes, which creates a sensation of unknown distance. Thus on the word

³ Lazar Weiner, "*Ergets vayt*" ("*In the Distant Land*"); poem by H. Leivick, New York: Yibneh Ed., 1941.

vayt [afar], there is an upward octave leap; the following notes climb even higher, vividly depicting an image of bluish mountains. The lowest note of the song paints the words "*In the bowels of earth concealed*" of the first strophe.

The duality created by Leivick is also perfectly expressed in the music. Because the melody of the two strophes is almost identical, it highlights the underlying similarity between them, and the similarity between their respective components. For example, the upward leap that emphasizes the image of the mountains in the first strophe is repeated in the second strophe and draws a ray of sunshine ("*On his head fades the shine*"). The low notes that in the first strophe symbolized the hidden treasures, are repeated in the second strophe on the words "*tif in shney*" ["deep in snow"]. A brief moment of delicate major notes and a short and painful chromatic progression increase the quiet tension between the pastoral and the tragic.

The attentiveness to every motion, word, poetic rhythm and image noticed in "*Somewhere afar*", reappear with the same strength in the music Levin wrote to another poem by Leivick, "*Shtile grozn*" ["Silent grasses"] [8], where the beauty of nature and an unheard human scream come together, much like in the other song. The two songs recall the German Lied tradition, and may well have been the reason why Levin was nicknamed "*The Jewish Schubert*".

Against this esthetical approach, which is based on a stylized melodic line and a meticulous and complex matching of music to words, stands Levin's fondness for the "*urban romance*" genre, which recalls the art of his contemporary, the poet,

playwright and singer Alexander Galich (Alexander Ginsburg, 1918-1977). Galich, also of Jewish origin, was one of the founders of the Russian bard-song genre, and a pillar of the anti-Soviet intelligentsia within the Soviet Union. The Leivick poem that opens the cycle, and after which it is named – “On the roads of Siberia” [13] is set to music in a style that is the antithesis of the melodies of “Somewhere afar” and “Silent grasses”. The melody is built of motives found in hundreds of romances that mostly deal with love or another strong emotion such as farewell, longing and hope. The sharp contrast between the cycle's title, “*Oyf di vegn sibirer*” [“On the roads of Siberia”] and the melody of the romance that follows immediately and speaks about Siberia recalls Galich's style. In the announcement of the title, the syllables “*veee-gnn sibiirer*” are stressed, creating an image of the blowing wind that penetrates the bones and brings coldness and terror. In contrast, the tender melody that comes next and is set to the same words, brings tears to one's eyes: “*Oyf di vegn sibirer / ken emets nokh itster gefinen a knepl, a shtrikl*” [“On the roads of Siberia, / One can still find, even now, a button, a shoe-lace”]. This is a warm and affectionate melody that does not put much emphasis on the nuances of the words. This type of singing is close to a popular style that is suitable for everybody. In the songs of this group, the emotion that sweeps us does not derive its power from the words, and the music follows its own rules. This way, Levin manages to express simple truths honestly and openly, without falling into clichés.

Another typical example of a romance is the poem “*Tsu der mame*” [“To the mother”] [16] by Chaim Grade, which Levin set to music in 1956 – the year of his

release from prison and his acquittal of the false charges he had been accused of. This was the year Levin went to Moscow and renewed his contacts with old acquaintances. He stayed with his friend Dimitri Zhuravlev, with whom he had frequently performed during the war, prior to his arrest. He also met the doctor who had saved his life, and married her daughter. But in the time that had passed, his world had collapsed. His family perished in the Holocaust, and his Yiddish speaking audience had disappeared, or so it seemed in Moscow of that time. This urged Levin to hastily buy some notebooks and write down all the songs he remembered.

The simple words of Grade's poem, "*Ikh her fun der vaytns dikh zogn: 'mayn zun, du zolst alts ibertrogn'*" ["I hear from afar what you're saying: / 'My son, you must bear all that comes'"] were doubtlessly deeply meaningful to Levin. The music he wrote for the poem is full of yearning, love and compassion, but avoids the over-sentimentality of the popular romance. It is free of the buzz of figures of speech and motives worn thin by overuse.

In Moscow of the 1960s, Levin, who lived his best years in the Siberian hell, emerges as an artist with rich and inexhaustible resources. His oeuvre is in dialog with diverse worlds: the tradition of the Jewish shtetl, the world of melodic declamation and the theater, classical music – particularly the German Lied, and finally urban underground music that was deeply rooted in the oppositionist culture of the post-Stalinist Soviet era.

4. "Yidn zingen – ani mamin": The audience

While wandering on the Siberian roads, Levin had written: "*Iber fremde vegn / blondzhet mayn lid, / vet es zikh derfregn / ahin vu es tsit?*" ["On foreign paths / Strays my wandering song, / Will it reach the place / For which it longs?.."].⁴ Now his songs have reached places he had not dreamed about: they were first published on tape-recorder reels and cassettes and distributed among his friends, they were later performed and recorded professionally by other artists, and were also published in print. Although Levin had no high expectations, an audience had waited for him in Czernowitz for three long decades: in 1962, for the first time since the war, Levin returned to Czernowitz, the city where his career had been launched. This historical visit came about after he received a special invitation to participate in a commemoration event held for the Rumanian Yiddish poet Eliezer Steinberg (1889-1932). When Levin came on stage, he was given a fifteen minute standing ovation.

During his time in Moscow, Levin appeared all over the Soviet Union – solo and with the Yiddish singer Nechama Lifshitz, until the illness he had caught in the camps made him stop this activity. These performances introduced him to the Soviet Jewish audience, which had very little access to Jewish culture at that time.

⁴ Translated by Hadassah Haskale.

Without having planned it, Levin retroactively influenced the Moscow cultural scene after he had almost stopped performing. The song "*Di grine shnayderlekh*" ["The green tailors"] is one example for this. Shike Driz had given the song to Leibu Levin as a present, and it was dedicated to his daughter Ruth, who was born in Moscow. Levin set the original Yiddish lyrics to a melody of his own, but the song became popular in its Russian translation, with the new title "Green carriage", set to the wonderful melody of the physicist Alexander Sukhanov (b. 1952). The Russian version was recorded by various singers, and the Yiddish original was forgotten. The re-birth of this song is a fascinating documentation of the way popular songs develop in a given cultural space. The song "Green carriage" ("Зелёная карета") continues to flourish in the post-Soviet culture as a perfectly Russian song.

In 1972, Leibu Levin settled in Israel with his family, taking advantage of the narrow time window opened for Jews who wished to emigrate during the Brezhnev era. While some of his songs survived as folk songs (a fact of which Levin was particularly proud), the artist himself began the final chapter of his life, once again characterized by alienation from his natural surroundings, if such surroundings had ever existed at all. In the cultural space of Israel of the 1970s, which was mainly based on the Hebrew language, the only audience that yearned for Levin's older voice, singing in a foreign language, was a small audience of immigrants from the Soviet Union and Rumania, who had known him in the past. But this did not weaken Levin's determination. He went on singing and composing, in Yiddish and in Hebrew, even though his stage performances became scarcer. In

1973 he set to music Leivick's song "*Yidn zingen – ani-mamin*" ["Jews are singing 'I believe'"] [17], which expresses faith in the eternal Jewish spirit, alongside faith in the Zionist dream he had kept since his days in the Gordonia movement. The song also expresses his faith in the eternal life of his own art, Yiddish singing, at a time that appeared to be its twilight.

* * *

Leibu Levin's work is characterized by the way it merges near and far worlds. It draws on Jewish folk traditions, classical literature, popular urban songs, classical music, theater, gulag poetry and the Russian underground bard culture. The listeners are invited to work their own path through the oeuvre of this ever-wandering artist, and find an answer to his question-invitation "For whom will you sing now, for whom?"

The poets

Abraham Reisen (Avrom Reyzen, 1876, Koidanov, Belarus – 1953, New York), a Yiddish poet and writer, journalist and literary editor, one of the most avid supporters of "Yiddishism" – the revival of the Yiddish language and the inclusion of its literature in the international literary discourse. A master of the short story, Reisen depicted a long series of figures from the Jewish world, in a typical realistic-minimalistic style. His readers have found in his poems a combination of the popular Yiddish poetic tradition and of West-European literary traditions, next to clear echoes of biblical poetry. His simplicity while striving for esthetic perfection, his humor and typical lyricism, his constant dialogue with non-Jewish literature, and above all, his deep conviction of the beauty of the Yiddish language and his confidence in its readers – all these made him a favorite pillar of Yiddish literature in the United States, both among the cultural elites and among the Yiddish speaking public at large.

H. Leivick (pen name of Leivick Halpern, 1888, Ihumen, Belarus – 1962, New York). Poet, playwright, and cultural activist, nicknamed "the prophet of modern Yiddish poetry". He wrote his early works while he was imprisoned and exiled to Siberia for his political activity against the Tsarist regime. He managed to escape Siberia and reached New York, where he became close to a group of modernistic poets, *Di Yunge* (The Young). His poem "Somewhere Afar" [2], published in 1918, won him immediate fame, and is a typical example of the way he combines current affairs with relentless efforts to reach esthetic perfection. His play "Golem", published three years later, was

regarded by the Yiddish speaking community as a highly significant event. In 1925, Habimah Theater staged it in Moscow in Hebrew, and it was eventually translated into many other languages. "...Immediately after it was first published in 1925, the dramatic poem "Golem" had a tremendous impact on the world of Yiddish literature. It was read and reread, and gave rise to hot written and oral disputes around basic issues such as: Universal redemption and Jewish redemption, the place of spirit and matter in the process of redemption, the Jewish Messiah and Christian salvation, the Maharal of Prague and the golem, crowd and individual, art and artist, realism and symbolism ..." (Kharlash, 1963). These poignant issues have become central to the rich oeuvre of this giant of Yiddish culture.

A. Lutzky (pen name of Aharon Zucker, 1894, Demidovka, Ukraine – 1957, New York), an American poet. In his youth he studied music, played the violin, sang in the cantor's choir of the town of Lutsk (hence his pen name), and for a while planned to become a cantor himself. Some echoes of these biographical details may be found in his poem *Polka-Mazurka* [20](#), in which the poet is described as the orchestra and the conductor combined. The poet Melech Ravitch observed that combinations, particularly between different arts, are characteristic of Lutzky's poetic style: "His poetry is a kind of poetic pantheism. In his poems, everything is vivid, speaking and thinking. Not only is everything alive, but everything is personified. Objects, plants, living things are treated as one, defying borders. Joy and lust for life on one hand, doubt and fatalism on the other. A kind of singing philosopher, a 20th century *spielmann*. It is no coincidence that Lutzky used to perform his own poems so artistically. After

all, he and his poems were all in one – body and soul, word and content” (quoted after Diamant, 1963).

Jacob Glatstein (1896, Lublin, Poland – 1971, New York), American Yiddish poet and literary critic. One of the three founders of the modernistic literary stream *Inzikh* (Within Oneself), whose followers saw the personal introspective experience as their focal point, and in the process wished to release themselves from literary conventions such as accepted meter and rhyme patterns, or adjusting the content to socio-political requirements. Benjamin Hrushovski says the following about Glatstein’s work (1988, abbreviated quote): “After the Holocaust, many readers saw him as the greatest Yiddish poet of his time. Glatstein the “introspectivist” had a personal idiom, restrained, spinning direct speech elements, filled with irony, wisdom, and mixing personal experience with historiosophic contemplation. From the outset, Glatstein’s modernism was not a colorful one, based on acoustic fireworks and astounding metaphors ... the syntax [he] developed is that of a conversation – conversation, which is a central element in the Yiddish language culture – but this conversation is basically a monologue”.

Itzik Manger (1901, Czernowitz, Bukovina – 1969, Gedera, Israel), poet, playwright, author and essayist. One of the most important authors of 20th century Yiddish literature, he lived and worked in Czernowitz, Warsaw, Paris, London, New York and in his later life in Israel. Poet Avrom Sutzkever said about him (1958): “In Manger’s luminous poetry, which has become an asset of the people, secrets and hidden symbols lead secret lives of their own. They vibrate in the crystalline sounds of his colorful and

flowing melodies; they wrap his poems in an armor of eternal dream. [...] With a single sound he binds together the sky and the earth; his vision shines in a simple word – as in a droplet of dew, and free and playful expressions are carried on sounds of hidden music, becoming graceful and even modest, while other innocent and honest poets would have made them sound vulgar”. David Roskies stated (2011): “Having revived the symbolist poetics of *Di Yunge* long after its heyday in America; by adopting the Hasidic heartland at the foot of the Carpathian Mountains as the wellspring of Yiddish poetry and the turn-of-the century Galician shtetl as Paradise Lost; by aligning himself with the consensus politics of the Bund; and above all, by his self-representation as a troubadour, Manger [...] redefined the temporal, spatial, and poetic center”.

Zelik (Zeylig) Barditshever (1903, Belz, Bessarabia – 1937, Iasi, Romania), a popular artist, poet and troubadour. He went to a *kheyder* and studied at a yeshiva, and later earned his living as a teacher in Bessarabia's towns. He began composing and performing comical songs at a young age, and became extremely popular as early as the 1930s, although he had no interest in advertising himself. He died of tuberculosis, and his pedagogical writings, children plays and most of his songs have never been published. Nine of Barditshever's songs were first published with the help of Leibu Levin, who had met Barditshever in Belz, and memorized ten of his songs. In 1939 these songs were notated in Czernowitz by music teacher L. Peretz based on Levin's rendition. Because the Romanian censor prohibited the publication of one song, only nine of these songs were published by H. Segal (see Edwin Seroussi's introduction to the present booklet).

Shike Driz (1908, Krasnoe, Podolia – 1971, Moscow), a leading Soviet Yiddish poet, especially known for his writings for children. As Dov-Ber Kerler said (2010): "Driz was one of the foremost postwar masters of lyrical, highly refined Yiddish verse. It is sometimes difficult to distinguish his children's poetry from his adult poetry since the former is often quite serious, while the latter is playfully suggestive. His poetry's ostensibly folklike quality — which drew much from Yiddish idiom, lore, and folk song — is at the same time marked by sophisticated diction, wry and sometimes bitter humor, and witty stylization. Some aspects of his poetics bear uncanny affinity with elements of Itzik Manger's poetic style. Driz himself often performed many of his own poems as songs or melodeclamations, frequently using his own tunes." Valery Dymshitz adds (2008): "From his very first song collection, Driz's poetry has its own typical characteristics: it is not based on metaphors but on easy natural speech. Driz belongs to the "breathing" poets, his verses should be read out loud, and do not exert the reader's breath; although somewhat modest in poetic trope, his poetry is convincing in the precise intonation of its melodeclamation, and this richness of intonation is supported from the start by broad formal searches. In his youth, Driz experimented with very long and very short verses, with complex strophes, with uneven rhyming, with rhymed prose, with blank verse. The tastes of a man playing with poetry in the 1920s are forever preserved in his work".

Chaim Grade (1910, Vilna – 1982, Los Angeles), a Vilna-born American writer and poet. Many of his writings were dedicated to the Jews of Lithuania. In his youth he was a member of the literary group *Yung Vilne* (Young Vilna), which aspired to strengthen non-religious Yiddish culture and enter into a dialog with modern western literature.

The mother figure that stands central in his poem *"Du bist kleyn"* ("To the mother" in Leibus Levin's version, [16]), remained a central motive in his work over the years. His compatriot, the great Yiddish poet Avrom Sutzkever, remembered the days when Grade, a pauper, lived in a blacksmith's shop (1962): "In Grade's darkest verses, we always find the fire of vision. These verses are young and old at the same time, like the stroke of a sledgehammer. [...] Do you remember, Chaim, walking me out of the blacksmith's shop, how you asked me with embarrassment if I could loan you 20 Groszy? You did not dare ask your mother, who remained standing there near the gate, holding a bag of frozen apples, ready to give you her soul. I don't recall if you ever returned the twenty Groszy... You have paid me since with treasures, with you poetry and prose, in which you revived our ploughed town, and your mother, who now dwells in a Yiddish paradise".

References

- Kerler, D.-B. 2010. "Driz, Shike", *YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe* <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Driz_Shike>, accessed on 1.03.2015
- Roskies, D.-G. 2011. "Manger, Itsik." *YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe* <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Manger_Itsik>, accessed on 1.03.2015
- "Zeylig Barditshever (1898-1937)" .2011. <<http://yiddishmusic.jewniverse.info/barditsheverzelig/index.html>>, accessed on 1.03.2015
- Дымшиц, В. 2008. "Или-или...: К столетию Овсея Дриза", *Народ Книги в мире книг* 73-74, сс. 1-7.

In Yiddish and Hebrew:

Barditshever, Z. 1939. *Lider mit nigunim*. Czernowitz.

- Diamant, Z. 1963. 'Lutski, A.', *Leksikon fun der nayer yidisher literatur*, New York, vol. 5, pp. 20-24.
- Hrushovski, B. 1988. 'Hamodernizm shel Glatshiteyn', *Moznayim*, 61, 10-11, pp. 17-20.
- Kharlash, Y. 1963. 'Leyvik, H.', *Leksikon fun der nayer yidisher literatur*, New York, vol. 5, pp. 107-128.
- Niger, Sh., Shatski, Y. 1981-1956. *Leksikon fun der nayer yidisher literatur*, New York.
- Sutskever, A. 1958. 'A vort tsum poet', *Di goldene keyt*, 31, pp. 12-14.
- Sutskever, A. 1962. 'Khaim Grade', *Di goldene keyt*, 44, pp. 5-7.

Знакомство с Лейбу Левиным

“Песни Лейбу Левина ждут серьезной профессиональной оценки” – написала в 1984 г. Нехама Лифшиц, всемирно известная исполнительница песен на идише, в первую годовщину смерти своего сценического партнёра – мастера художественного слова, композитора и певца Лейбу Левина (1914-1983), уроженца города Черновит (ныне Черновцы, юго-западная Украина). Отмечая столетие со дня рождения Левина, Центр исследования еврейской музыки откликается на призыв Лифшиц выпуском настоящего компакт-диска.

Три года тому назад дочь Левина, певица Рут Левин, предложила мне выпустить архивные записи своего отца, которые в то время были сосредоточены в трёх разных источниках – в семейных архивах, в коллекциях Национальной Фонотеки Израиля и в архивах записей Израильского радиовещания “Голос Израиля”. Трудно было отклонить идею публикации работ одного из наиболее завораживающих исполнителей на идише. Более того, область светской музыки на идише до сих пор ещё недостаточно представлена в выпусках Центра. Кроме единственной публикации – сборника песен Нохема Штернгейма (“Hobn mir a nigndl: shirey ‘hatrubadur’ hayehudi Nokhem Shternheyim” [“Есть у нас песенка: песни еврейского ‘трубадура’ Нохема Штернгейма”], под ред. Гилы Флам и Дова Ноя, *Йуваль*, №7, 2000 г.) – эта важная тема не была освещена в должной мере. Поэтому вопросы, возникшие в связи с настоящим исследовательским

проектом, касались не самого решения о публикации, а, скорее, были направлены на раскрытие его контекста; возник вопрос: в какую серию Центра он должен был помещён, ведь, как мы вскоре увидим, творчество Левина нелегко поддаётся общепринятой классификации.

Продолжительные обсуждения были посвящены выбору наиболее подходящего формата для данной публикации. В результате было решено, что диск станет частью главного проекта аудиозаписей Центра, "Антология Музыкальных Традиций в Израиле", несмотря на то, что современный характер предлагаемого собрания подходит и нашей более молодой серии, "Современная Еврейская Музыка". В подборке записей редакторы стремились представить всё разнообразие музыкальных стилей песен и мелодекламаций Левина, и включить тексты всех его любимых поэтов. Отметим вместе с тем, что в Фонотеке хранится множество аудиозаписей, не включённых в данное собрание по причине недостатка места на диске. На сайте Центра (www.jewish-music.huji.ac.il) Лейбу Левину будет посвящён отдельный раздел, который дополнит данное издание. Там планируется разместить до сих пор неопубликованные аудиозаписи, а также комментарии к отдельным произведениям, материалы к биографии и иллюстрации.

Наш диск не является первой публикацией произведений Левина, наследие которого насчитывает около восьмидесяти песен и мелодекламаций на слова поэтов на идиш, а также несколько мелодий к стихам на иврите. Его близкий друг Герш (Гушке) Сегал из Черновиц, литератор и идишист, выпустил уже

в 1939 г. альбом "Зекс шлофлидер" ["Шесть колыбельных"], который через тридцать лет был переиздан в Тель-Авиве. Альбом включил мелодии Левина на стихи Ицика Мангера, Г. Лейвика, Мойше-Лейба Галперна, Аврома Рейзена и Нохума Йуда, с иллюстрациями художника Изю Шерфа – друга детства, работавшего позже в еврейских театрах Бухареста и Ясс.

Сотрудничество Левина и Сегала, переживших ад Холокоста и сталинизма, было возобновлено через много лет в Израиле. Их общие усилия были направлены на спасение поэтического наследия Зельмы Меербаум-Айзингер, ученицы Левина в драмкружке еврейской школы №5, в 18 лет скончавшейся от тифа в нацистском концлагере. Как и её троюродный брат, великий поэт Пауль Целан, Зельма писала свои стихи по-немецки. Сегал, бывший учителем математики Зельмы в Черновцах, издал спасённую друзьями и переправленную в Израиль рукопись её стихов в 1976 г. в Реховоте. Левин перевёл пять ее стихотворений на идиш и положил их на музыку (Levin 1976), а следующий год целиком посвятил переводу всех стихотворений Меербаум-Айзингер на идиш; в 1978 г. они были изданы в Тель-Авиве; тогда же он положил на музыку еще одно ее стихотворение. В 1980 г. вышел в свет сборник "Veolam hazemer" ["В мире песен"], в который вошли 36 мелодий без сопровождения; четыре из них – на слова на иврите, и еще четыре – на слова, написанные самим Левиным во время войны и заключения.

Однако наиболее полное собрание его сочинений увидело свет только посмертно. Вдова композитора, Александра (Шура) Левин, была

инициатором издания полного собрания его музыкальных произведений. Она также подготовила подборку его стихов, сохранившихся в рукописях, наряду со статьями, воспоминаниями, критическими эссе, письмами и высказываниями о нём, опубликованными при его жизни в Румынии, в СССР и в Израиле. Произведения Левина, в редакции его супруги, были изданы в Тель-Авиве под скромным заглавием "Лейбу Левин" (Levin 1984), и на это издание мы во многом полагались при подготовке настоящего буклета. Но и вдова Левина не дождала до исполнения своей главной мечты – публикации всех песен мужа.

Воплотить в жизнь эту мечту решила дочь Левина, Рут. Книга песен Лейбу Левина была издана в 2005 г. Сюда вошли 49 песен на стихи поэтов на идише, предисловие, биография и примечания Рут Левин, основанные на документах и записках отца. (Отметим, что эти тексты служили важным источником и для данного введения.) Сорок четыре из этих песен аранжировал для голоса и фортепиано израильский пианист и композитор Ханан Винтерниц (1914-1995), к тому времени уже написавший обработки к шести песням Левина на слова поэтов на иврите (Levin 1990). Несмотря на то, что эти два выдающихся музыканта никогда не встречались, Винтерницу удалось в своих обработках мастерски восстановить атмосферу левинских исполнений. В сборник вошли еще пять песен в аранжировках Регины Дрикер (фортепиано) и Алексея Белоусова (гитара); две песни даны в аранжировках для двух голосов, сделанных Зимрой Орнатт (Лифшиц) и Арье Леваном.

Рут Левин не ограничилась изданием песен отца. Она продолжала знакомить публику с его наследием, исполняя его песни в Израиле и за рубежом, а также осуществив аудиозаписи этих песен в обработках Винтерница и других. Частным образом она также выпустила в ограниченном тираже архивные записи отца, и раздала эти диски друзьям и поклонникам его искусства. Последний этап деятельности Рут был уже связан с данным изданием. Потребовалась кропотливая и обширная работа по сбору и классификации всех записей Левина, а также по формированию репрезентативного собрания, на основе которого был создан настоящий диск.

Для того чтобы представить творчество Левина в свете академических исследований, мы обратились к Михаэлю Лукину, исследователю в Центре сотруднику Центра, изучающему песни на идише. Лукин согласился редактировать диск, и в своей вступительной статье он даёт характеристику творчества Левина, как оно отражается в предлагаемых здесь исполнениях. Как мы уже упомянули выше, любая попытка дать критическую оценку произведениям Левина предъявляет исследователю непростое требование – ориентироваться в "пограничном" пространстве между пением и мелодекламацией, между театром и художественным чтением, композицией и импровизацией, восточноевропейскими стилями и западноевропейским наследием, народными традициями и современными течениями. В своей статье Лукин объясняет термин "мелодекламация" как исполнительскую категорию, и комментирует отдельные песни. Итак, перед нами первая ласточка, вслед за которой придут новые исследования творчества Левина

и его места в современной культуре на идише. Мы надеемся, что Михаэль продолжит разрабатывать страницу Лейбу Левина на сайте Центра.

Левин был, прежде всего, мастером художественного слова, и особенность его искусства состоит именно в раскрытии и развитии этого жанра. Поэтому невозможно отделить музыкальную сторону творчества Левина от поэтических текстов. Левин исполнял стихи современных ему поэтов; краткие сведения о них включены в наш буклет. Наверное, самым близким ему поэтом был Ицик Мангер (1901-1969), великий выходец еврейских Черновцов. Неповторимые сценические исполнения Левина стихов Мангера можно назвать самостоятельным жанром (подробнее об этом см. ниже). Рядом с Мангером в мире Левина безусловно находится Г. Лейвик (псевдоним Лейвика Галперна, 1888-1962) – поэт, с которым Левин ощущал особую связь, в особенности в силу общей для обоих темы политического заключения в России; эта тема преследовала Левина, проведшего четырнадцать лет в сибирских лагерях. В последние годы жизни Левин положил на музыку многие стихи еврейских поэтесс – Анны Марголин, упомянутой выше Зельмы Меербаум-Айзингер, Доры Тейтльбойм, Леи Гольдберг и Рахели (Рахель-Раи Блувштейн-Сэла). Сам Левин писал немного; "Священный талисман", стихотворение, опирающееся на традиционные образы из мира еврейских народных колыбельных, услышанных от матери, является одним из лучших его стихов.

Лейбу Левин никогда не учился нотной грамоте. Хотя многие из его

мелодий были записаны профессиональными музыкантами при его жизни, немало других сохранилось только в домашних записях, и были записаны в нотах только посмертно. Некоторые песни ошибочно, в силу драматических перипетий его жизни, приписывались в течение длительных периодов другим. Пример тому – мелодия Левина на известное стихотворение Г. Лейвика "Положи голову мне на колени". В упомянутом выше сборнике 2005 г. приводится свидетельство Нехамы Лифшиц:

"Пользуясь случаем, я хотела бы исправить ошибку, касающуюся песни "Положи голову мне на колени" – одной из многих песен, которые я слышала в исполнении Левина в Москве, в конце 1950-х годов. Он сочинил и пел эту замечательную песню, "колыбельную для взрослых", ещё в 30-е годы; это могут подтвердить все, кто слушали его выступления на сцене "Скала" (кинотеатр, находившийся на углу улиц Шиллергассе и Альтгассе) в Черновцах, как и на многих других сценах Румынии. Лейбу Левин при мне передал эту и другие песни московскому композитору Льву Бирнову, который должен был подготовить обработку для фортепиано. Видимо, по характерной ему чрезмерной скромности Левин не назвал Бирнову автора этой мелодии. Так со временем надпись "обработка Л. Бирнова" превратилась в надпись "музыка Л. Бирнова". Эта ошибка была перенесена во многие публикации и пластинки. Данная публикация позволяет наконец вернуть песню её истинному владельцу".

Левин был не только исполнителем, но и собирал песни на идише; благодаря ему многие песни избежали забвения. Так он рассказывал сам:

“Во время моих разъездов по городкам и местечкам Бессарабии я встретил в Бельцах Зелика Бардичевера. Он переписал все тексты своих песен, и я передал их Гушке [Сегалу] в Черновицы. Он сразу решил их опубликовать. Я пел, а учитель музыки, Л. Перец, записывал ноты. ...Таким Гушке был всегда; получая месячную зарплату, он всегда откладывал часть в специальный ящик в письменном столе – эти деньги предназначались для особых замыслов, в которые он вкладывал всю душу”.

В своих камерных театральных выступлениях Лейбу Левин был и автором, и постановщиком, и артистом одновременно. Подобно режиссёру, который порой заново перерабатывает пьесу для своей постановки на сцене, Левин перерабатывал стихи для своих исполнений, иногда внося в них изменения. Иногда он сокращал тексты, порой добавлял одно-два слова или менял порядок слов и рифм. Определённая свобода в подходе к тексту создавала, в частности, и ту особую атмосферу, сопутствующую выступлениям Левина. Об этой атмосфере мы узнаём из отзывов критики черновицкого периода, выдержки из которых были собраны в уже упомянутой книге, подготовленной Шурой Левиной.

Вторая мировая война и её последствия перевернули жизнь Левина: он потерял всю семью, был сослан, оказался в заключении, был на волосок от смерти. Очевидец, прибывший в Южную Америку, описывает такую картину:

“В своих скитаниях в период Второй Мировой Войны мой брат встретил Лейбу Левина, сильно подавленного, на Урале. Своей поэтической душой он предчувствовал, что уже никогда не выйдет оттуда ... После 1946 г. о нём никто ничего не слышал. Что сделалось с Лейбу Левиным? Кому он поёт сегодня свои песни? Кого наслаждает стихами Лейвика, Мангера и Рейзена? Умолк ли его голос?” (Рувен Кац, газ. “Дос Идише Ворт”, Сантьяго-Де-Чили, 17 июня 1955 г.)

Его голос не умолк. Несмотря ни на что, отчаявшемуся Левину удалось вернуться к жизни. В 1956 г., после реабилитации, он приехал в Москву, где сумел создать новую семью, и в 1972 г. наконец прибыл в Израиль, в страну, о которой всегда мечтал. В последние десять лет жизни, которые Левин провёл в Израиле, он выступал довольно редко. На его концерты приходили уцелевшие поклонники его искусства, понимавшие значимость его особого места в еврейской культуре предвоенной Европы и Советской России – в культуре, остатки которой чудом сохранились на далёких от Черновцов и Москвы берегах Средиземного моря. Своим особым голосом он вдыхал жизнь в “призраки” артистической среды Черновиц межвоенного периода (ср. *Ghosts of Czernowitz*, M.Hirsch and L.Spitzer 2010). Большую часть своего времени в Израиле он отдавал созданию песен и мелодекламаций; больше половины его произведений создано в Израиле. Многие

из них были записаны в его исполнении на радио. Левин продолжал петь даже почти без голоса, перед самой смертью.

* * *

Хочется поблагодарить моих коллег и помощников, без общих усилий которых невозможно было бы издать аудиозаписи Лейбу Левина. Без неутомимой энергии Рут Левин наш проект никогда бы не состоялся. Выражаю ей искреннюю благодарность за инициативу и за готовность предоставить нам все материалы и все источники для написания этого текста. Циники скажут, что нет ничего удивительного в стремлении дочери увековечить наследие отца. Однако в преданности Рут идее раскрытия искусства Лейбу Левина широкой публике нет ни капли самовозвеличения. Она действительно верит, что это искусство представляет собой памятник исчезающей культуре, рассказ о которой необходимо донести до следующих поколений. Данный проект свидетельствует о том, что и мы разделяем эту веру.

Мой ученик и коллега Михаэль Лукин с большим воодушевлением помог осуществить издание. Я благодарен ему за особые усилия, вложенные в исследование и отбор материалов, в их анализ, редактирование, перевод и подготовку научного аппарата. Несколько прекрасных переводчиков работало над настоящим изданием, мы сердечно признательны им всем. В Санкт-Петербурге – это трое лучших на сегодняшний день переводчиков на русский язык литературы на идише: Валерий Дымшиц и Игорь Булатовский, составители книги "Бумажные мосты", первой российской антологии

сочинений американских еврейских поэтов (2012), а также Александра Глебовская. В Израиле – это Давид Криксунов, а в США – известный идишист, исследователь и журналист Ицик Готтесман, переведший ряд стихотворений на английский.

Поддержка нескольких фондов, способствующих изучению культуры на идише в Еврейском университете в Иерусалиме, сделала этот проект возможным. Фонд семьи Майзель из Мехико имени проф. Тувии Майзеля, педагога и горячего приверженца музыки и культуры на идише в Мексике, оказывала в прошлом и продолжает оказывать и сегодня щедрую поддержку работе Центра в области музыки евреев Восточной Европы. Выражаем глубочайшую благодарность наследникам за столь продолжительную помощь нашей организации. Фонд Цунзера в Институте изучения еврейства Иерусалимского университета, один из старейших фондов, поддерживающих изучение культуры на идише, продолжает участвовать в финансировании проектов Центра, включая настоящее издание. Мы благодарим Фонд Цунзера и членов его академического совета. Средства, завещанные проф. Иоганной Спектор, одной из основателей еврейского этномузыковедения, поддержали научное исследование наследия Лейбу Левина. Большая честь для нас почтить память проф. Спектор в этой публикации и в других публикациях последних лет.

Архивные записи не могли бы сохраниться до наших дней, если бы не неустанная работа фонотек Национальной библиотеки Израиля в

Иерусалиме и Израильского радиовещания, "Голос Израиля". В этой связи упомянем этнографическую работу нашего коллеги Яакова Гельмана, бывшего директора музыкального отдела Национальной библиотеки, которой один из первых в Израиле оценил особенности искусства Левина и осуществил его аудио- и видео-записи. В подготовке, предшествующей выпуску нашего диска, мы во многом опирались на его работу. Сегодняшние работники музыкального отдела Библиотеки оказывали нам постоянную помощь. В особенности мы благодарны директору отдела, музыковеду Гиле Флам, а также звукооператору Библиотеки Гилю Штайну, за безотказную поддержку в выборе записей и их подготовке.

Наконец, выражаю благодарность нашему языковому редактору и переводчику Тове Шани за её высокопрофессиональную работу, а также администраторам Центра исследования еврейской музыки, Сари Салис и Тали Шах, за их преданность Центру и помощь во всех его публикациях.

Эдвин Серусси

Список цитированных источников

- Gold, Hugo (ed.) 1958-1962. *Geschichte der Juden in der Bukowina*, 2 vols. Tel Aviv.
- Hirsch, Marianne, and Leo Spitzer. 2010. *Ghosts of home: the afterlife of Czernowitz in Jewish memory*. Berkeley: University of California Press.
- Levin, Leibu, 1939 [1969]. *Zeks shloflider*. Czernowitz: Eked [reprint: Tel Aviv: Eked].
- Levin, Leibu. 1976. *Five songs*. Rehovot.
- Levin, Leibu. 1980. *In der velt fun gezangen: lider oyf yidish un in ivris*. Tel Aviv: Or-Tav.
- Levin, Leibu. 2005. *Leibu Levin. Word and melody: Yiddish poetry set to music*, ed. with an introduction and afterword by Ruth Levin. Tel Aviv: I. L. Peretz Publishing House.
- Levin, Leibu, and Hanan Winternitz. 1990. *“Al Asher Lo Haya”*: *Six songs for voice and piano*. Tel-Aviv: General Federation of Labor, Culture and Education Enterprises.
- Levin, Shura (ed.). 1984. *Leybu Levin: Shtrikhn tsu der geshtalt fun a vort-kinstler*. Tel-Aviv: The Author.

Михаэль Лукин

"Я один – оркестр": песнь Лейбу Левина

Как же петь, когда не станут
Слушать эти песни?..
Пой, закинув голову,
Звездам в поднебесье.
Ведь они – твои, твои,
Эти звезды, видишь?
Ведь они (а как иначе?)
Понимают идиш.

Лейбу Левин, около 1974 (Пер.: В. Дымшиц)

Невозможно не откликнуться вопросом на вопрос: а как же слушать эти песни? Не звёздам, а нам, обитателям земного шара в 2015 году, через сто лет после рождения чтеца, композитора и поэта, Лейбу Левина (1914-1983)? Не только слова непонятны, но и многое из бессловесного – пафос и вздохи, музыка, паузы, жесты – слишком многое отделено от нас космическими расстояниями! Как преодолеть эту пропасть, пролегающую между нами и аудиторией поклонников Левина, румынско-еврейской интеллигенцией тридцатых годов прошлого века? Знакомство с биографией артиста вряд ли

поможет услышать и понять его, редко сможем мы обнаружить связь между перипетиями жизни Левина и его искусством. Удары судьбы, пережитые им в годы двух мировых войн, во время Холокоста, в течение четырнадцати лет сталинских лагерей и в эпоху угасания культуры на идише, последовавшей уничтожению большинства носителей самого языка, не ранили его музу.

Талант увидеть, прочувствовать и откликнуться на звуки и образы современной поэзии на идише – поэзии, сформировавшейся незадолго до рождения артиста, достигшей своего расцвета в годы его молодости и безвременно ушедшей у него на глазах – этот удивительный талант не иссяк даже перед лицом безысходного "Как же петь?". Наверное, в этом и заключается секрет настоящего искусства. Как заметил черновицкий друг Левина, поэт Пауль Целан: "Настоящая поэзия анти-биографична. Родиной поэта являются его стихи; от одного стихотворения к другому она меняется".¹ И действительно, мастер мелодекламации, Лейбу Левин продолжал сочинять и исполнять и в предвоенной Румынии (1932-1940), и в военных госпиталях (1941-1942), и в сталинских лагерях (1942-1956), и в Москве, где обосновался после освобождения, отказавшись от возвращения в опустевшую без евреев Буковину, и, наконец, в Израиле (1972-1983), где стал свидетелем плачевного состояния культуры на идише. Воистину, его родиной оставалась "анти-биографичная" поэзия. Как таковая, песнь вопреки

¹ Paul Celan, *"Mikrolithen sinds, Steinchen": Die Prosa aus dem Nachlass*, Frankfurt am Main, 2005, S. 25. (перевод – М. Л.)

перипетиям жизни была воспета Левиным в исполнении стихотворения его московского друга Шике (Овсея) Дриза (1908-1971), "Высокий дуб, красивый дуб, могучий дуб": *"Пусть содрали всю кору, Я остался гол, Соки выпили мои, Истоичили ствол, Но корень не сумел никто Выкорчевать мой, Я здесь, вы видите меня, Я опять живой..."* [19]². Подобно дрязовскому дубу, Левин пел, казалось бы, вне всякой связи с внешними событиями, черпал силы в самой поэзии больше, нежели в окружающем мире.

Тем не менее, невозможно вовсе отмежеваться от исторических и культурных контекстов этого "анти-биографичного" творчества. Попытаемся взглянуть на жизненный путь художника сквозь призму его исполнений современной поэзии на идише, прислушаться к созданным им мелодиям и к его декламациям, неподдающимся воспроизведению кем-либо другим. Особый голос Лейбу Левина обращен не только к разрушенной цивилизации и к вечности, но также и к нам: он приглашает к диалогу.

1. "Давай поедем в Вербейж": фольклор

Лейбу Левин родился в 1914 г. в южно-буковинском городке Кымпулунг, в то время принадлежавшем Австро-Венгрии. Штетл, насчитывающий накануне

² Здесь и далее цифры в квадратных рамках обозначают номера дорожек на компакт-диске. Имена переводчиков с идиша, и полные тексты приведены в разделе "Тексты стихотворений".

Первой Мировой Войны около 3500 евреев, служил ещё с XVIII века, если не раньше, перекрестком на пути из Польши на Балканы и из Западной Европы – в Восточную. На этом географическом перекрёстке, на стыке различных культур и музыкальных традиций, сформировавших особый музыкальный ландшафт, и протекало детство Левина. Народные песни на идише пела мать, отец пел хасидские нигуны (религиозные напевы без слов) Бояновского ребе, ко двору которого он принадлежал, а вокруг звучали мистические напевы Вижницкого двора – особенно популярного направления хасидизма в тех краях. Позже Левин вспоминал, что эти мелодии глубоко осели в его сознании; их отзвуки слышны в исполнении стихотворения Янкева Глатштейна (1896–1971) "Глас реб Лейви-Ицхока" [5], и в первом опусе Левина-композитора, "Шесть колыбельных" (Черновиц, 1939), две песни из которого представлены в нашей антологии: "Спи, спи" на слова Г. Лейвика (псевдоним поэта и драматурга Лейвика Галперна, 1888–1962) [2], и "Молодая мать" на слова А. Рейзена (1876–1953) [8].

Возвращению в буковинское детство, за далёкую реку, посвящена мелодекламация "Детство", на слова близкого друга из Черновцов, поэта Ицика Мангера (1901–1969) [1].

ДЕТСТВО

Давай поедem в Вербeж
(балагола, гони),
гнут над Прутом прутик там
детства нашего дни.

Еврейские пацанята
в лохмотьях, босиком,
они свистят как пташки
и все им нипочем.

Они верхом на козах
скачут на лугу,
повсюду носятся, крича:
"С дороги! Угу-гу!"

Давай поедem в Вербeж
(балагола, гони),
гнут над Прутом прутик там
детства нашего дни.

Еврейские пацанята
в помятых картузах,
они умеют рифмовать,
ну прямо как в стихах:

"Эй, портняжка-побродяжка,
заложи капоту
за медяшку и, бедняжка,
отмечай субботу!"

Давай поедem в Вербeж
(балагола, гони),
гнут над Прутом прутик там
детства нашего дни.

Они лежат в густой траве
(тут не сдержат улыбки)
и важной барыне — жаре
показывают пипки.

Еврейские пацанята
в лохмотьях, босиком, —
гляди, навстречу нам они
несутся кувыркoм.

Стихотворение одного из самых известных поэтов на идише непринуждённо совмещает, казалось бы, несовместимое: игру и мечтания, юмор и ностальгию, фольклоризм и изысканность формы. Девять строф разделены трижды повторяющимся, почти эпическим, и в то же время личным, лирически-непосредственным, приглашением: *"Давай поедем в Вербез, (Балагола, гони), Гнут над Прутом прутик там Детства нашего дни."* Это приглашение вернуться в детство сопровождается "фотографией" детей тех лет, из-за реки – во второй, в пятой, и в восьмой строфе (как: *"Еврейские пацанята, В лохмотьях, босиком, Они свистят как птички, И все им нипочем."*); а за "фотографией" следует "этнографическая запись" голосов детей – *"Эй, портняжка-побродяжка, Заложу капоту За медяшку и, бедняжка, Отмечай субботу!"*. Ретроспективный взгляд на фольклорное прошлое переключается с традиционной просодией, в духе еврейских народных песен, представленной неполной перекрёстной рифмой (*Вербез-гони-там-дни*) и близкой к тактовому ритмику (*"Еврейские пацанята, В лохмотьях, босиком"*). Панорама детства, аллюзии на фольклор и обрамлённая в троекратные повторения прямая речь автора и его героев приглашают отозваться на сердечное *"Давай поедем в Вербез!"*

В ответ на приглашение, Левин-композитор точно выразил в музыке – и в оформлении мелодии, и в музыкальных ритмах – мангеровское совмещение несовместимого. Скачок вверх (на большую септиму!) в слове *"там"* вмиг переносит нас из действительности *"туда"*, в мечту; первое появление слов *"Еврейские пацанята"* сопровождается дополнительным скачком вверх,

расширяющим диапазон мелодии, и как бы уносящим слушателя ввысь, за пределы памяти. Третья и шестая строфы оформлены как музыкальная зарисовка еврейских детских игр, на грани между пением и скандированием. Плавные распевные ритмы повторяющегося приглашения отправиться в детство сменяются чёткими, плясовыми мотивами на словах *"Они верхом на козах"*. Так Лейбу Левин создаёт пограничное пространство – между разными, постоянно меняющимися ритмами и диапазонами, между пением и декламацией – пространство, где "фотографии" и "звукозаписи" Ицика Мангера превращаются в сон наяву, на грани между действительностью и мечтой.

Левин никогда не был народным певцом, подобно тому, как Мангер никогда не был народным поэтом. Однако элементы фольклора и сопровождавшее артиста с детства народное музыкальное искусство являлись важной составляющей его творчества на протяжении всей его жизни.

2. "Полька-Мазурка": мелодекламация

По окончании Первой мировой войны семья Левина переехала в Черновцы (Czernowitz). Евреи именовали этот город, выстроенный в австрийском вкусе, "Малая Вена" или же "Иерусалим на реке Прут", отмечая тем самым полноту и разнообразие еврейской жизни. Многоязычие царил в этом городе, говорившем на немецком, румынском, польском, украинском и идише... Разнонациональные массовые и элитарные культурные традиции

определяли здесь многообразие звуков, красок и текстов города. В середине XIX века многочисленная восторженная публика Черновцов встретила композитора и пианиста-виртуоза Ф. Листа; в последующие десятилетия, вплоть до Второй мировой войны, город был полон ценителями классической музыки, поклонниками оперы и любителями оперетты. Наряду с этими видами музыки, здесь распевались популярные песни всевозможных жанров и направлений; назовём четыре из них, перекликающихся с творчеством Левина. Во-первых, это обширный репертуар еврейских песен о войне, представленный в настоящем собрании песней "В чаще-пуще во зеленой" – диалог с птицей, кружащей над убитым солдатом [4]. Во-вторых, это еврейские песни литературного происхождения, первоначальные версии которых распространялись посредством дешёвых печатных изданий. Например, среди черновицких евреев в течение многих десятилетий были популярны песни поэта Велвла Збаржера, странствовавшего в 60-е и 70-е года XIX века по Галиции и Румынии; его образу посвящена мелодекламация на стихи Мангера "Два письма Велвла Збаржера к прекрасной Малкеле" [5]. В-третьих, это городские романсы на разных языках и польские народные баллады; исполнение перевода на идиш одной такой старинной баллады, зафиксированной уже в XVIII веке – это песня "Ту pójdiesz górą" ("Ты пойдёшь горою") [4]. Наконец, начиная с 20-х годов XX века в этих краях зазвучали и полюбились песни Александра Вертинского и Петра Лещенко.

В Черновцах проложил Левин свой путь к сцене. Мальчиком он пел в хоре Большой синагоги, позже присоединился к хору известного кантора

Пини Спектора, в котором даже удостоился партии "зингерла" – мальчика, подпевающего кантору в сольных репликах (напомним, что легендарный тенор Йозеф Шмидт, "черновицкий соловей", начинал свою карьеру именно в эти самые годы в одном из местных синагогальных хоров!). Канторские песнопения Левин помнил до конца своих дней, однако его музыкальные и общекультурные горизонты простирались до областей, весьма далёких от традиционной еврейской культуры. Наряду с перечисленными жанрами популярной культуры они включали песни атеистического сионистского молодёжного движения "Гордония", в рядах которого состоял Левин; поэзию и прозу на идише, изучаемые им на семинаре "Еврейского Школьного союза" ("Дер идишер шулфарайн"); а также модернистский театр студии "Хамелеон" под руководством Симхи Шварца, в которой Левин дебютировал как актёр. Это и был тот культурно-исторический контекст, который определил путь художника.

Уже в 1930-х годах Левин начал выступать на вечерах поэзии в Черновцах и в других городах и местечках Буковины и других областей Румынии. Его выступления воспринимались как важное культурное событие и освещались в местной прессе на разных языках. Приведем три коротких выдержки из многочисленных корреспонденций, опубликованных в течение только одного 1935 года. Литературный критик Хаим Гинингер пишет в еврейском бухарестском еженедельнике "Ди Вох" ("Неделя", 31.1.1935): "Его тонкое понимание и редкая способность проникнуть в смысл и пережить заново литературное произведение осветили для нас потайные уголки даже хорошо

известной литературы". Редактор немецкоязычной буковинской еврейской газеты "Ostjüdische Zeitung" (2.6.1935), Меир Эбнер, свидетельствует: "Он всё вместе. Певец, чтец, актёр и поэт. Почему и поэт тоже? Ведь он нам читал только чужие стихи? Итак, в этом секрет его искусства. Он раскрывает сокровище между строк. Он доводит поэта до совершенства. Он способен найти в душе поэта глубины, о которых сам поэт не знал, сокровища, хранящиеся в подсознании поэта". Герш Сегал, театральный критик черновицкого еженедельника "Черновицер Блэтер" ("Черновицкие Листки", 30.6.1935) подробно рецензирует одно из выступлений, тщательно обсуждая все удачные и недочёты, и заключает: "Секрет успеха Левина кроется в сочетании пения, речи и мимики... Его дебют обещает становление первоклассного художника слова".

Сформировавшееся в те годы (1936) исполнение стихотворения Мангера "Осень" [7] позволяет познакомиться с этим синтезом пения и декламации, так впечатлившим аудиторию Левина.

ОСЕНЬ

Эту песню последних осенних дней
Когда на сердце печально стало,
Надо петь, поникнув устало,
А иначе петь – не пристало.

Ласточки от осенних тревог
Улетели в чужие края за летом.
Деревья старые вдоль дорог
Застыли, скованные обетом.
А если дождь пойдет в округе,
Они запоют, замерев в испуге,
Ту песню, что пели летом.

А это песня последних осенних дней,
Тихий ее неуют.

Повсюду, в храмах всей земли
Покупают и продают.
Лавочки червонцы сгребли,
А священство, изгнанное кнутом,
Стоит, опозоренное, и ждет,
Когда же к ним вечность придет.
Впрочем, я не о том...

А это песня последних осенних дней,
Спетая у окна,
И если ее услышат те,
Кто замечтался о красоте,
Станет самой прекрасной она.

Текст стихотворения представляет собой короткий триптих, части которого посвящены центральным эпитетам романтической осени: оттенкам листопада и образу поэта. Но возможно ли воспевать осень девятнадцатого века (*"Ласточки от осенних тревог Улетели в чужие края за летом"*) в период между двумя мировыми войнами, полностью игнорируя, на первый взгляд, сотни стихов о ласточках, дожде и листопаде, уже написанных к тому времени на всех европейских языках?! Тонкая самоирония небольшого вступления (*"Эту песню последних осенних дней Когда на сердце печально стало, Надо петь, поникнув устало, А иначе петь – не пристало"*) разъясняет, что автор не чрезмерно наивен. В особых условиях такая поэзия возможна, и небанальна – Мангеру, творчество которого развивалось в русле молодой современной литературы на идише, позволено сознательно прибегать к анахронизмам.

Эта характерная черта стихов Мангера, противопоставление откровенности, непосредственности голоса поэта с одной стороны, и ограниченных рамок самовыражения, литературных норм и обязывающих контекстов с другой – передаётся в музыкальном исполнении Левина чрезвычайно точно, посредством противопоставления пения разным видам декламации. Вступление читается подчёркнуто серьёзно. Сразу за ним следует чудесная мелодия, в духе австро-немецкого *"Lied"*, со всеми положенными жанровыми атрибутами (гармонический минор, восходящая малая секста, наводящие тоску длинноты, звукопись завывания ветра, дождя и т.д.)... Однако, мгновенно выясняется, что это только взгляд со стороны, жест, призванный напомнить стиль Малера, старую Вену; совершенно иначе должна звучать романтическая

поэзия на идише Мангера и Левина. Поэтому пение прерывается и сменяется театральной декламацией: *"Это песня последних осенних дней, Тихий ее неуют"*. Наконец, противопоставление пения и речи обнаруживает себя в неожиданном, и в то же время очень точном переходе от пения, от мелодии к декламированию последних, наиболее музыкальных строк стихотворения, являющихся и его кульминацией: *"А это песня последних осенних дней, Спящая у окна, И если ее услышат те, Кто замечтался о красоте, Станет самой прекрасной она"*. Эти слова произносятся Левиным с улыбкой близкого друга, с улыбкой поэта, позволяющего нам, услышавшим его, спеть самим недостающую "самую прекрасную песню". Предоставляемая слушателю возможность дополнить, свободно интерпретировать и поэтическую и музыкальную составляющие является одной из важнейших характеристик жанра мелодекламации, мастерски раскрытой Левиным.

Как известно, сам жанр мелодекламации развивался по-разному в различных культурных контекстах в Восточной и в Западной Европе, начиная с середины XIX века. В еврейской культуре это искусство уходит корнями в традицию песен бадхенов, бродячих поэтов-артистов, сочетавших в своих выступлениях, обычно на свадьбах, в корчмах и в парках, пение, декламацию и отдельные элементы театра; сочинения бадхенов сосредоточивались обычно на социальной сатире и на подчёркнутом нравоучительстве. Упомянутый выше Велвл Збаржер, один из первых артистов еврейской сцены в современном европейском понимании этого слова, по стилю своих выступлений был исключительно близок к бадхенам. Синтез музыки и

слова был для него осознанным выбором, согласно его собственным словам в предисловии к сборнику его сочинений "Посох Мира" ("Макейл Нойам", Лемберг, 1878, стр. [1], в переводе с древнееврейского): "красноречие и музыка, как двойни молодой серны, из одного чрева вышли, и вместе благозвучны для уха внимающего". Бадхенская песня "Всё в мире наоборот" [9], одна из немногих сохранившихся до наших дней, скорей всего, благодаря Левину, высмеивает сопротивление местечковых евреев модернизации: *"Раньше в кровати, на мягкой перине, Любой был понежиться рад. Люди прекрасно знали доньше: Перья – то, на чем спят. // Пришли из Парижа иные порядки, Эпоха модных прикрас: Перья теперь повтыкали в шляпки, Соломой набили матрас!"*. Такие куплеты были открыты к заимствованиям из разнообразных сфер, и перекликались с разнообразными аспектами культуры: досуг и развлечения, музыка, поэзия, театр, мода, политика и масс-медиа того времени. Несмотря на определённый интерес к палитре красок и идей, представленной в творчестве этих провинциальных "трубадуров", еврейская интеллигенция относилась с предубеждением к их тону, порой фамильярному и вульгарному. В описании творчества одного из последних бадхенов, Эльйокума Цунзера (1836, Вильнюс – 1913, Нью-Йорк), основатель еврейской этномузыкологии А. Ц. Идельсон восхищается богатством музыкальных красок, одновременно выражая неприязнь к этому жанру массовой культуры: "Он черпал мелодии из народной музыки, добавляя к ним канторские мотивы и шепотку немецкой мелодики. Его стиль выдержан в духе французского "купле". [...] Песни его как правило просты, в большинстве их отсутствует

поэтический вкус"³. Не входя в полемику со спорной оценкой Идельсоном уровня песен Цунзера, отметим, что именно тонкий поэтический вкус и известная элитарность музыки и поэтики отличали мелодекламации Левина от концертов для массового зрителя, устраиваемых в корчмах и парках, и от песен традиционных бадхенов. Вместе с тем, их главные черты – синкретизм поэзии, музыки и театра, разнообразие и сочетание далёких друг от друга контекстов – превратились в определяющие характеристики творчества Левина. Диалог с творчеством бадхенов был намечен выдающимся еврейским артистом, Герцом Гросбардом (1892-1994), одним из первых мелодекламаторов на идише. Левин избрал и активно развил подобный путь, как он сам свидетельствовал в песне, сочинённой в 1937 году на стихи А. Луцкого (1894–1957) "Полька-Мазурка" [☞](#): *"Вот оркестр музыкантов – Это я, и я для вас даю концерт. Я и музыка, и танец, Я один – всё это в такт!"*. Несмотря на всё вышесказанное, оркестр Левина – это не только сочетание современной музыки и танца, это, конечно и традиционно-бадхенский межкультурный диалог, согласно определению Идельсона.

Одним из многочисленных примеров такого диалога является исполнение "Польки-Мазурки". Интерпретация Левина вызывает ассоциации с творчеством русского мастера мелодекламации, поэта, певца и актёра Александра Вертинского, в котором многие видят предвестника "бардовской

³ А. Ц. Идельсон, Бадхены [*Badkhonim*] // *Bodn*, 1935, 2/3, стр. 65-66. (на идише).

песни". Множество оттенков, в особенности акцентирование мелких деталей, как например частое использование щемящих полутонов, или растягивание отдельных согласных и слогов, напоминают пение Вертинского. Так, в исполнении стихотворения Луцкого, в котором каждое четверостишие заканчивается словами "в такт!", механический оттенок голоса Левина создаёт образ марионетки, управляемой высшей силой; быть может, это метафора судьбы художника, вся жизнь которого отдана искусству: *"Я пою, покуда дроги Подо мной не дрогнут – в такт!"*. Образ куклы, легко танцующей популярный танец "польку-мазурку" и поющей о смысле жизни на тривиальный мотивчик, чем-то напоминает маску Пьеро у Вертинского и эстетику его творчества.

Война прервала этот начальный период творчества Лейбу Левина, однако его стиль мелодекламации вполне успел сформироваться. Основные признаки этого стиля – глубокое понимание современной поэзии на идише и стремление раскрыть наиболее полно потаённый смысл поэтических текстов; аристократизм выражения, напоминающий его старших современников, Герца Гросбарда и Александра Вертинского; адаптация разнообразных музыкальных традиций Буковины первой половины двадцатого века, в числе которых фольклорная еврейская и нееврейская музыка, популярные песни бадхенов, еврейская литургическая музыка... Наконец, исполнения Левина отмечены духом модернистского театра, превозносящего эстетическую ценность произведения, они изобилуют жестами, перекликающимися с разными пластами культуры, и остерегаются стереотипности.

3. "На дорогах сибирских": между песней и романсом

Пограничное месторасположение Черновцов (до присоединения к СССР в 1940 г. – административный центр Буковины в составе Румынии), служившее в мирное время источником вдохновения для артиста, потребовало от него невероятной цены во время войны. Левин, солдат Красной Армии, который вместе с известным артистом, чтецом Дмитрием Журавлёвым выступал в госпиталях перед ранеными солдатами, в 1942 г. был внезапно обвинён в шпионаже в пользу фашистской Румынии и сослан в сталинские лагеря. Там он оказался на волосок от смерти, но свершилось чудо: проходившая мимо штабеля замёрзших трупов, куда был брошен Левин-доходяга, врач-арестантка Черня (Цецилия Абрамовна) Гутерман заметила, что он дышит и спасла его. В самых страшных лагерях – среди них Соликамск, Ухта, Воркута, Тайшет – Левин находил силы, чтобы переводить на идиш стихи Пушкина и Тютчева, и чтобы разучивать новые песни, как например, незнакомую ему популярную песню "Лапти" [11]. Каторга стала темой нескольких песен на стихи Г. Лейвика, который ещё в царские времена за революционную активность провел шесть лет в тюрьме и был сослан в Сибирь, откуда сумел бежать. Песня "Где-то там вдалеке" [12] из цикла "На дорогах сибирских" на стихи Г. Лейвика является одним из лучших произведений Левина, и, наверное, одним из лучших произведений этого жанра, посвящённых сибирской ссылке.

ГДЕ-ТО ТАМ ВДАЛЕКЕ...

Где-то там вдалеке
Край лежит заповеданный;
В синеве, в серебре
Цепи гор неизведанных;
Где-то там в глубине,
В толщах недр неизведанных
Клад заветный нас ждет,
Клад, забвению преданный.

Где-то там вдалеке
Горе гложет колодника,
Над его головой
Гаснет солнце холодное.
Где-то путник бредет
По снегам неизведанным;
Не найти ему путь
В этот край заповеданный.

В двух строфах этого лаконичного стихотворения Г. Лейвик создаёт особый, двойной мир, и приглашает читателя, почти наравне с автором, разгадать значение эвфемизмов "где-то там", "край заповеданный". Имеется ли в виду страна заключённых или края свободы? И что таится в этой земле, в которой *"В толщах недр неизведанных Клад заветный нас ждет, Клад, забвению преданный"*? Только к концу стихотворения проясняется, что это был диалог между мечтой о свободе и взглядом туда, где *"Где-то там вдалеке Горе гложет колодника, Над его головой Гаснет солнце холодное"*. Диалог оборачивается замкнутым кругом: стихотворение заканчивается словами

начала "Не найти ему путь В этот край заповеданный". Гулкая тишина – созданию которой способствует анапест с ударением на первом слоге и дактилические клаузулы в парных стихах – ведёт к этому окончанию, к полной безысходности. Беззвучный диалог и неумолимая тишина предстают на фоне великолепного пейзажа, немого, и безразличного к трагедии затерянного человека: *"Где-то там вдалеке Край лежит заповеданный; В синеве, в серебре Цепи гор неизведанных"*.

Левин-композитор включается в поэтическое пространство стихотворения наряду с поэтом и слушателем: музыкальная интерпретация, не искажая текст, свидетельствует о тесном знакомстве с его образами. Уже в 1941 году классик еврейской композиторской песни Лазарь Вайнер (1897 – 1982) опубликовал своё сочинение на эти же слова.⁴ Левин, не владевший нотной грамотой, но, возможно знавший мелодию Вайнера на слух, создал перекликающуюся с ней композицию – образец совершенства, в котором каждая деталь имеет свой смысл.

Прежде всего, здесь гипнотизирует игра между движением и застывшей неподвижностью: первые долгие звуки представляют образ далёкого "где-то там". Эти блистающие в тишине одинокие звуки сменяются на несколько тактов более подвижными, напоминающими дуновение ветра, однако движение прекращается, и вновь возникают долгие звуки; так повторяется

⁴ Weiner, L., *Ergets vait (In the Distant Land)*; poem by H.Leivick, New York: Yibneh Ed., 1941

снова, до конца песни. Игра различных оттенков медленных ритмов создаёт медитативную атмосферу, и в то же время – атмосферу невозможности дальнейшего развития, безысходности.

Излюбленный ход Левина-композитора, скачок вверх – от низких нот к высоким, присутствует и в этой мелодии и создаёт ощущение неопишуемых расстояний. Например, на слове *"вйт"* (далеко) мелодия достигает высот октавы, а при описании гор, на слове *"зильбрик"* (серебристо), мелодия забирается ещё выше; в первой строфе самая низкая нота приходится на слова *"в тощах недр"*.

Иллюзия двойственности, созданная Г. Лейвиком, удостаивается полного музыкального отображения. Благодаря почти точному повторению одной и той же мелодии в обеих строфах, их сходство особо выделяется. Например, скачок вверх, маркировавший образ гор, повторяется на словах *"над его головой гаснет солнце холодное"*. Низкие ноты, сопровождавшие *"В тощах недр неразведанных клад заветный"* иллюстрируют во второй строфе слова *"тиф ин шней"* (дословно: "глубоко в снегу"). Едва заметные тени недолговременного мажора и короткого стонущего хроматического хода, усиливают беззвучное напряжение между пасторальным и трагическим.

Вслушивание в каждое слово, в ритмический рисунок, в каждую краску, характеризует в не меньшей мере и другую композицию Левина на слова Г. Лейвика, *"Тихие травы"* [18], в которой снова встречаются прекрасная природа и безответный вопль человека. Обе песни перекликаются с традицией

немецких "лидер"; возможно, что именно благодаря им Левина называли "еврейский Шуберт".

Противовесом эстетики изысканности мелодической линии, тщательно выверенного соответствия звуков и слов, является обращение Левина к элементам жанра городского романа. "На дорогах сибирских" [13], первая песня упомянутого выше одноимённого цикла на слова Г. Лейвика, выдержана в стиле, отличном от стиля музыки "Тихих трав" и "Где-то там, далеко". Заканчивая этот краткий экскурс в мир Лейбу Левина, остановимся на песнях этого "демократичного" направления, напоминающих чем-то песни бардов 60-х и 70-х годов.

Мелодия "На дорогах сибирских" строится на мотивах, знакомых по сотням романсов о любви, разлуке, тоске, надежде. Она передаёт душевную теплоту, и будто бы не считается с тонкостями текста: кажется, что полнота чувств не может уместиться в рамки слова, поэтому музыка развивается в соответствии со своей собственной логикой, согласно широкодоступной эстетике популярных песен. Резкий переход от декламирования растянутых слогов ледящего заглавия "На дорогах сибирских" к сердечному пению тех же самых слов "*На дорогах сибирских Лежат и сейчас, где обрывок портянки, где пряжка*" напоминает стиль Александра Галича – ассоциация, возникающая также в других песнях Левина.

Ярким примером песни романсного типа, искренне и не опасаясь обвинений в клише повествующей о простых истинах, является исполнение

стихотворения Хаима Граде (1910–1982) "Маме" [16]. Песня была создана в 1956 году, в год освобождения из заключения и реабилитации, в год, когда Левину стало ясно, что возвращаться из лагеря некуда – вся семья его погибла от рук нацистов, и, как тогда казалось, погибло не только всё еврейство Буковины, но и вся культура на идише. Левин прибыл в Москву, где его приютил у себя Дмитрий Журавлёв, к тому времени лауреат Сталинской премии, преподаватель Школы-студии МХАТа. В Москве Левин встретился со своей спасительницей Черней Гутерман и женился на её дочери. Первым приобретением на свободе были тетради для записи всех песен и стихов, которые Левин помнил и повторял в лагерях, и которые боялся забыть теперь. Простые слова Граде *"Мне слышен голос твой в пути: "Что жизнь пошлет, сынок, терни"* несомненно имели особый смысл для Левина. Созданная им музыка передаёт глубокую тоску и нежность, однако в ней нет сентиментальности романса и нет общих мест.

В Москве шестидесятых годов Левин, потерявший молодость в сибирском аду, вступает в диалог с разнообразными и отдалёнными друг от друга мирами: с наследием штетла, с искусством мелодекламации и театра, с традицией немецких "лидер", и, наконец, с авторской песней советского андеграунда.

4. "Евреи поют ани маймен": аудитория

В годы скитаний Левин пел: "Над чужой стороной Моя песня кружится. Доберется ль до края, В который стремится?.." (перевод Рут Левин). Песнь

Левина нашла свой путь ко многим. Вначале в любительских магнитофонных записях, а потом и в профессиональных аудиозаписях других исполнителей и в печати, эти композиции расходились между друзьями и поклонниками творчества артиста. Вопреки предположениям, и черновицкая публика ждала его больше двух десятилетий: в 1962 году Левин решил посетить город, где начиналась его карьера. Этот исторический визит состоялся в ответ на особое приглашение принять участие в вечере памяти классика литературы на идише, поэта, баснописца и педагога Элиэзера Штейнбарга (1880–1932). Когда Левин вышел на сцену, публика аплодировала ему стоя в течение четверти часа.

Во время пребывания в Москве Левин разъезжал с концертами по городам СССР, и в одиночку, и в паре с известной исполнительницей песен на идише, Нехамой Лифшиц, пока болезнь, приобретённая в лагере, не стала серьёзной помехой этим выступлениям.⁵

В 1972 году Левин репатриировался в Израиль, где прошла последняя часть его жизни. Это были годы интенсивного "строительства" новой культуры на древнем языке иврите. Созидатели культуры молодого государства

⁵ Случилось так, что даже прекратив выступать, Левин косвенно повлиял на культурную жизнь Москвы тех лет: поэт Шике Дриз посвятил рождению его дочери Рут стихотворение "*Ди гринэ шнайдерлэх*" ("Зелёные портняжки"). Впоследствии это стихотворение перевел Генрих Сапгир и назвал свой перевод "Зелёная карета". Положенная на музыку Александром Сухановым, "Зелёная карета" прочно укрепилась в бардовском репертуаре.

стремились освободить её от узких национальных рамок и ввести в контекст мировой культуры. В условиях травмы Холокоста и постоянной борьбы за выживание обращение к уничтоженной культуре на идише, а тем более к таким её интимным проявлениям, как песня, было чрезвычайно болезненным и почти табуированным. Голос Левина, хранящего традиции умирающего языка, практически не был услышан в стране, охваченной пафосом созидания и обновления. Это, однако, не сломило художника, привыкшего творить в одиночестве, в самых неподходящих для творчества условиях. Левин продолжал сочинять и на идише и на иврите, изредка выступая в небольших аудиториях перед выходцами из Румынии и СССР, которые помнили его ещё с довоенных лет. В 1973 году он создал песню "Евреи поют *ани маймен*" (дословно: "евреи поют: я верую") на слова Г. Лейвика [17], выражающую веру в силу духа еврейства, веру в сионизм, хранимую Левиным ещё со времён "Гордонии", а также веру в собственное искусство.

* * *

Смещение близкого и далёкого отличает творчество Лейбу Левина. В его сочинениях народная песенная традиция перекликается с высокой поэзией и городской популярной культурой, с классической музыкой и профессиональным театром, с фольклорным наследием Гулага и авторской песней. Каждый может найти свою тропу к голосу этого вечного скитальца по земле и по заоблачным высям поэзии, каждый может попытаться найти ответ на его нериторический вопрос: *"Как же петь, когда не станут слушать эти песни?.."*.

О поэтах

Авром Рейзен (1876, Койданов, Белоруссия – 1953, Нью-Йорк). Поэт, прозаик и публицист. Приобрел популярность еще в Российской империи. В 1914 г. эмигрировал в США. Рейзен был мастером короткого рассказа, умело сочетавшим традиции, как Шолом-Алейхема, так и И.-Л. Переца. В его поэзии присутствовали фольклорные мотивы, поэтому многие стихотворения Рейзена стали популярными песнями. Рейзен был одним из наиболее популярных авторов начала XX в., чье творчество пользовалось симпатией и культурной элиты, и массового читателя.

Г. Лейвик (псевдоним, настоящее имя Лейвик Галперн, 1888, Игумен, Белоруссия – 1962, Нью-Йорк). Поэт, драматург и культурный деятель. Его называли "пророком" современной поэзии на идише. Первые поэтические опыты пришлось на время заключения и сибирской ссылки, куда Лейвик попал за революционную деятельность. Сумев бежать из Сибири в Нью-Йорк, поэт сблизился на время с группой модернистских поэтов "Ди Юнге" ("Молодые"). Опубликованное в 1918 г. стихотворение "Где-то там вдалеке" ^[2], принёсшее начинающему поэту признание, представляет собой яркий пример типичного для Лейвика совмещения актуальной тематики и эстетической отточенности. Вышедшая в свет тремя годами позже драматическая поэма "Голем" была принята как важнейшее событие в еврейском мире. Перевод "Голема" на иврит был поставлен в 1925 г. московским театром "Габима", и вскоре после этого поэма была переведена на многие другие языки. "...Поэма "Голем" в 1921

г. произвела сильнейшее впечатление на еврейскую аудиторию. Её читали и перечитывали, о ней спорили в печати и устно, обсуждая поднятые в ней такие большие темы, как всемирное избавление и избавление евреев, дух и материя, и их роль на пути к избавлению, еврейский Мессия и христианское спасение, Магарал из Праги и созданный им "голем", толпа и герой, художник и его творение, реализм и символизм..." (Харлаш 1963). В последующие десятилетия эти дилеммы продолжали занимать центральное место в произведениях Г. Лейвика – одного из самых масштабных творцов еврейской культуры.

А. Луцкий (псевдоним, настоящее имя Арн Цукер, 1894, Демидовка, Волынская губ. – 1957, Нью-Йорк). Поэт. Юность провел в Луцке (отсюда и псевдоним), здесь научился играть на скрипке, был певчим в синагоге и собирался стать кантором. Отклики увлечением музыкой слышны в его стихотворении "Полька-Мазурка" [20], посвящённом образу поэта, совмещающего в себе оркестр и дирижёра. Как поэт сформировался в США. Сочетание разных искусств, и сочетание как таковое вообще отличают, по словам поэта Мейлеха Равича, поэтический стиль Луцкого: "Его поэзия – это своего рода поэтический пантеизм. Всё живёт, говорит и думает в его стихах, всё у него не просто достаивается жизни, но "антропоморфируется". Природа, растения, животные и люди – всё объединено, границы стерты. Жизнерадостность, воля – с одной стороны, сомнение и фатализм – с другой. Поющий философ, "шпильман" XX века. Не случайно Луцкий так мастерски интерпретирует собственные стихи, ведь он и его произведения – это одно целое, тело и душа, слово и содержание". (Цитируется по: Диамант 1963).

Янкев Глатштейн (1896, Люблин, Польша – 1971, Нью-Йорк). Поэт и литературный критик. Один из основателей модернистского литературного движения "Ин зих" ("В себе"), приверженцы которого стремились к интроспекции, предпочитая личное переживание общепринятой общественно-политической тематике. Они перешли от традиционных форм к свободному стиху. О творчестве Глатштейна Биньямин Харшав (Грушовский) пишет так (1988, в сокращении): "После Холокоста многие читатели видели в нём величайшего еврейского поэта нового поколения. У интроспективиста Глатштейна был особый, личный язык – сдержанный, вмещающий отрывки прямой речи, наполненный иронией, мудростью и сочетанием личного переживания с историософскими раздумьями. Модернизм Глатштейна с самого начала не был цветистым, не опирался на звуковые фейерверки и ошеломляющие метафоры... [Глатштейн] развивал синтаксис разговорной речи – основополагающего элемента литературы на идише – но эта речь этот воплощалась монологом".

Ицик Мангер (1901, Черновиц, Австро-Венгрия – 1969, Израиль). Поэт, драматург, прозаик и эссеист. Детство провел Черновцах. Затем жил в Яссах, Бухаресте, Варшаве, Париже, Лондоне, Нью-Йорке, и в конце жизни в Израиле. Один из самых популярных еврейских поэтов. На его стихи создано десятки песен. По словам поэта Аврома Суцкевера (1958, в сокращении), "В наполненной светом поэзии Мангера, в поэзии, ставшей народным достоянием, скрытые тайны и символы живут собственной потаенной жизнью. Они вибрируют в кристальных тенях свежей, многоцветной музыки его стихов, облекая их в вечную грёзу. [...] Одним звуком поэт связывает небо и землю; в

простом слове, как в росинке, золотится его видение, и, возносимые скрытой музыкой, становятся изысканными и даже скромными такие игривые и вольные обороты, которые у других простоватых и прямолинейных поэтов звучали бы вульгарно". Довид Роскис добавляет (2011): "Воскрешая сиволизм "Ди Юнге" ("Молодых") уже после того, как их слава в Америке давно прошла; находя в карпатских очагах хасидизма источник вдохновения для современного поэта, а в галицийском местечке на рубеже веков – утерянный рай; выражая солидарность с социалистическим движением "Бунд" – всем этим и, прежде всего, своим самоощущением "трубадура" Мангер [...] заново определяет границы пространства, времени и творчества".

Зелик Бардичев (1903, Бельцы, Бессарабия – 1937, Яссы, Румыния). Народный актёр, поэт и бодячий певец. Скитался в поисках заработка как учитель по местечкам Бессарабии, с юности начал сочинять и исполнять песни в стиле бадхенов, и уже в 1930-е гг. приобрёл необычайную популярность – несмотря на полную незаинтересованность в публикации собственных сочинений. Бардичев умер от чахотки, и большая часть его стихов, сочинений по педагогике и детских театральных пьес так и не были опубликованы. Девять песен Бардичевера были напечатаны благодаря стараниям Лейбу Левина, который встретился с поэтом в Бельцах и выучил наизусть десять его песен. В 1939 г. эти песни были записаны с голоса Левина учителем музыки Л. Перецем в Черновцах. Цензура не допустила к публикации одну из песен, а остальные были опубликованы в том же году Г. Сегалом (см. об этом в предисловии Э. Серусси к наст. буклету).

Шике (Овсей) Дриз (1908, Красное, Подолия – 1971, Москва). Один из крупнейших советских поэтов на идише, известный в основном как детский поэт. По свидетельству Дова-Бера Керлера (2010) "Не всегда легко отличить его поэзию для детей от поэзии для взрослых, так как первая зачастую слишком серьёзна, в то время как последняя – полна озорства. Для фольклорной, на первый взгляд, природы его поэзии – опирающейся во многом на поговорки, сказки и народные песни – характерны также изобретательность, остроумие и отточенность слога. Дриз исполнял многие из своих стихов как песни или как мелодекламации, подбирая к словам мелодии собственного сочинения". Особая эстетика стихов Дриза, их связь с исполнением вслух были описаны также Валерием Дымшицем (2008): "Начиная с первого сборника, стихам Дриза присущи [...] легко узнаваемые черты. Его поэзия построена не на образах, а на легкой, естественной речи. Дриз принадлежит к поэтам, так сказать, "пневматическим". Его стих требует произнесения вслух и не затрудняет дыхания говорящего. При достаточно бедной системе тропов, стихотворение убеждает читателя точной интонацией, если так можно выразиться, стихоговорения. Это интонационное богатство с самого начала было поддержано обширными формальными поисками. Молодой Дриз экспериментирует со сверхдлинными и сверхкороткими строками, со сложной строфикой, с неточной рифмой, с рифмованной прозой, с верлибром. Этот вкус человека 1920-х гг., вкус к стиховой игре, сохранился в его творчестве навсегда".

Хаим Граде (1910, Вильна – 1982, Лос-Анджелес). Прозаик и поэт. Многие его произведения посвящены литовскому еврейству. В молодости входил в модернистскую литературную группу "Юнг Вилне" ("Молодая Вильна"). Образ матери, которому посвящено стихотворение "К маме" [16], представляет собой один из главных мотивов творчества Граде на протяжении всей его жизни. Его соотечественник, великий поэт Авром Суцкевер, вспоминая годы, когда Хаим со своей матерью по бедности ютились в кузнице, писал (1962): "Даже в его самых пасмурных строках мы всегда найдём огонь мечты. Эти строки молоды и стары, как удары молота. [...] Помнишь ли, Хаим, как ты меня провожал из кузницы и попросил, стыдясь, одолжить двадцать грошей? Ты не посмел попросить у своей мамы, всё стоявшей у ворот с корзиной мороженых яблок в руке и готовой пожертвовать ради тебя всем. Не помню, вернул ли ты мне двадцать грошей... За прошедшее с тех пор время ты отплатил мне сокровищами – своими произведениями в стихах и в прозе, в которых ты возродил наш изничтоженный город, а в нём – свою маму, восседающую в раю еврейских слов".

Список источников

Грушовский, Б., "Модернизм Глатштейна", *Мознайим*, № 51:10-11 (1988), сс. 17-20 (иврит)

Диамант, З., "Луцкий, А.", *Лексикон новой литературы на идише*, Нью-Йорк, т. 5 (1963), сс. 20-24 (идиш)

Дымшиц, В., "Или-или...: К столетию Овсея Дриза", *Народ Книги в мире книг*, 73-74 (2008) 1-7

Нигер, Ш., Шацкий, И., *Лексикон новой литературы на идише*, Нью-Йорк, 1956-1981 (идиш)

Суцкевер, А., "Слово поэту", *Ди голдэнэ кейт*, № 31 (1958), сс. 12-14 (идиш)

Суцкевер, А., "Хаим Граде", *Ди голдэнэ кейт*, № 44 (1962), сс. 5-7 (идиш)

Харлаш, И., "Лейвик Г.", *Лексикон новой литературы на идише*, Нью-Йорк, т. 5 (1963), сс. 107-128 (идиш)

Kerler, D.-B., "Driz, Shike", *YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*, 2010 <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Driz_Shike>, accessed on 1.03.2015

Roskies, D.-G., "Manger, Itsik." *YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*, 2011 <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Manger_Itsik>, accessed on 1.03.2015

"Zeylig Barditshever (1898-1937)", 2011, <http://yiddishmusic.jewniverse.info/barditsheverzelig/index.html>, accessed on 1.03.2015

1 YEARS OF OUR CHILDHOOD / Itzik Manger. From Yiddish: Rachel Corkidhi. Composed in 19 the collection "*In der velt fun gezangen: lider afyidish un in ivrit*" [In the World of Songs: in Yiddish and in Hebrew Publications, 1980]. Recorded by *Kol Israel*. Piano: Mathias Malve.

ДЕТСТВО / Ицик Мангер. Пер. с идиша: Игорь Булатовский. Музыка соч. в 1973 г.; впервые опубликовано в сборнике "*Гезанген: лидер аф идиш ун ин иврит*" [В мире напевов: песни на идише и на иврите], (Тель-Авив: Ор-Тав Израиля, израильское радиовещание. Ф-но: Матиас Малвэ.

Come, let us walk to Verbezht
(Who wants to, may ride),
There, near Prut, are playing
The years of our childhood.

Little Jewish laddies,
Barefoot and all ragged,
They're whistling like birds
And care about nothing.

They take rides on the goats
That spring around the field,
They shout "Go!", "Viyo!"
And thus travel the world.

Come, let us walk to Verbezht
(Who wants to, may ride),
There, near Prut, are playing
The years of our childhood.

Давай поедem в Вербез
(Балагола, гони),
Гнут над Прутом прутик там
Детства нашего дни.

Еврейские пацанята
В лохмотьях, босиком,
Они свистят как пташки
И все им нипочем.

Они верхом на козах
Скачут на лугу,
Повсюду носятся, крича:
"С дороги! Угу-гу!"

Давай поедem в Вербез
(Балагола, гони),
Гнут над Прутом прутик там
Детства нашего дни.

in 1973; first published in Hebrew], (Tel-Aviv: Or-Tav

убл. в сб. "Индер вельт фун
г-Тав, 1980). Звукозап.: Голос

1 שנות ילדותנו / איציק מאנגר. מידיש: בני הנדל. הולחן בשנת 1973; הלחן פורסם לראשונה בקובץ "אין דער וועלט פון געזאנגען = בעולם הזמר: לידער אויף יידיש און אין עברית", (תל-אביב: אור-תג, 1980). הוקלט ע"י קול ישראל; פסנתר: מתיאס מלווה.

**קינדער-יאָרן / איציק מאַנגער
(Kinder-yorn / Itsik Manger)**

בא גלך לױרױז,
(נסע גם, מצדנו).
שם על שפת נהר הפרוט
שוחקות שנות ילדותנו.

יִלְדֵי יִשְׂרָאֵל־סָבָא
בְּלוֹיִם גַּם יְחָפִים,
שוֹרְקִים פּוֹלֵם עַל הַעוֹלָם,
מָה שׁוֹרְקִים? – מִצְפָּצְפִים!!

רוֹקְבִים עַל עֵיזוֹת־פִּזְיוֹת
הַמִּקְפָּצוֹת בָּהָר.
הִנֵּה אֶחָד צוֹעֵץ "הֵי ווִיז!",
הוֹרְשִׁים אֶת הַעוֹלָם.

בא גלך לױרױז,
(נסע גם, מצדנו),
שם על שפת נהר הפרוט
שוחקות שנות ילדותנו.

Lomir geyn keyn Verbezh
(ver s'vil meg forn),
dortn shpilm zikh baym Prut
undzere kinder-yorn.

Kleyne yidishe yinglekh,
borves un operisn,
zey fayfn vi di feygl
un viln fun gornisht visn.

Zey raytn oyf di tsign,
vos shpringen um in feld,
zey shrayen "Heshto!", "Vyo!"
un forn oys a velt.

Lomir geyn keyn Verbezh
(ver s'vil meg forn),
dortn shpilm zikh baym Prut
undzere kinder-yorn.

לאָמיר גיין ווערבעזש
(ווער ס'וויל מעג פֿאַרן),
דאָרטן שפילן זיך ביים פרוט
אונדזערע קינדער-יאָרן.

קליינע ייִדישע יינגלעך,
באָרוועס און אָפּעריסן,
זיי פֿייפֿן ווי די פֿייגל
און ווילן פֿון גארנישט וויסן.

זיי רייטן אויף די ציגן,
וואָס שפּרינגען אום אין פֿעלד,
זיי שרײַען "העשטוֹ!", "וויאָ!"
און פֿאַרן אויס אַ וועלט.

לאָמיר גיין ווערבעזש
(ווער ס'וויל מעג פֿאַרן),
דאָרטן שפילן זיך ביים פרוט
אונדזערע קינדער-יאָרן.

Little Jewish laddies
All in torn caps one can see through –
They all speak in rhymes,
As real poets do:

"Song of Ascent, make no pretense,
Tomorrow time to worry,
Paupers, why not rent your taless*,
So you'll get the money".

Come, let us walk to Verbez
(Who wants to, may ride),
There, near Prut, are playing
The years of our childhood.

They lie and spread upon the grass
(Don't think they are naughty)
And they show to Lady Sun
All their little "birdies".

Little Jewish laddies,
Barefoot and all ragged,
They send to me and to you
Their wishes from the heart.

**taless (Hebrew: talit): a prayer shawl*

Еврейские пацанята
В помятых картузах,
Они умеют рифмовать,
Ну прямо как в стихах:

"Эй, портняжка-побродяжка,
Заложи капоту
За медяшку и, бедняжка,
Отмечай субботу!"

Давай поедем в Вербез
(Балагола, гони),
Гнут над Прутом прутик там
Детства нашего дни.

Они лежат в густой траве
(Тут не сдержат улыбки)
И важной барыне — жаре
Показывают пипки.

Еврейские пацанята
В лохмотьях, босиком, —
Гляди, навстречу нам они
Несутся кувырком.

<p>יְלָדֵי יִשְׂרָאֵל־סָבָא, חֹבְשֵׁי כּוֹבְעֵי־חֹרִים, חֹרְזִים בְּחֵרִיזוֹת־פָּאָה, כּמִשׁ כּמִשׁוֹרְרִים:</p> <p>”שִׁיר הַמַּעֲלוֹת, אֵל תִּשְׁאַל שְׁאֵלוֹת, זֶה מָה שְׁנִסְגָּר. טְלִיתָךְ תִּמְכּוֹר, אֵת הַיּוֹם תִּגְמּוֹר, וְהִשָּׂאָר – מְחָר.”</p> <p>בֵּא נִלְךְ לְוֹרְכְּדוֹ, (נִסְעֵ גַם, מִצְדָּנוּ). שָׁם עַל שְׂפַת נְהַר הַפְּרוּט שׁוֹחֲקוֹת שְׁנוֹת יְלָדוֹתֵנּוּ.</p> <p>תּוֹפְסִים שְׁלֹנָה בְּצֵל עֵלוֹנָה, (מְרִגְזֵעַ טוֹב מִיּוֹ), חֹשְׁפִים תִּגְדֹּף לְעֵין חֶמְיָה, מְרָאִים לָהּ אֵת הַ... עֵינֵי.</p> <p>יְלָדֵי יִשְׂרָאֵל־סָבָא, בְּלוֹיִים וִיחֻפִּים, דְּרִישֵׁת שְׁלוֹם מִכַּל הַלֵּב לְךָ וְלֵי מוֹסְרִים.</p>	<p>Kleyne yidishe yinglekh mit tserisene kashketn – zey reydn ale mitn gram, vi emese poetn:</p> <p>“Shir-hamayles, freg keyn shayles, morgn vestu zorgn. Dales, nem farzets dem tales, vestu farshporn borgn”.</p> <p>Lomir geyn keyn Verbezh (ver s'vil meg forn), dortn shpiln zikh baym Prut undzere kinder-yorn.</p> <p>Zey leygn zikh avek in groz (meynt nisht az s'iz shreklekh) un vayzn far der pritse-zun ale zeyere shmeklekh.</p> <p>Kleyne yidishe yinglekh, borves un operisn, zey lozn mikh un lozn dikh ale hartsik grisen.</p>	<p>קליינע יידישע יינגלעך מיט צעריסענע קאשקעטן – זיי ריידן אלע מיטן גראם, ווי אמתע פאָעטן:</p> <p>”שיר-המעלות, פֿרעג קיין שאלות, מאָרגן וועסטו זאָרגן. דלות, נעם פֿאַרזעץ דעם טלית, וועסטו פֿאַרשפּאָרן באָרגן.”</p> <p>לאָמיר גיין קיין ווערבעזש (ווער ס'וויל מעג פֿאָרן), דאָרטן שפּילן זיך ביים פרוט אונדזערע קינדער־יאָרן.</p> <p>זיי לייגן זיך אוועק אין גראָז (מיינט נישט אַז ס'איז שרעקלעך) און ווייזן פֿאַר דער פריצה־זון אלע זייערע שמעקלעך.</p> <p>קליינע יידישע יינגלעך, באָרוועס און אָפּגעריסן, זיי לאָזן מיך און לאָזן דיך אלע האַרציק גריסן.</p>
---	--	--

2] SLEEP, SLEEP / H. Leivick. From Yiddish: Hadassah Haskale. The music composed in 1936; first published in "Cradle Songs" put out by Hersh Segal, (Czernowitz: Hornik, 1939). Home recording. *Hersh Segal (1905, Galicia) teacher, literary and theater critic, publisher and philanthropist.*

СПИ, СПИ / Г. Лейвик. Пер. с идиша: Александра Глебовская. Музыка соч. в 1936 г.; впервые опубликованным Гершом Сегалом: *Экс шлофлидер* ["Шесть колыбельных"], (Черновиц: Горник, 1939). ; *Сегал (1905, Галиция – 1982, Израиль) – учитель математики, литературный и театральный критик, из*

Sleep, sleep, sleep,
The shepherd drove off his sheep,
The father abandoned his child,
Left him in a strange land in the wind.

What to do when no one is there?
I'm rocking you hour after hour,
The cradle rope I keep pulling
Here and there and again.

Lu, lu, lu,
The wind cannot sleep nor can you;
Circling the freezing wolves yelp,
And someone begs for mercy: help!

When someone cries out, what to do?
He cries out, in time he grows mute,
A moment or two is the time –
Borne off by the wind is the cry.

Спи, спи, уж ночь,
Овечку пастух выгнал прочь,
Сыночка отец потерял,
И тот на чужбине пропал.

Что ж делать?.. Одни мы, малыш,
Проходят часы, ты не спишь,
Мне, верно, всю ночь напролет
Качать колыбель взад-вперед.

Лю-лю-лю,
И ветер – как ты: "Я не сплю",
Аж волки не видят ни зги,
И кто-то кричит: "Помоги!"

Что ж делать? Отчаянный крик
Над миром взмывает на миг,
На миг или, может, на два –
И ветер уносит слова.

t published in the album "Six
licia – 1982, Israel) – a math

губл. в альбоме,
39). Домашняя запись. Геру
ик, издатель и меценат.

2] נום, נום / ה. לייבויק. מידיש: קלמן אהרון ברתיני. הולחן בשנת 1936; הלחן פורסם לראשונה באלבום שהכין והפיק הרש סגל: "עקס שלאַפלידער" [ששה שירייערשן], (צ'רנוביץ: הורניק, 1939). הקלטה ביתית. הרש סגל (1905, גליציה – 1982, ישראל) – מורה למתמטיקה, מבקר תאטרון וספרות, מוציא לאור ונדבן, תומך נלהב של תרבות יידיש.

שלאַף, שלאַף / ה. לייבויק
(Shlof, shlof / H. Leyvik)

נום, נום, נים,
כְּבִשׁוּ הַרְזֵיעָה כֶּךָ הַיָּמִים,
הָאָב כֶּךָ נָטַשׁ אֶת ילְדוֹ,
הַפְּקִיר בְּנֵכֶר לְבָדוֹ.

אֵין אִישׁ פּוֹה. מַה יֵשׁ לַעֲשׂוֹת?
אָנְעִינְע אַתְּ עוֹד וְעוֹד,
הַחֶבֶל מוֹשֵׁךְ כָּל הַזָּמָן,
מוֹשֵׁךְ שׁוֹב לְכֹאן וּלְכֹאן.

נום, נום, נם,
הַרוּחַ גַּם הוּא לֹא נִרְדָּם;
תַּנְעִים זָאִיִּים שִׁם בְּקוֹר,
וּמִי מִתְחַנֵּן שִׁם: עֲזוּר!

מָה עוֹשִׂים אִם אָדָם שִׁם צִיעַק?
הוּא צִיעַק אִיזָה זָמָן – וּפּוֹסַק,
הַזָּמָן הוּא דָקָה סְדֵי־הַכֶּל –
הַרוּחַ הַעֵיף אֶת הַקּוֹל.

Shlof, shlof, shlof,
der pastekh faryogt hot zayn shof,
der foter farlozt hot zayn kind,
gelozt in der fremd oyfn vint.

Vos tut men: s'iz keyner nito –
ikh vig dikh a sho nokh a sho,
ikh tsi alts fun vigl di shtrik
aher un ahin un tsurik.

Lyu, lyu, lyu –
der vint ken nit shlofn vi du;
es blondzhen um frirnde velf,
un emets bet rakhomim zikh: helf!

Vos tut men, az emetser shrayt?
Er shrayt un hert oyf mit der tsayt,
di tsayt iz a rege, tsi tsvey –
faryogt hot der vint dos geshrey.

שלאַף, שלאַף, שלאַף,
דער פּאַסטעך פֿאַריאַגט האָט זײַן שלאַף,
דער פֿאָטער פֿאַרלאָזט האָט זײַן קינד,
געלָזט אין דער פֿרעמד אויפֿן ווינט.

וואָס טוט מען: ס'איז קיינער ניטאָ –
איך וויל דיך אַ שעה נאָך אַ שעה,
איך צי אַלץ פֿון ווילג די שטריק
אַהער און אַהין און צוריק.

ליו, ליו, ליו –
דער ווינט קען ניט שלאַפֿן ווי דו;
עס בלאַנדזשען אום פֿרידנדע וועלף,
און עמעץ בעט רחמים זיך: העלף!

וואָס טוט מען, אַז עמעצער שרייט?
ער שרייט און הערט אויף מיט דער צייט,
די צייט איז אַ רגע, צי צוויי –
פֿאַריאַגט האָט דער ווינט דאָס געשריי.

<p>What to do when no one is there? I'm rocking you hour after hour. As to all things there comes an end, On us too sleep will descend.</p>	<p>Что ж делать? Одни мы, малыш, Проходят часы, ты не спишь, Неважно, ведь все мы потом Спокойно и крепко уснем.</p>	
<p>3 ELE-BELE / Text and music: Zelik Barditshever. From Yiddish: Itzik Nakhmen Gottesman; first pu Cradle Songs” put out by Hersh Segal, (Czernowitz: Hornik, 1939). First recorded, with other songs by Barditshe Laish, an actor of Romanian origin, in 1967 in Tel-Aviv.</p> <p>ЭЛЕ-БЕЛЕ / Слова и музыка: Зелик Бардичевер. Пер. с идиша: Игорь Булатовский. Впервые оп подготовленным Гершом Сегалом: <i>Зэкс шлофлидер</i> [“Шесть колыбельных”], (Черновиц: Горник, 1939).Вт с другими песнями Бардичевера, Арье Лейбиш-Лэйшом, артистом румынского происхождения, в 1967 г.</p>		
<p>Do you want sheep and cattle? I've got them. Birds? God's wonder – I've got them. Sheep and cattle – those are my wife and children Oh, are they God's wonder. Ele-bele!</p> <p><i>Refrain:</i> Of course he likes this, So I tease and nag him. Ele-bele, squalor, squalor You have nothing, I have it all! Burst and jump out of your skin, But I will little songs sing. Ele-bele!</p>	<p>Хочешь ты буренку — накость! Хочешь ты теленка — накость! А моя буренка — жёнка, Носит каждый год теленка! Эле-беле!</p> <p><i>Рефрен:</i> Тебе я не устану Сыпать соль на рану, Эле-беле, бедолага, Я богач, а ты — бедняга, Хоть ты лопни, хоть ты тресни, Я не брошу этой песни! Эле-беле!</p>	

<p>אין איש פה, מה יש לעשות? אָנענע אונדף עוד ועוד. בלשם שלכל לשנה עת עלינו שנה תשתלט.</p>	<p>Vos tut men? S'iz keyner nito – ikh vig dikh a sho nokh a sho, azoy vi oyf alts kumt a sof, vet kumen oyf undz oykh a shlof.</p>	<p>וואָס טוט מען? ס'איז קיינער ניטאָ – איך וויג דיך אַ שעה נאָך אַ שעה, אַזוי ווי אויף אלץ קומט אַ סוף, וועט קומען אויף אונדז אויך אַ שלאָף.</p>
<p>rst published in the album “Six litshever, by Arie Leybush- יע опубли. в альбоме, 39). Впервые записано, наряду 167 г. в Тель-Авиве.</p>	<p>3 אלה־בלה / מילים ולחן: זליק בארדיצ'בר. מידיש: יצחק מאיה. הלחן פורסם לראשונה באלבום שהכין והפיק הרש סגל: "זעקס שלאָפלידער" [נשעה שיריי-ערש], (צ'רנוביץ: הורניק, 1939). הוקלט לראשונה ע"י השחקן אריה לייביש־לייב בשנת 1967 בת"א, לצד שירים נוספים מאת בארדיצ'בר.</p> <p>עלע־בעלע / טעקסט און מוזיק: זעליק בארדיטשעווער (Ele-bele / Tekst un muzik: Zelik Barditshever)</p>	
<p>צאן בקשתי, טלגא – יש לי! צפרים משמא – יש לי! צאן וטלגא – השפליא, הם אך הם – פלאי שמא! אלה־בלה! פזמון: לב הגביר ודאי שמחתי, אך להקעים רק שרתי: אלה־בלה, עני, עני! כלום הנך עשיר כמוני? התפקעניא ורגזה, על אפך שירים אחרזה! אלה־בלה!</p>	<p>Vilstu shof un rinder – hob ikh, feygl, gots a vunder – hob ikh, shof un rinder – s'vayb un kinder, oy, zey zenen got's vunder! Ele-bele! <i>Refren:</i> Gefelt im dos avade, reys ikh im un yade, ele-bele, dales, dales, du host gornisht, ikh hob ales! Ver tsetzet un ver tsheshpringen, vel ikh davke lidlekh zingen, ele-bele!</p>	<p>וויילסטו שאָף און רינדער – האָב איך, פֿייגל, גאָטס אַ וונדער – האָב איך, שאָף און רינדער – ס'ווייב און קינדער, אוי, זיי זענען גאָט'ס אַ וונדער! עלע־בעלע! דערפֿען: געפֿעלט אים דאָס אַוודאי, רייץ איך אים און יאָדע, עלע־בעלע, דלות, דלות, דו האָסט גאַרנישט, איך האָב אַלעס! ווער צעזעצט און ווער צעשפּרינגען, וועל איך דווקא לידלעך זינגען, עלע־בעלע!</p>

Do you want millions? – I've got em!
Do you want gramophones? – Got em!
Each child is worth millions,
Oh, their playing – gramophones.
Ele-bele!

Refrain

Do you want a string of pearls? I got it!
Do you want a jewel? Got it.
My oldest daughter-in-law her name is Pearl.
A true jewel is her Berl.
Ele-bele!

Refrain

Pleasure from my sons? – Got it!
Sore in-laws? – Got em!
My sons serve as Russian soldiers.
Boy, do I have some in-laws!
Ele-bele!

Refrain

Хочешь ты мильёнов — накость!
Хочешь граммофонов — накость!
Дети — вот мои мильёны,
Голоса их — граммофоны!
Эле-беле!

Рефрен

Хочешь горы злата — накость!
Хочешь жить богато — накость!
У меня невестка — Злата,
Что моим сынком богата!
Эле-беле!

Рефрен

Мои дети всех милее,
Сваты у меня всех злее,
Мои дети — во солдатах,
У меня иваны в сватах!
Эле-беле!

Рефрен

4 YOU WILL GO ALONG THE MOUNTAIN / Itzik Manger's translation of the Polish folk ballad "Ty pójdziesz góra". From Yiddish: Itzik Nakhmen Gottesman.

Home recording, mid. 70-ies.

ТЫ ПОЙДЕШЬ ГОРОЮ / Ицик Мангер (Переложение польской народной песни "Ty pójdziesz góra", Пер. с идиша: Игорь Булатовский). Домашняя запись, середина 70-х г.

<p>כלום תרצה מיליונים – יש לי! שקמא גרמאפונים – יש לי! כל תינוק שנה מיליונים, הד צחוקו – כגרמאפונים! אָלֶה־בֵּלֶה!</p>	<p>Vilstu milyonen – hob ikh! Vilstu gramofonen – hob ikh! Yedes kind iz vert milyonen, oy, zeyer shpilh – gramofonen! Ele-bele!</p>	<p>ווילסטו מיליאָנען – האָב איך! ווילסטו גראמאָפֿאָנען – האָב איך! יעדעס קינד איז ווערט מיליאָנען, אוי, זייער שפּילן – גראמאָפֿאָנען! עלע־בעלע!</p>
<p>פזמון</p>	<p><i>Refren</i></p>	<p>דעפֿרען</p>
<p>פנינה מבהקת – יש לי! יהלום, בִּרְקֶת – יש לי! מבִּרְקֶת טוב בני בִּרְל. פנינה אשתו כְּשִׁמָּה היא פִּרְל. אָלֶה־בֵּלֶה!</p>	<p>Vilstu shnirl perl – hob ikh! vilstu a brilyantl – hob ikh! Mayne eltste shnur, zi heyst dokh Perl, an ekht brilyantl iz ir Berl. ele-bele!</p>	<p>ווילסטו שנירל פערל – האָב איך! ווילסטו אַ בריליאַנטל – האָב איך! מיין עלטסטע שנוה, זי הייסט דאָך פערל, אַן עכט בריליאַנטל איז איר בערל. עלע־בעלע!</p>
<p>פזמון</p>	<p><i>Refren</i></p>	<p>דעפֿרען</p>
<p>מבני רב נחת – יש לי! ומחִתֵּינִים לִשְׁחַת – יש לי! אַל הַיְוֹנִים גְּלוּ בָנִים. אוי לי מן המחִתֵּינִים! אָלֶה־בֵּלֶה!</p>	<p>Nakhes fun di bonim – hob ikh, broygeze makhutonim – hob ikh. Mayne bonim – bay di yevonim, oy iz dos shoyn makhetonim! Ele-bele!</p>	<p>נחת פֿון די בנים – האָב איך, ברוגע מחותנים – האָב איך. מיינע בנים – ביי די יוונים, אוי איז דאָס שוין מחותנים! עלע־בעלע!</p>
<p>פזמון</p>	<p><i>Refren</i></p>	<p>דעפֿרען</p>

4 אַתְּ לְכִי בְּהָרַ / איציק מאנגר. (תרגום לבלדה עממית פולנית "Ty pójdziesz górą"; מיידיש: דוד קריקסונוב, רות לוין) הקלטה ביתית, אמצע שנות ה-70.

דו וועסט גיין מיטן באַרג / פּויליש: "Ty pójdziesz górą", איבערגעזעצט דורך איציק מאנגערן (Du vest geyn mitn barg / Poylish: "Ti póidziesz górą", ibergezetst durkh Itsik Mangern)

You will go along the mountain,
You will go along the mountain,
And I – along the valley.
You will blossom like a rose,
You will blossom like a rose,
And I – a guelder rose.

You will be a landowner's lady,
You will be a landowner's lady,
With fields and mills.
And I will be a priest,
And I will be a priest,
In a small quiet cloister.

In coaches you will ride,
In coaches you will ride.
With six horses in harness,
And the poor peasants,
And the poor peasants
Will kiss my hand.

And when we will die,
And when we will die,
Will with gold
On the tombstone be engraved,
On the tombstone be engraved:
"This is the will of God".

Ты пойдешь горою,
Ты пойдешь горою,
Я пойду жнивьем,
Розочкой ты будешь,
Розочкой ты будешь,
Буду я репьем.

Будешь ты богатой,
Будешь ты богатой
Дамой при дворе,
Я монахом буду,
Я монахом буду
Жить в монастыре.

Будешь ты в карете,
Будешь ты в карете
Цугом разъезжать,
Мне крестьяне будут,
Мне крестьяне будут
Руку целовать.

А когда могила,
А когда могила
Примет нашу плоть,
Выбьют на надгробье,
Выбьют на надгробье:
"Так велел Господь".

<p>את לכי בָּהָר, את לכי בָּהָר, אָני בְּגֵיאַ הַצֵּה, תִּפְרָחִי כְּרֹד, תִּפְרָחִי כְּרֹד, אָני - כְּשִׁיחַ בֵּר.</p>	<p>Du vest geyn mitn barg, du vest geyn mitn barg, un ikh – mit der doline, du vest blien – a royz, du vest blien – a royz, un ikh – a kaline.</p>	<p>דו וועסט גיין מיטן באַרג, דו וועסט גיין מיטן באַרג, און איך – מיט דער דאָלינע, דו וועסט בליען – אַ רוז, דו וועסט בליען – אַ רוז, און איך – אַ קאַלינע.</p>
<p>לְךָ טַחְנוּת הַקָּמָה, לְךָ טַחְנוּת הַקָּמָה, הָאָחוּ, הַחֲשָׁה, וְלִי מַנְזֵר וְנָדָה, וְלִי מַנְזֵר וְנָדָה, וּתְפִלָּה שְׂקִיָּה.</p>	<p>Du vest zayn a pritse, du vest zayn a pritse mit felder un miln, un ikh vel zayn a galekh, un ikh vel zayn a galekh in a kloysterl a shtiln.</p>	<p>דו וועסט זיין אַ פּריצע, דו וועסט זיין אַ פּריצע מיט פֿעלדער און מילן, און איך וועל זיין אַ גלח, און איך וועל זיין אַ גלח אין אַ קלויסטערל אַ שטילן.</p>
<p>בְּמִרְכָּבָה תִּסְעִי לָךְ, בְּמִרְכָּבָה תִּסְעִי לָךְ, וְלָהּ סוּסִים שִׁשָּׁה, שְׁעָה שְׁאֵת יָדֵי, שְׁעָה שְׁאֵת יָדֵי, אֶכֶר עָנִי יִשְׁקוּ.</p>	<p>In kotshn vestu forn, in kotshn vestu forn mit zeks ferd geshpant, un mir veln di oreme, di poyerim di oreme kushn di hant.</p>	<p>אין קאָטשן וועסטוּ פֿאָרן, אין קאָטשן וועסטוּ פֿאָרן מיט זעקס פֿערד געשפּאַנט, און מיר וועלן די אָרעמע, די פּויערים די אָרעמע קושן די האַנט.</p>
<p>על מצַבֶּת קִבְרֹנָה, על מצַבֶּת קִבְרֹנָה, כְּשִׁנְמוֹת בְּשׁוּנָם, יְבִלוּט זֶהב הַתְּבִיט, יְבִלוּט זֶהב הַתְּבִיט, "כִּי זֶה רְצוֹן שָׁמַיִם".</p>	<p>Un az mir veln shtarbn, un az mir veln shtarbn, vet men mit gold oyf der matseyve kritsn, oyf der matseyve kritsn: "Azoy hot Got gevolt".</p>	<p>און אַז מיר וועלן שטאַרבן, און אַז מיר וועלן שטאַרבן, וועט מען מיט גאָלד אויף דער מצַבֶּה קריצן, אויף דער מצַבֶּה קריצן: "אַזוי האָט גאָט געוואָלט".</p>

<p>And whoever will go by, And whoever will go by Will stop, And think: such a love, And think: such a love... And will continue on his way.</p>	<p>Кто-то над могилой, Кто-то над могилой Постоит чуть-чуть, Скажет: вот любовь-то, Скажет: вот любовь-то, И продолжит путь.</p>	
<p>5 TWO LETTERS FROM VELVL ZBARZHER TO MALKELE THE BEAUTIFUL / Itzik I Hadassah Haskale and Itzik Nakhmen Gottesman. Both melodeclamations were composed in 1936. The first song the collection “<i>Leibu Levin: Word and Melody</i>” (Tel Aviv: I.L.Peretz publications, 2005). Recorded by <i>Kol Israel</i> last concert on 27.12.1981 at the <i>Tzavta</i> auditorium in Jerusalem. Piano: Svetlana Ainbinder. <i>Velvl Ehrenkrantz (I</i> <i>Hebrew poet and a bard. Called Zbarzher after his birthplace, the town Zbarazh in Galicia.</i></p> <p>ДВА ПИСЬМА ВЕЛВЛЯ ЗБАРЖЕРА ПРЕКРАСНОЙ МАЛКЕЛЕ / Ицик Мангер. Пер. с и Дымшиц. Обе мелодекламации соч. в 1936 г. Первая песня была впервые опубл. в сб. "Лейбу Левин: Сл идише, иврите и английском; Тель-Авив: Издательство им. Й.Л. Переца, 2005). Звукозап.: <i>Голос Израил</i> <i>радиовециание</i>, во время последнего концерта Лейбу Левина 27.12.1981 в аудитории Цавта. Ф-но: Светл <i>Эренкранц (1819 – 1883) – поэт и популярный певец, писал на идише и иврите. Был прозван Збарджером</i> <i>рождения, городу Збаражу в Галиции.</i></p>		
<p>1. (Transl. from Yiddish: Hadassah Haskale) A song I have written, Malkele, And for it I've made a tune: "The dream is showing us golden hills, And in the end it's just not true".</p>	<p>1. Я, Малкеле, составил стих, Напев к нему сложил: "Сулит нам златые горы сон, Да только сон тот лжив".</p>	

<p>יִתְמַהֲמַה הַלֵּךְ, יִתְמַהֲמַה הַלֵּךְ, בֵּית דָּקָה אַחַת, "יֵשׁ אֶהְבֹּת קְאֵלָה..." "יֵשׁ אֶהְבֹּת קְאֵלָה..." קְחֶשֶׁב – וְשִׁיב יִרְחֶק.</p>	<p>Un ver se vet farbaygeyn, un ver se vet farbaygeyn, vet er blaybn shteyn, un trakhtn: aza libe, un trakhtn: aza libe... Un vet vayter geyn.</p>	<p>און ווער סע וועט פֿאַרבייגיין, און ווער סע וועט פֿאַרבייגיין, וועט ער בלייבן שטיין, און טראַכטן: אַזאַ ליבע, און טראַכטן: אַזאַ ליבע... און וועט ווייטער גיין.</p>
<p>Itzik Manger. From Yiddish: "The song was first published in 'srael during Leibu Levin's ntz (1819-1883) – Yiddish and p. с идиша: Валерий н: Слово и Мелодия" (на 'зрайля, израильское 'ветлана Айнбиндер. Велвл гром по месту своего</p>	<p>5 שני מכתבים מוולוו זברז'ר למלכ'לה היפה / איציק מאנגער. מיידיש: בנימין טנא. דקלום-זמרה; שני השירים הולחנו בשנת 1936. השיר הראשון פורסם לראשונה בתוך קובץ "לייבו לעווין: וואַרט און ניגון = מלה וניגון; ניגונים לשירה ביידיש, עיבודים לפסנתר מאת חנן וינטרניץ" (תל-אביב: "ל פרץ, 2005). הוקלט ע"י "קול ישראל" במהלך הקונצרט האחרון של לייבו לויין ב-27.12.81, באולם "צוותא" בירושלים; פסנתר: סבטלנה איינבינדר. אהרנרנץ, בנימין זאב וולף בן משה (1833-1819) – משורר זמר פופולרי, חיבר שירים ביידיש ובעברית. כונה זברז'ר ע'ל-שם מקום הולדתו, העיר זברז' שבגליציה.</p> <p>צוויי בריוו פֿון וועלוול זבאַרזשער צו מלכהלע דער שיינער / איציק מאַנגער (Tsvay briv fun Velvl Zbarzher tsu Malkele der sheyner / Itsik Manger)</p>	
<p>1. "שיר חֲבֵרָתִי, מַלְכָּה'לָּה, זְלוּ נִגּוֹן עֲשִׂיתִי: "לְחֹלֶם הַרְרִי-זֶהָב זְלִבְסוֹף תְּרַמִּית הִיא".</p>	<p>1. Kh'hob, Malkele, a lid farfast un dertsu gemakht a nign: "Der kholem vayzt undz gildene berg un tsum sof iz es a ligh".</p>	<p>1. כ'הָאָב, מַלְכַּהֲלֵע, אַ לִיד פֿאַרפֿאַסט און דערצו געמאַכט אַ ניגון: "דער חלום ווייזט אונדז גילדענע בערג און צום סוף איז עס אַ ליגן".</p>

The proof of this came, Malkele,
Some time ago in a tavern,
When sitting with a glass of wine,
I dozed off at the table.

Oh, then a bird came fluttering,
A letter from you it brought,
Carried on its golden wings,
Sealed with a stamp upon it.

And just as I was opening it
And looking in, I saw that
This was not a note that came,
But you were there instead.

So slender with your long hair loose,
In front of me you were standing,
And there beyond the window pane
The chestnut trees were blooming.

You said: "Oi Velvele, my crown,
How awfully I've been suffering" –
And at that, the old Linden Tree
Again resumed its budding.

So I replied: "Good, Malkele,
How good you could come tonight",
And clasping it with both my hands
I hugged the table outright.

А доказательства тому,
Они у нас под боком.
Недавно я пил вино в шинке,
И задремал ненароком.

Тут вдруг в открытое окно,
Летит золотая птица,
Несет мне от тебя письмо,
Передо мной садится.

Как только я открыл конверт,
Прочел письма начало,
Вижу, ты передо мной,
А вот письмо – пропало.

С копной распушенных волос,
Негаданно-нежданно,
А в это время под окном
Вдруг расцвели каштаны.

Сказала ты: "Ой, Велвл мой,
Я так тоскую, милый",
И старая липа зацвела
Как будто с новой силой.

И я ответил Малкеле:
"Так ты ко мне вернулась",
И крепко-крепко обнял стол,
Вот как все обернулось.

<p>וְהִיא רֵאִיָּה, הִיא מַלְכָּה'לָה, אָמַשׁ עַל כּוֹס יַיִן הַתְּנוּמָה עַלִי גְבֵרָה וְעֲצַמְתִּי עַיִן.</p> <p>פְּתַע עַל כְּנִפְי־זָהָב, לִי הִבִּיא עוֹף־חֲמִיד מֵאֲתָד מִכְתָּב קָטָן וְעֲלִיו חוֹתְמָת.</p> <p>אֵד בְּעַת פְּתַחִי אֹתוֹ, וּבְקִרְאִי בְרַעַד, לֹא הִיָּה זֶה קָלָל מִכְתָּב, כִּי אִם אֶת הוֹפְעָת.</p> <p>לְפָנַי נִצְבָּת גְּמִישָׁה, שְׁעָרְךָ מֵה רֵךְ הוּא. וּמַעֲבָר לַחֲלוֹן הַעֲרִמְזִינִים פְּרָחַת.</p> <p>וְאֵת אֲמַרְתִּי: "הִיא וְלָלָה, קִבְלַתִּי דִי אִין כַּח". וְהַתְרָה שְׁבַע־זִמִּים הַחֲלָה שׁוֹב לְפָרוֹחַ.</p> <p>סַחְתִּי: "טוֹב, הִיא מַלְכָּה'לָה, טוֹב שְׁבַאת!" שְׁחַקְתִּי. וּבִשְׁתֵּי כְּפֹת־יָדַי הִשְׁלַחְן חֲבָקְתִּי.</p>	<p>A raye hostu, Malkele, ot bin ikh do anumlt, zitsndik baym glezl vayn, baym tishl ayngedrimlt.</p> <p>Hot mir der foygl flaterfli oyf zayne gildene fligl gebrakht a brivele fun dir farkhasmet mit a zigl.</p> <p>Un az ikh hob es oyfgemakht un ongefangen lezn, iz es nisht keyn briv geven, nor du bist es gevezn.</p> <p>A shlanke, mit tselozte hor, bistu far mir geshtanen, un s'hobn hintern fentster zikh tsetsvitet di kashtanen.</p> <p>Hostu gezogt: "Oy, Velvl kroyn, vos kh'hob zikh ongelitn" – un s'hot der alter lipeboym oyf s'nay genumen tsvitn.</p> <p>Hob ikh gezogt: "Gut, Malkele, gut, vos du bist gekumen", un kh'hob mit mayne beyde hent – dem tish arumgenumen.</p>	<p>אֶרְאִיהָ הָאֶסְטו, מַלְכָּה'לַע, אָט בִּין אֵיךְ דאָ אָנוּמַלְט, זִיצְנִדִּיק בֵּימִם גַּלְעוּזל ווִינ, בֵּימִם טִישַׁל אֵינִיגְעֵדֵרִימַלְט.</p> <p>הָאָט מִיר דַּער פֿויגל פֿלאַטֶער־פֿלי אויף זײַנע גִילדענע פֿליגל געבראַכט אַ בריוועלע פֿון דיר פֿאַרחתמעט מיט אַ זיגל.</p> <p>און אז איך האָב עס אויפֿגעמאַכט און אָנגעפֿאַנגען לעזן, איז עס נישט קיין בריוו געווען, נאָר דו ביסט עס געווען.</p> <p>אַ שלאַנקע, מיט צעלאָזטע הָר, ביסטו פֿאַר מיר געשטאַנען, און ס'האַבן הינטערן פֿענצטער זיך צעצווִיטעט די קאַשטאַנען.</p> <p>הָאָסטו געזאָגט: "אוי, וועלוול קרוין, וואָס כ'האַב זיך אָנגעליטן" – און ס'הָאָט דער אַלטער ליפֿעביים אויף ס'ניי גענומען צוויטן.</p> <p>הָאָב איך געזאָגט: "גוט, מַלְכָּה'לַע, גוט, וואָס דו ביסט געקומען", און כ'הָאָב מיט מײַנע ביידיע הענט – דעם טיש אַרומגענומען.</p>
--	--	---

<p>At once the barmaid laughed out loud: "What is it you are doing? It seems to me, Herr Ehrenkranz, That suddenly you're sleeping!"</p> <p>I made my way to my hotel, I've gathered ink and pen here, And, that it be known once and for all To everyone forever,</p> <p>I have this lovely song fashioned, And for it I've made a tune. The dream is showing us golden hills And in the end it's just not true.</p> <p>2. (Transl. from Yiddish: Itzik Nakhmen Gottesman)</p> <p>Today a bird, Malkele, Sang on my rooftop: "There where the city ends, Begins the highway!"</p> <p>So take the cane, dear Velvl, In your hand and stride, If you have no ticket, To travel by train.</p>	<p>И слышу я сквозь сладкий сон, Трактирица смеется: "Да вы, герр Эренкранц, у нас Заснули, мне сдается".</p> <p>И я вернулся в мой отель, И там всю ночь писал, Чтоб каждый добрый человек Отныне твердо знал,</p> <p>О том, о чем я составил стих, Напев к нему сложил: "Сулит нам златые горы сон, Да только сон тот лжив".</p> <p>2.</p> <p>Сегодня, Малкеле, весь день На крыше пела птица: "Иди за город, там в полях Дорога вдаль стремится.</p> <p>Возьми же посох, Велвл мой, Шагай вперед, поэт, Коль нету денег у тебя, Чтобы купить билет.</p>	
---	---	--

<p>המזוגזג צַחֶקָה: "מָה אַתָּה? חֲלֵמֶת? מִסְתַּבֵּה מִר אֶרְבֵּינָא, כִּי פִתְאָם נִרְדַּמְתָּ!"</p> <p>אַז סִרְתִּי לְמִלּוֹן שְׁלִי, נִטְלֵתִי עֵט וְקֶסֶת, וְכַדֵּי שְׁהֲאֵמֶת לְכָל תְּהֵא גְלוּיָהּ, נִתְפַּסֶּת –</p> <p>חֲבֵרְתִי שִׁיר גָּאָה דָּגוּ, וְלוֹ נִגּוֹן עֵשִׂיתִי – לְחֵלוֹם הֶרְרִיזָהּ, וְלְבִסּוֹף תִּרְמִית הִיא.</p> <p>2.</p>	<p>Hot zikh di shenkerke tselakht: "Vos hot zikh aykh getrofn? Ir zent, vayzt oys, her Ernkrants, baym tishl ayngeshlofn!"</p> <p>Bin ikh avek in mayn hotel, genumen tint un feder, un kedey far haynt un ale mol zol visn es ayeder,</p> <p>Hob ikh dos sheyne lid farfast un dertsu gemakht a nign – der kholem vayzt undz gildene berg, un tsum suf iz es a lign.</p> <p>2.</p>	<p>הָאָט זִיךְ דִּי שְׁעֻקֶרְקֵע צֶעלְאָכְט: "וּוּאָס הָאָט זִיךְ אײך געטראָפֿן? איר זענט, ווייזט אויס, הער ערנכראַנט, ביים טישל איינגעשלאָפֿן!"</p> <p>בין איך אוועק אין מיין האַטעל, גענומען טינט און פֿעדער, און כּדי פֿאַר היינט און אַלע מאָל זאָל וויסן עס אַיעדער,</p> <p>האָב איך דאָס שיינע ליד פֿאַרפֿאַסט און דערצו געמאַכט אַ ניגון – דער חלום ווייזט אונדז גילדענע בערג, און צום סוף איז עס אַ ליגן.</p> <p>2.</p>
<p>הַיּוֹם צְפוּרָה הוּי מִלְכָּה לָהּ, לִי שֶׁרָה עַל הַגָּן: בְּקִצָּה הַעִיר שָׁם מִתְחַלֶּלָה, הַדֶּרֶךְ לְמִרְחָק.</p> <p>אַז קַח מִסָּל, הוּי וְלִנְיָלָהּ, בְּיָד, וְצַעֲד זְרוּי, אַם לְנִסּוּע בְּרַבְּבֵת אַיִן לָךְ כְּרֵטִיס.</p>	<p>A foygl hot haynt, Malkele, gezungen oyf mayn dakh: "Dort, vu s'endikt zikh di shtot, hoybt zikh on der shlyakh.</p> <p>To nem dem shtekn, Velvl kroyn, in der hant un shpan, oyb du host nisht keyn bilet tsu forn mit der ban.</p>	<p>אַ פֿויגל הָאָט הַיּוֹם, מִלְכָּה לָהּ, געזונגען אויף מיין דאָך: "דאָרט, וווּ ס'ענדיקט זיך די שטאָט, הויבט זיך אָן דער שליאַך.</p> <p>טאָ נעם דעם שטעקן, וועלוול קרוינ, אין דער האַנט און שפּאַן, אויב דו האַסט נישט קיין בילעט צו פֿאָרן מיט דער באַן.</p>

In the fields, you can sleep
And eat, shm-eat... eh!
Since when has grub entered the mind
Of a Yiddish poet?

Look, Malkele the beautiful has waited
Already for years for you.
There is proof: each night
She leaves the door unlocked."

So I said to him thus:
"Hey bird flapping away,
You are, apparently, from another time
Or not from these parts.

And perhaps just a little fool,
Who does not know, it seems,
That between me and Malkele
Rushes the Black Sea.

And thus says the Black Sea:
"Hey, little man, punk, silence!
You could walk on the highway
But over me – no way!"

And the flapping, flittering bird,
Ashamed, departed.
And my heart, Malkele,
Grieved me the whole day long.

Ты можешь ночевать в стогу,
А есть? На что еда...
Ведь для еврейского певца
Кормежка – ерунда.

Твоя ждет Малкеле тебя
Уж много лет, поверь.
Она который год подряд
Не запирает дверь".

А я ответил птице так:
"Послушай, невеличка,
Да ты нездешняя, видать,
Несведущая птичка,

А может вовсе глупая,
Мое не знаешь горе,
Ведь между мной и Малкеле
Шумит волнами море.

И говорит оно мне так:
"Со мною плохи шутки,
Шагать ты можешь по холмам,
А вот по волнам – дудки".

И загрустила птица вдруг,
Замолкала, улетела,
А у меня, ой, Малкеле,
Весь день душа болела.

<p>ללון תוכל הרי באחו, לקעוד... שטויות הן, אט! מאימתי פיתן יהודי הוא גרגרן? הגד!</p>	<p>Nekhtikn kenstu in feld un esn, shmesn... et! Fun ven on trakht es vegn fres a yidisher poet?</p>	<p>נעכטיקן קענסטו אין פֿעלד און עס, שמעסן... עט! פֿון ווען אָן טראַכט עס וועגן פֿרעס אַ ייִדישער פּאָעט?</p>
<p>ראה, שנים כבר מלכה'לה, לך נפשה בלטה. והא ראייה שלילה'לה היא לא תנעל דלתה.</p>	<p>Ze, Malkele di sheyne vart shoyn yornlang oyf dir. A simen hostu: yede nakht farshlist zi nisht di tir".</p>	<p>זע, מלכה'לע די שיינע וואָרט שוין יאָרנלאַנג אויף דיר. אַ סימן האָסטו: יעדע נאַכט פֿאַרשליסט זי נישט די טיר".</p>
<p>ואני לה כד אמרת: "צפורה צפורת-חן, מסתבר שלא מכאן את, צפור זרה, לא כן?"</p>	<p>Hob ikh tsu im gezogt azoy: "Hey foygl flaterfli, du bizt, vayzt oys, a nekhtiker, oder nisht fun hi.</p>	<p>האָב איך צו אים געזאָגט אזוי: "העי פֿויגל פֿלאַטערפֿלי, דו ביזט, ווייזט אויס, אַ נעכטיקער, אַדער נישט פֿון הי.</p>
<p>ואולי את סתם טפשונית, שלא תדעי, תזכרי, כי ביני בין מלכה'לה רועש הים שחור.</p>	<p>Un efsher gor a shoytele, vos veyst nisht min-hastam, az tsvishn mir un Malkelen roysht der Shvartser Yam.</p>	<p>און אפֿשר גאָר אַ שוטהלע, וואָס ווייסט נישט מן־הסתם, אַז צווישן מיר און מלכה'לען רוישט דער שוואַרצער ים.</p>
<p>וזה הים אומר לי כד: "הי צוציק, בראדס, לצעוד תוכל לך על דדה, עלי - רק בחלום!"</p>	<p>Un s'zogt der Shvartser Yam azoy: "Hey, mentshl, tsutsik, shvayg! Shpanen kenstu oyfn shlyakh, nor iber mir – a fayg..."</p>	<p>און ס'זאָגט דער שוואַרצער ים אזוי: "העי, מענטשל, צוציק, שוויג! שפּאַנען קענסטו אויפֿן שלאַך, נאָר איבער מיר – אַ פֿייג..."</p>
<p>והצפור בושה, נכלמת, פרחה ממני דם. והלב, הוי מלכה'לה, נצבט בי כל היום.</p>	<p>Un s'iz der foygl flaterfli avek fun mir farshemt, un s'hot dos harts mir, malkele, a gantsn tog geklemt.</p>	<p>און ס'איז דער פֿויגל פֿלאַטערפֿלי אַוועק פֿון מיר פֿאַרשעמט, און ס'האָט דאָס האַרץ מיר, מלכה'לע, אַ גאַנצן טאָג געקלעמט.</p>

6 A LETTER FROM RUSSIA / A popular song from the first third of the 20th cent. From Yidd Nakhmen Gottesman. Recorded by The Sound Archives, National Library of Israel, Jerusalem.

ПИСЬМЕЦО ИЗ РОССИИ / Популярная песня первой трети 20-го в. Пер. с идиша: Игорь Бу Звукозап.: Фонотека, Национальная библиотека Израиля, Иерусалим.

<p>Oy, my husband, you should go to hell And stay there for many years. How long must I beg you, To write me a letter?</p>	<p>Мой муж, ты оглох? Да хоть бы ты сдох, Да хоть бы навеки пропал! Давно уже тебя просить устала я, Чтоб ты мне письмо написал.</p>	<p>ק באַדמָה צוֹ - די בקשתי - זי אָפּשָׂר?</p>
<p>Oy, oy, a whole night I lay and think, Maybe there you will become smarter, So I beg of you, my man, please Write me a letter.</p>	<p>Ой-ой, всю-то ночь уснуть мне невмочь. Ну хоть бы ты там поумнел, В Америке своей, и мне поскорей Одно письмецо написал!</p>	<p>זי ווּחשבתִי אָי הַחכמתִי שׁם? תתִּיהָ קצַת טוב אֵלַי וְשָׂה.</p>
<p>Oy, oy, oy, the letters from Russia, They are full of tears, full of sorrows, And when I hold a letter in my hand, My heart is torn apart. Full of sorrow, full of tears One should not be burned so... Oy, oy, oy, those letters from Russia.</p>	<p>Ой-ой-ой, эти письма из России — Сплошь рыданье, сплошь терзанье, Когда читаешь такое письмо, На куски разрывается сердце От этих терзаний и рыданий, От этих безвинных страданий... Ой-ой-ой, эти письма из России.</p>	<p>מרוֹסְיָה לאים בְּשִׁבְלִי ; בְּיָדַיִם - תּוֹדֵי שְׂנֵיָהּ קָרַע לוֹ. זוֹ בוֹעֵר ...הָרָה! מרוֹסְיָה.</p>

Yiddish: Itzik

6 **מכתב אחד מרוסיה / שיר פופולרי מן השליש הראשון של המאה ה-20.** מיידיש:
דוד קריקסונוב. הוקלט ע"י ארכיון הצליל, הספרייה הלאומית, ירושלים.

рѣ Булатовский.

**א בריוועלע פֿון רוסלאַנד
(A brivele fun Rusland)**

אוי בעלי, שתקבר עמק באָד
ותשאַר לך שְׁנים בקבר צר.
נו באַמת, מה כבר ממה בקש
לכתב לי רק מכתב אַחד אָפּי

Oy du mayn man, in dr'erd zolstu arayn
un yorn zolstu farblaybn.
Vifl iz der shier tsu betn zikh bay dir,
du zolst mir a brivele shraybn?

אוי, כמה בלילות שכבתי וחש
אוי, מי יתן, אולי סוף־סוף הָחן
מה כבר בקשתי, בעלי, תהיה
וישלח מכתב אַחד, בבקשה.

Oy–oy a gantse nakht lig ikh nor un trakht,
efsher vestu dortn klinger vern,
darum bet ikh dikh, mayn man, du zolst
azoy gut zayn
un mir a brivele shraybn.

אוי־אוי־אוי, המכתבים מרוסין
הם בדמעות ספוגים, מלאים ו
אֶשְׁלֹקְחֵיהֶם מכתב, אוי, בְּיָדִי
הִלַּב מִהַמְלִים אוי־אוי נִקְרַע לֹא
ספוגי דְּמָעוֹת, וְסָבַל שֵׁם בּוֹעֵר
רק לא לחטוף כּוֹהַ, לְהַזְהֵר...
אוי־אוי־אוי, המכתבים מרוסין

Oy-oy-oy, di brivelekh fun Rusland,
zey zenen ful mit trenn, ful mit leydn,
un az me nemt a brivele oy in der hant,
oyf shtiker vert dos harts oy-oy tserisn.
Ful mit leydn, ful mit trenn,
me zol shoyrn gor gebrit nisht vern...
Oy-oy-oy, di brivelekh fun Rusland.

אוי דו מיין מאן, אין דר'ערד זאָלסטו אַרײַן
און יאָרן זאָלסטו פֿאַרבלייבן.
וויפֿל איז דער שיעור צו בעטן זיך ביי דיך,
דו זאָלסט מיר אַ בריוועלע שרייבן?

אוי־אוי אַ גאַנצע נאַכט ליג איך נאָר און טראַכט,
אפֿשר וועסטו דאָרטן קליגער ווערן,
דאָרום בעט איך דיך, מיין מאַן, דו זאָלסט אַזוי
גוט זײַן
און מיר אַ בריוועלע שרייבן.

אוי־אוי־אוי, די בריוועלעך פֿון רוסלאַנד,
זיי זענען פֿול מיט טרערן, פֿול מיט ליידן,
און אַז מע נעמט אַ בריוועלע אוי אין דער האַנט,
אויף שטיקער ווערט דאָס האַרץ אוי־אוי צערטן.
פֿול מיט ליידן, פֿול מיט טרערן,
מע זאָל שוין גאָר געברײט נישט ווערן...
אוי־אוי־אוי, די בריוועלעך פֿון רוסלאַנד.

<p>Chava and Doba, the black, the crude – They have been overjoyed. Their husbands made them happy, many dollars sent over. To New York they travelled.</p> <p>But I have become miserable and wait and wait and wait, Maybe there you will become smarter. So I beg of you, my husband, Please write me a letter.</p> <p>Oy, oy, oy those letters from Russia...</p> <p>Perhaps you have another in my place? Allowing you the best pleasures? May you die a violent death in the Golden Land, But send me a divorce as soon as possible.</p> <p>Oy, oy, a whole night I lay and think, That maybe there you will become smarter, So I beg of you, my man, please Write me a letter.</p> <p>Oy oy oy those letters from Russia...</p>	<p>Толстую Хавку, Добку-чернявку, И тех мужья не забыли, Им доллары прислали, и обе эти крали В Нью-Йорк навсегда укатили.</p> <p>А я на беду все жду, и жду, и жду, Ну хоть бы ты там поумнел, В Америке своей, и мне поскорей Одно письмецо написал.</p> <p>Ой-ой-ой, эти письма из России...</p> <p>Или в Золотой стране ты нашел замену мне, Опозорил меня, бедолагу? Ну и пропади ты в ней, в Золотой стране твоей, Но пришли о разводе бумагу!</p> <p>Ой-ой, всю-то ночь уснуть мне не в мочь. Ну хоть бы ты там поумнел, В Америке своей, и мне поскорей Одно письмецо написал.</p> <p>Ой-ой-ой, эти письма из России...</p>	<p>השמנה, עכשיו. לחזו דולרים, לא קפחו יחדי... ת: מתי ישלח ככה, מתי ישלח כבר? זוף ההפמת שם? תהיה קצת טוב אלי ושה. מרוסקיה... במקומי, זרפר? אי שתפגור, הה מהר. תי וחשבת, זוף ההפמת שם? תהיה קצת טוב אלי קשה. ז מרוסקיה...</p>
--	---	---

תְּהִי וְגַם דּוֹכָה הַשְׁחוֹרָה, הַשְׁמֵן
שְׁתִּיתָן מִמֶּשׁ מְאֻשְׁרוֹת עֵבֶשׂוּי.
בְּעֵלְיָהוּן אוֹתָן שְׂמַחָה, שְׁלַחְוּ דָו
לְגִי יִירָדְק שְׁתִּיתָן נֶסְעוּ יַחְדָּי...

וְרַק אָנִי שְׂקוּפָה־נִשְׂכַּחַת: מִת
מְ
אוֹי, מִי יִתֵּן, אוֹלֵי סוּף־סוּף הָחַ
מִהַ כָּבֵר בְּקִשְׁתִּי, בְּעֵלֵי תִהְיֶה
וְשִׁלַּח מִכְתָּב אָחָד, בְּבִקְשָׁה.

אוֹי־אוֹי־אוֹי, הַמְּכַתְּבִים מֵרוֹקֵן
אוֹלֵי יֵשׁ לָךְ שֵׁם אֲהַרְתּ בְּמִקּוֹן
אֲתָה עוֹשֶׂה חַיִּים וּמְתַפְרָפֵר?
אֲזוּ לֹא אֲבַכָּה יוֹתֵר, הֲלֹאִי שֵׁחַ
רַק שְׁלַח לִי אֶת הַגֵּט מִהַר, מִהַ

אוֹי, כְּמֵה בְּלִילוֹת שְׂכַבְתִּי וְחַלְ
אוֹי, מִי יִתֵּן, אוֹלֵי סוּף־סוּף הָחַ
מִהַ כָּבֵר בְּקִשְׁתִּי, בְּעֵלֵי תִהְיֶה
וְשִׁלַּח מִכְתָּב אָחָד, בְּבִקְשָׁה.

אוֹי־אוֹי־אוֹי, הַמְּכַתְּבִים מֵרוֹקֵן

Khave, Dobe, di shvartse, di grobe,
zey zenen gliklekh gevorn.
Zeyere mener hobn zey baglikt, a sakh dolars
ibergeshikt,
keyn Nev-York zenen zey geforn.

Nor ikh ver farshvartst un vart un vart
un vart,
efsher vestu dortn klinger vern,
dorem bet ikh dikh, mayn man, du zolst
azoy gut zayn
un mir a brivele shraybn.

Oy-oy-oy, di brivelekh fun Rusland...
Efsher hostu dort an andere oyf mayn ort?
farginen dir di beste gliken?
Nem ayn a mise-meshune in der goldener
medine,
nor mir zolstu dem get vos gikher shikn.

Oy-oy a gantse nakht lig ikh nor un trakht,
efsher vestu dortn klinger vern,
dorem bet ikh dikh, mayn man, du zolst azoy
gut zayn
un mir a brivele shikn.

Oy-oy-oy, di brivelekh fun Rusland...

חוּוה, דָּאָבֶע, די שוואַרצע, די גראַבע,
זיי זענען גליקלעך געוואָרן.
זייערע מענער האָבן זיי באַגליקט, אַ סך דאָלאַרס
איבערגעשיקט,
קיין נעוֹי־אָרְק זענען זיי געפֿאַרן.

נאָר איך ווער פֿאַרשוואַרצט און וואַרט און
וואַרט און וואַרט,
אפֿשר וועסטו דאָרטן קליגער ווערן,
דרום בעט איך דײַך, מײַן מאַן, דו זאָלסט אַזוי
גוט זײַן
און מיר אַ בריוועלע שרייבן.

אוֹי־אוֹי־אוֹי, די בריוועלעך פֿון רוסלאַנד...
אפֿשר האָסטו דאָרט אַן אַנדערע אויף מײַן אָרט?
פֿאַרגינען דיר די בעסטע גליקן?
נעם אַיַן אַ מיתת־משונה אין דער גאָלדענער
מדינה,
נאָר מיר זאָלסטו דעם גט וואָס גיכער שיקן.

אוֹי־אוֹי אַ גאַנצע נאַכט ליג איך נאָר און טראַכט,
אפֿשר וועסטו דאָרטן קליגער ווערן,
דרום בעט איך דײַך, מײַן מאַן, דו זאָלסט אַזוי גוט
זײַן
און מיר אַ בריוועלע שיקן.

אוֹי־אוֹי־אוֹי, די בריוועלעך פֿון רוסלאַנד...

7 **AUTUMN / Itzik Manger.** From Yiddish: Itzik Nakhmen Gottesman. Composed in 1936. Recorded by K Levin's last concert on 27.12.1981 at the *Tzavta* auditorium in Jerusalem.

ОСЕНЬ / Ицик Мангер. Пер. с идиша: Валерий Дымшиц. Музыка соч. в 1936 г. Звукозап.: *Голос Изра* радиовещание, во время последнего концерта Лейбу Левина 27.12.1981 в аудитории *Цавта*.

This poem of late autumn
Should be sung with sad eyes,
The head bowed down,
For otherwise it would not do.

The blue swallows of my roof
Departed for an alien summer.
The old trees along the highway
Become stiller, more devout.
And when the rain will begin to fall
They will timidly stand before him
And murmur the song of summer.

And this is the song of late autumn,
The quiet, sad tune.

In all the temples of the world
Traders do business;
They shovel up the red money,
And the priests stand outside,
Ashamed, oppressed poor people
And wait for eternity.
But this is not my point...

Эту песню последних осенних дней,
Когда на сердце печально стало,
Надо петь, поникнув устало,
А иначе петь – не пристало.

Ласточки от осенних тревог
Улетели в чужие края за летом.
Деревья старые вдоль дорог
Застыли, скованные обетом.
А если дождь пойдет в округе,
Они запоют, замерев в испуге,
Ту песню, что пели летом.

А это песня последних осенних дней,
Тихий ее неуют.

Повсюду, в храмах всей земли
Покупают и продают.
Лавочки червонцы сгребли,
А священство, изгнанное кнутом,
Стоит, опозоренное, и ждет,
Когда же к ним вечность придет.
Впрочем, я не о том...

...7

l by Kol Israel during Leibu

: *Израиля, израильское*

7 סתיו / איציק מאנגר. מיידיש: דוד קריקסונוב. הולחן ב-1936. הוקלט ע"י "קול ישראל" במהלך הקונצרט האחרון של לייבו לזין ב-27.12.81, באולם "צוותא" בירושלים.

**הארבסט / איציק מאנגר
(Harbst / Itsik Manger)**

דאָס דאָזיקע ליד פֿון שפּעטן האַרבסט
דאָרף מען זינגען מיט טרויעריקע אויגן,
דעם קאָפּ אַראָפּגעבויגן,
ווייל אַנדערש וועט עס נישט טויגן.

די בלאַע שוואַלבן פֿון מיין דאָך
זענען אַוועק אינעם פֿרעמדן זומער.
די אַלטע ביימער פּאַזע שליאָך
ווערן שטילעך, פֿרומער.
און אַז דער רעגן וועט נעמען גיין,
וועלן זיי פֿאַרטיקט פֿאַר אים שטיין
און אוישן דאָס ליד פֿון זומער.

און דאָס איז דאָס ליד פֿון שפּעטן האַרבסט,
דער שטילעך, טרויעריקער זמר.

אין אַלע טעמפלען פֿון דער וועלט
האַנדלען די קרעמער;
זיי שאַרן צונויף דאָס רויטע געלט,
און די כּהנים שטייען אין דרויסן,
– פֿאַרשעמטע, פֿאַרטריבענע אַרעמע לייט –
און וואַרטן אויף דער אייביקייט.
נאָר נישט דאָס בין איך אויסן...

זמר־שיר זײַט פֿון קול ישראל
יש לשיר עם העצב שׂגור בעינים
עם ראש מרִבֵּן,
כי אַחֲרֵת לשיר – לאַ נתן.

קִנּוּיֵת כְּחֵלָה מִגַּג בֵּיתִי
אַל קוֹץ זֶר הִלְכָה עִם אַחֲרוֹת.
בַּחוּץ עֲצִים זְקֵנִים, שְׂקִטִים
אֵין גְּזַע זֶה, עוֹמְדִים קְרוֹב.
יִמְלֵא בָם גֶּשֶׁם וַיִּפּוֹל –
עוֹמְדִים בּוֹ בִּירְאָה וַיִּשְׁכּוּל,
שְׂרִים רְשׁוּשׁ קִיֵּצִי אַרְזֵךְ.

זֶהוּ הַשִּׁיר – שִׁיר קְתוּ מֵאֲחֵר
שְׂקֵט הוּא, עֲצוּב הַזֶּמֶר.

בְּמִקְדָּשֵׁי תְּבֵל כְּלָה –
עֲדָרֵי הַסּוֹחֲרִים
זֶהָב אָדָם גּוֹרְפִים, שׁוֹמְרִים...
עוֹמְדִים בַּחוּץ הַכֹּהֲנִים
דְּלִים, קִלְאֵי בּוֹשֶׁה – גֶּרְשׁוּ
וּמְחֻכָּים לְנֶצַח כִּי יֵשׁוּב.
אַבְל כְּעֵת אֲמֵרְתִּי מֵה שְׁלֵא קִשׁוּר...

Dos dozike lid fun shpetn harbst
darf men zingen mit troyerike oygn,
dem kop aropgeboeygn,
vayl andersh vet es nisht toygn.

Di bloe shvalbn fun mayn dakh
zenen avek inem fremdn zumer.
Di alte beymer paze shlyakh
vern shtiler, frumer.
Un az der regn vet nemen geyn,
veln zey forkhtik far im shteyn
un royshn dos lid fun zumer.

Un dos iz dos lid fun shpetn harbst,
der shtiler, troyeriker zemer.

In ale templen fun der velt
handlen di kremer;
zey sharn tsunoyf dos royte gelt,
un di kohanim shteyen in droysn,
– farshemte, fartribene oreme layt –
un vartn oyf der eybikayt.
Nor nisht dos bin ikh oysn...

And this is the song of late autumn,
Sung before the window.
And when this tune will reach
Those who had beautiful dreams,
It will become the most beautiful.

А это песня последних осенних дней,
Спетая у окна,
И если ее услышат те,
Кто замечтался о красоте,
Станет самой прекрасной она.

8 THE YOUNG MOTHER / Abraham Reisen. From Yiddish: Hadassah Haskale. Composed in 1936; first pu
Cradle Songs” put out by Hersh Segal, (Czernowitz: Hornik, 1939). Recorded by The Sound Archives, National Library

МОЛОДАЯ МАТЬ / Авром Рейзен. Пер. с идиша: Александра Глебовская. Музыка соч. в 1936 г. Впервые
подготовленным Гершом Сегалом: *Зэкс шлофлидер* ["Шесть колыбельных"], (Черновиц: Горник, 1939). Звукоза
Национальная библиотека Израиля, Иерусалим.

Hush, my child, and do not rage,
Even the eagle’s in a cage –
On the cage the door’s shut to,
And he’s crying just like you.

Quiet, my child, for the world
Is full of cages everywhere –
Some for free, some that are sold,
Some of iron, some of gold.

Fret not, child, nor try to flee,
That won’t help you anyway:
Be you small or be you grown up,
Out the cage you’ll not be going.

Спи, мой мальчик, ночь пришла,
В клетке заперли орла,
На замок закрыли дверь,
Он, как ты, кричит теперь.

В мире нашем, мой сынок,
Тут – замок и там – замок,
Где – тяжелый, где – пустой,
Где – железный, где – золотой.

Спи, не бейся, мой малыш,
Все равно не улетишь:
Люди все, и стар, и млад,
В клетках под замком сидят.

<p>נְזַהוּ הַשִּׁיר – שִׁיר סֵתוּ מֵאַחַר מִשָּׁר אֶל מוֹל חֵלוֹן, אִבֵּל אִם הִנְגוֹן נִגְלָה אֶל הוֹחֵם עַל הַמִּפְלָא, יִהְיֶה זֶה הִיפָּה מִכָּל חֵלוֹם.</p>	<p>Un dos iz dos lid fun shpetn harbst, gezungen farn fenster – un az der nign vet dergeyn tsu di, vos hobn gekholemt sheyn, vet er vern der shenster...</p>	<p>און דאָס איז דאָס ליד פֿון שפּעטן האַרבסט, געזונגען פֿאַרן פֿענצטער – און אַז דער ניגון וועט דערגיין צו די וואָס האָבן געחלומט שײן, וועט ער ווערן דער שענסטער...</p>
<p>irst published in the album “Six library of Israel, Jerusalem. первые опубли. в альбоме, укозап.: Фонотека,</p>	<p>8 אַם צעירָה / אַברָהם רייזן. מיידיש: אוריאל אופק. הלחן ב-1936; הלחן פורסם לראשונה באלבום שהכין והפיק הרש סגל: "זעקס שלאָפֿלידער" [ששה שירי-ערש], (צ'רנובין: הורניק, 1939). הוקלט ע"י ארכיון הצליל, הספרייה הלאומית, ירושלים.</p> <p>די יונגע מוטער / אַברָהם רייזן (Di yunge muter / Avrom Reyzen)</p>	
<p>שִׁכְבַּ בְּיֶשֶׁקְטוּ, בֶּן עֲצוּב, גַם הַנְּשָׁר נַח בְּכְלוּב – דָּלֶת-כְּלוּב אֵינָה פְּתוּחָה, וְגַם הוּא צוֹעֵק כְּמוֹתֶךָ. הֵס, יְלָדִי רַחוּת-עוֹלָם – עַם כְּלוּבִים רְבִים כְּלָם – בְּחָנָם, אוֹ בְּכֶסֶף רֵב, שֶׁל בְּרָזֶל, אוֹ שֶׁל זָהָב. אַל תִּסְעָר, בְּנִי, אֶל תַּעֲוֹף, כִּי לְשׂוֹא תִלְאַה הַגּוֹף: אִם תִּקְטֹן, אוֹ אִם תִּגְדֹּל – מִן הַכְּלוּב צֵאת לֹא תוּכַל.</p>	<p>Sha, mayn kind, du lig un shvayg, oykh der odler zitst in shtayg – fun der shtayg di tir iz tsu un er shrayt azoy vi du. Shtiler, kind mayns, s'iz di velt ful mit shtaygn oysgeshtelt – tsi bekhinem, tsi batsolt, tsi fun ayzn, tsi fun gold. Varf zikh, kind, nit un nit fli, s'vet umzist dir zayn di mi: bistu kleyn tsi bistu groys, kenst nit fun der shtayg aroys.</p>	<p>שאַ, מיין קינד, דו ליג און שווייג, אויך דער אָדלער זיצט אין שטייג – פֿון דער שטייג די טיר איז צו און ער שרייט אַזוי ווי דו. שטילער, קינד מינס, ס'איז דו וועלט פֿול מיט שטייגן אויסגעשטעלט – צי בחינם, צי באַצאַלט, צי פֿון אייזן, צי פֿון גאָלד. וואַרף זיך, קינד, ניט און ניט פֿלי, ס'וועט אומזיסט דיר זיין די מי: ביסטו קליין צי ביסטו גרויס, קענסט ניט פֿון דער שטייג אַרויס.</p>

Hush my child and don't be crying,
Since your luck is much like mine –
In the trap they caught me too,
Shush, keep still, just like I do.

Тише, сын, сложи крыла,
Как сложить и я смогла:
В клетке жить – судьба моя,
Покорись же, как и я.

9 THE WORLD IS TOSPY TURVY / Popular song. From Yiddish: Itzik Nakhmen Gottesman. Recorded in 1930s. Archives, National Library of Israel, Jerusalem.

ВСЁ В МИРЕ НАОБОРОТ / Популярная песня. Пер. с идиша: Александра Глебовская. Звукозапись 1930-х годов. Национальная библиотека Израиля, Иерусалим.

Pfoo! Let it all go to the devil,
I swear I cannot understand –
The world is topsy-turvy.
It's not like it used to be.

That which was ugly,
Is beautiful today,
Everyone yells it's sweet as sugar.
It has the greatest charm!

But tell me the truth yourself,
Have you heard anything like it?
I swear I can't understand it,
The world is topsy-turvy.

Тьфу на наше лихолетье,
Ну просто чтоб я пропал!
Больше не могу смотреть я,
Как мир на голову встал.

То, что раньше считалось гадким,
Не по душе никому,
Теперь называют милым и сладким,
Заводят в каждом доме!

Нет, ну скажите же, почему
Жизнь так странно идет?
Как ни стараюсь, никак не пойму:
Всё в мире наоборот!

דים וְלַחֲזוֹת!
תּ

<p>אל תבכה נא, מחמלי, הן כזה גם גורלי – לשבייה לקחו אותי, הרגע נא, בן, כמותי!</p>	<p>Veyn nit, kind mayns, shtil un sha, s'iz mayn mazl oykh aza – oykh gefangen hot men mikh, shvayg zhe shtil azoy vi ikh.</p>	<p>וויין ניט, קינד מיינס, שטיל און שא, ס'איז מיינ מזל אויך אזא – אויך געפאנגען האָט מען מיד, שווייג זשע שטיל אזוי ווי איך.</p>
<p>Recorded by The Sound</p> <p>козап.: Фонотека,</p>	<p>9 העולם התהפך על הראש / שיר פופולרי. מיידיש: דוד קריקסונוב. הוקלט ע"י ארכיון הצליל, הספרייה הלאומית, ירושלים.</p> <p>די וועלט האָט זיך איבערגעקערט (Di velt hot zikh ibergekert)</p>	
<p>העולם התהפך על הראשטופא לשדים וְ בְחַיִּי, אִי אֶפְשֶׁר לְהַבִּין, מִמֶּשׁ הַתְּהַפֵּךְ העולם על הראש הוא לא כמו שפעם ראיתי קביב. מה שפעם היה מאוס ומכוער, היום זה יפה וטוב. כל אחד מתלהב: זה מקסים, נהדר, כמה חן, זה ממש מתוק! נו, אז תגידו לי, רבותי, השמעתם כזאת מעולם? אני לא מבין שום דבר, בחיי, התהפך על הראש העולם!</p>	<p>Tfu tsun al di shvartse yor, ikh lebn, ikh ken nit farshteyn – di velt hot zikh ibergekert gor, s'iz nisht dos vos iz a mol geven. Dos vos iz a mol geven mies, iz dokh haynt sheyn, yeder shrayt s'iz tsuker zis, s'hot gor toyznt kheyh! Nu, zogt zhet ir aleyn, tsi hot ir azoyns gehert? Ikh lebn, ikh ken dos gornisht farshteyn, di velt hot zikh ibergekert!</p>	<p>טפֿו צון אל די שוואַרצע יאָר, איך לעבן, איך קען ניט פֿאַרשטיין – די וועלט האָט זיך איבערגעקערט גאָר, ס'איז נישט דאָס וואָס איז אַ מאָל געווען. דאָס וואָס איז אַ מאָל געווען מייאוס, איז דאָך היינט שיין, יעדער שרײַט ס'איז צוקער זיס, ס'האָט גאָר טױזנט חן! נו, זאָגט זשעט איר אַליין, צי האָט איר אזױנס געהערט? איך לעבן, איך קען דאָס גאַרנישט פֿאַרשטיין, די וועלט האָט זיך איבערגעקערט!</p>

<p>The foods that we had known, Now have new names. They have changed them so much, They should be ashamed.</p>	<p>Вот на столе стоят угощенья, Какие всегда мы едали, Кто бы подумал – и их без стеснения Все переименовали!</p>	<p>צמול-שלישום זאום, ם נקראים.</p>
<p>What our ancestors called a "tsimes" Is called today "kompot". What our parents call "kugl" Is called "Shtrudl Plots"!</p>	<p>То, что всегда называлось "цимес", Нынче зовется "компот", Что наши предки звали "кугл", "Штруделем" нынче слывет!</p>	<p>זא לו "צ'ימס", "קוגל" ל פלוצי!"</p>
<p>But tell me the truth yourself ...</p>	<p>Нет, ну скажите же ...</p>	<p>.</p>
<p>In earlier times one had bedding, I swear it was a pleasure. You people know this well, That is was something to lie on.</p>	<p>Раньше в кровати, на мягкой перине, Любой был понежиться рад. Люди прекрасно знали доныне: Перья – то, на чем спят.</p>	<p>ים, ח זוכרים:</p>
<p>Today Paris thought up something Such fashions! The ladies wear the feathers in their hats; At home they sleep on straw!</p>	<p>Пришли из Парижа иные порядки, Эпоха модных прикрас: Перья теперь повтыкали в шляпки, Соломой набили матрас!</p>	<p>זפרז : עת הולכות !</p>
<p>But tell me the truth yourself ...</p>	<p>Нет, ну скажите же мне...</p>	<p>.</p>

10 THE PRAYER OF IVAN THE DRUNK / Itzik Manger. From Yiddish: Itzik Nakhmen Gottesman Czernowitz, 1964-65.

МОЛИТВА ИВАНА-ПЬЯНИЦЫ / Ицик Манге. Пер. с идиша: Игорь Булатовский. Домашняя за 1964-65 гг.

<p>המאכלים ההוגבים מתמזל- קבלו שמות אחרים. שנו להם את הצוקה פתאום, זאת בושה איד הם היום נקרו</p> <p>מה שאבות אבותינו קראו לו היום זה נקרא "קומפוט", מה שהורינו אמרו עליו "קוגל" היום זה נקרא "שטרודל פלזן" נ, אז תגידו לי, רבותי...</p> <p>במים שעברו היו מצעים, בחיי - זה היה תענוג. אתם, יהודים, עוד בטוח זוכר היה איד לנחם לאג.</p> <p>והיום יש חדוש מיבא מפרזו יש אפנה מטרתת מפי. הנרות עם נוצה במגבעת זה ובבית - נחים על הקש! נ, אז תגידו לי, רבותי...</p>	<p>Di maykholim vos hobn frier gegoltn, bakumen gor andere nemen, me hot zey azoy ibergebitn, zey megn zikh take shoysh shemen.</p> <p>Dos vos undzere oves hobn gerufn "tsimes", ruft men haynt "kompot", vos undzere eltern hobn gerufn "kugl", ruft men haynt "shtrudl plots"!</p> <p>Nu, zogt zhet ir aleyn...</p> <p>Fartsaytns flegt men hobn betgevant – kh'lebn, s'iz geven a fargenign. Dos iz aykh, yidn, gut bakant, s'iz geven oyf vos tsu lign.</p> <p>Haynt hot Parizh oysgetrakht modes gor azoy! Di damen trogn di federn on di hit, in der heym shloft men oyf shstroy!</p> <p>Nu, zogt zhet ir aleyn...</p>	<p>די מאכלים וואס האָבן אַרײַער געגאָלטן, באַקומען גאַר אַנדערע נעמען, מע האָט זײ אַזוי איבערגעביטן, זײ מעגן זיך טאַקע שױן שעמען.</p> <p>דאָס וואָס אונדזערע אַבות האָבן גערופֿן "צײמעס", רופֿט מען הײנט "קאָמפּאָט", וואָס אונדזערע עלטערן האָבן גערופֿן "קוגל", רופֿט מען הײנט "שטרודל פּלאָץ"! נ, זאָגט זשעט איר אַליין...</p> <p>פֿאַרצײטנס פֿלעגט מען האָבן בעטגעוואָנט – כֿלעבן, ס'איז געווען אַ פֿאַרגעניגן. דאָס איז אײך יידן, גוט באַקאַנט, ס'איז געווען אויף וואָס צו ליגן.</p> <p>הײנט האָט פּאַריזש אויסגעטראַכט מאָדעס גאַר אַזוי! די דאַמען טראָגן די פֿעדערן אָן די הײט, אין דער הײם שלאָפֿט מען אויף שטרוי! נ, זאָגט זשעט איר אַליין...</p>
<p>sman. Home recording, ия запись, Черновцы,</p>	<p>10 התפילה של איוואן השיכור / איציק מאנגר. מידיש: דוד קריקסונוב. הקלטה ביתת, צ'רנוביץ, 1964-65.</p> <p>די תפילה פֿון איוואן דעם שיכור / איציק מאנגער (Di tfile fun Ivan dem shiker / Itsik Manger)</p>	

<p>Ivan the drunk wakes up every dawn, His cap turned, like his grandfather Lot, And every limb of his body Conducts a quiet dialogue with God – Quiet, but nice.</p>	<p>Пьяный Иван, что ни утро, стоит И мнет картуз, как дед его Лот, И каждая жилка тела его С Богом тихо беседу ведет, Тихо, по душам:</p>	<p>ם זריחה הוא לוט יפו יאָלוג</p>
<p>"Hey dear father, God! On your holy body Crawls the sun like a yellow louse. But you are good, because you are God And don't discard it from your shirt. Very well! Khorosho!</p>	<p>"Эй, батюшка Бог! По плоти Твоей Солнце ползет как желтая вошь, Но Ты же благ, потому что Ты Бог, И Ты с рубахи ту вошь не стряхнешь. Хорошо! Хорошо!</p>	<p>שְׂקֹדֵשׁ הוא האל פְּנָה –</p>
<p>And I who am so deathly poor And worthless like a blade of grass in the field, Take your smile on a walk with me With golden remnants over the world – Be kind to me!</p>	<p>А я также беден, как ночь бедна, И также мал, как травинка в полях, Пусть улыбка Твоя идет со мной, Шпорой блестя на земных путях. Будь добр ко мне!</p>	<p>דְּשִׁי – ב</p>
<p>Be kind to me, because I like it When I feel your hand in my wretched hand And lead you like a gypsy leads his bear From town to town, and from land to land – Be kind to me!</p>	<p>Будь добр ко мне, ведь мое добро — Держать Твою руку в своей руке И вести Тебя, как медведя — цыган, Из края в край бредя налегке. Будь добр ко мне!</p>	<p>כְּלֶכֶךְ – ז גְּדוּל – ה לְמִדְיָנָה</p>
<p>Now when the shopkeeper wakes up And crawls for the fourth time to his wife And wheezes and spits his seed in In her hot and fatty flesh – Be kind to me!</p>	<p>Теперь, когда проснулся корчмарь И в третий раз лезет на бабу свою И в жаркое, жирное тело ее Спускает, сопя и кряхтя, молофью, Будь добр ко мне!</p>	<p>עוֹרֵר ית בא לְחֹל, החם</p>

קם אינאן השכור כְּבֵל יום עם זריה
כִּיבְעוּ הַהֶפֶדְךָ כְּמוֹ שֶׁל סֶבֶא, הוּא לֹ
כֵל אִיבֵר מִרַמ"ח אִיבָרִים בְּגוּפִי
מְנַהֵל בְּלֹא קוֹל עִם הָאֵל – דִּיאֵלֹג
שְׁקֵט, אֲדָ יָפֵה.

"הי! אבאל'ה אל! על גופה הקדושה
זוהלת השמש – כנה צהבה.
ואתה טוב-מיטיב, כי אתה הוא זה
לא זורק אותה מן החלצה לפנה –
יְהִי טוֹב! חוּרוֹשׁוּ!

ואני – בארנק יש לי לילה עקשיו
איש שפל כמו גבעול בשדה
וצחוקה יטיל לו אתי בעולם
אעשה בשבילו דרבנות מזנה –
תן לי טובך!

מטובך לי תתן כי פה טוב לי כל כך
להיש את ידך בידי – מסכנה –
אובילך – צועני המוביל דב גדול –
מעיר זאת לעיר-שם, ממדינה למדי
תן לי טובך!

עקשו, כששחר בן מוכר מתעורר
אל אשתו כבר לפעם שלישית בא
מתנשף ושופך את זרעו אל החם
של גופה השמן הגדול –
תן לי טובך!

Der shiker Ivan shteyt yedn fartog
dem dashek fardreyt, vi zayn zeyde Lot,
un yeder eyver fun zayn guf
firt a shtiln dialog mit Got –
shtil, ober sheyn.

"Hey, Batyushka Got! oyf dayn heylikn guf
krikht di zun, vi a gele loyz.
Nor du bist gut, vayl du bist a got,
un varfst zi nisht funem hemd aroys –
Kharasho! Kharasho!

Un ikh, vos bin orem vi di nakht
un shoff vi a groz in feld,
fir dayn shmeykhl shpatsirn mit mir
mit goldene shporn iber der velt –
zay gut tsu mir!

Zay gut tsu mir, vayl mir iz gut
tsu filn dayn hant in mayn oremehr hant
un firm dikh, vi a tsigayner zayn ber,
fun shtot tsu shtot un fun land tsu land –
zay gut tsu mir!

Itst, ven der kremer khapt zikh oyf
un krikht dos ferte mol tsu zayn vayb
un sopet un khraket zayn zomen arayn
in ir heysn un fetn layb –
zay gut tsu mir!

דער שיכור איוואן שטייט יעדן פֿאַרטאָג,
דעם דאַשעק פֿאַרדרייט, ווי זײַן זײַדע לוט,
און יעדער אבֿר פֿון זײַן גוף
פֿירט אַ שטילן דיאלאָג מיט גאָט –
שטיל, אָבער שײַן.

"העי, באַטיושקאַ גאָט! אויף דיין הייליקן גוף
קריכט די זון, ווי אַ געלע לױז.
נאָר דו ביסט גוט, ווייל דו ביסט אַ גאָט,
און וואַרפֿסט זי נישט פֿונעם העמד אַרויס –
כאַראַשאַ! כאַראַשאַ!

און איך, וואָס בין אַרעם ווי די נאַכט
און שפֿל ווי אַ גראַז אין פֿעלד,
פֿיר דיין שמייכל שפּאַצירן מיט מיר
מיט גאָלדענע שפּאָרן איבער דער וועלט –
זיי גוט צו מיר!

זיי גוט צו מיר, ווייל מיר איז גוט
צו פֿילן דיין האַנט אין מיין אַרעמער האַנט
און פֿירן דײַך, ווי אַ צײַגײנער זײַן בער,
פֿון שטאָט צו שטאָט און פֿון לאַנד צו לאַנד –
זיי גוט צו מיר!

איצט, ווען דער קרעמער כאַפט זיך אויף
און קריכט דאָס פֿערטע מאל צו זײַן ווייב
און סאָפּעט און כראַקעט זײַן זאַמען אַרײַן
אין איר הייסן און פֿעטן לײב –
זיי גוט צו מיר!

<p>Be kind to me! And I in return Will gather the prayers in a sack And trudge them behind me, As if it were my own pack. Be kind to me!</p>	<p>Будь добр ко мне! И я для Тебя Молитвы все соберу в мешок И поташу его на спине, Как будто бы это мой узелок. Будь добр ко мне!</p>	<p>ותפלות זלך – א;</p>
<p>Be good to me, and I will, afterwards Sell the sack to Yenkl the Jew, Though he is false and his scale is false, But he never deceives me. I am not such a sucker!</p>	<p>Будь добр ко мне, а я потом Продам тот мешок Яшке-жиду, И пусть он жухло — за мое барахло Платит честно, имей в виду, Я не такой дурак!</p>	<p>קל שמו, אִי שקרו</p>
<p>Because I understand this better than you: Better than prayers, is better with money To walk, as we are walking just now, Barefoot over the wide world – The stunning world.</p>	<p>Ведь я понимаю не хуже Тебя: С молитвой неплохо, но при рубле Лучше ходить, как мы с Тобой Пойдем босиком по широкой земле, По земле-красавице.</p>	<p>ובמקד: זובו כסף ם ישות,</p>
<p>Because for a rubl you can buy a kiss And even a night with Marusya the snake. She will walk us to the door in her shirt And even say thanks a lot. Tshestnoye slovo!</p>	<p>Можно за рубль купить поцелуй И даже ночь с Маруськой-змеёй. Она еще скажет спасибо нам И до двери проводит в рубашке ночной. Честное слово!</p>	<p>ז א מרוקיה. ות שנינו לזלם ממש,</p>
<p>As for the rest at Yefim's inn That scoundrel, the reincarnation of Iscariot, We will drink and drink so much Till you become Ivan, and I become God – Just a little game!</p>	<p>Можно к пархатому Фимке в шинок С утра завалиться и до темноты Водку пить, сколько влезет, пока Я не стану Тобой, а Иваном — Ты. Такая игра!</p>	<p>– א שמו – ד שקראן א,</p>

תן לו טובה; ואני, בשבילך
אֶסְוֶה לִי בְשֵׁק צָרוּר מִלֵּא הַתְּפִלוֹת
וְאִסְתַּב עַל גְּבִי מֵאַחֲזֵה. אֶתְהַלֵּךְ
כְּאֵל הַצָּרוּר הוּא שְׁלִי, כֵּל כֵּל –
תן לו טובה!

תן לו טובה ואני, אחר כך
אֶמְכֹר אֶת הַשֶּׁק לִיהוּדָיו, יִאֲנֹק שֵׁן
גַּם אִם הוּא מִשְׁקֵר וּמֵאֲזִינוּ לִי שֶׁקֶר
אוֹתִי הוֹכֵחַ לֹא יְכוּל לְרַמּוֹת
כִּי אֲנִי לֹא רֹאשׁ כְּרוֹב!

כי את זה כבר הבנתי יותר טוב ממך
שְׁעִדִיף לֹא תִפְלוֹת, אֶלֶּא כִּי־וּבִי
כְּדִי לִלְכֹת כְּמוֹנֵי, עֲבָשׁוּ יַחֲפִים
מִתְהַלְּכִים בַּתְּבֵל שְׁמוּלְנֵי וּנְכַרְשֵׁת,
הַתְּבֵל – הַאֲשֶׁה הַיְפָה!

כי בשביל רובל תקנה נשיקה
וְגַם לִיָּה שְׁלֵם עִם נַחֲשׁ, שְׁמוֹ מְרוֹק
הִיא תִלְךְ לְלוֹת אֶל הַדְּלֵת אֶת שְׁנֵינוּ
וְתִגִּיד גַּם תּוֹדָה, עַל גּוֹפֵה – כְּלוּם מ'
זאת אֶמַת, כֵּל מַלְהָ!

ורבקה שֵׁנֶשֶׂאָה, נִשְׁתַּכֵּר לִיָּפִים –
הִיא לְגַלּוֹל אִישׁ קְרוֹיֹת, יְמוֹחַ שְׁמוֹ –
יֵשׁ פְּנֵךְ בּוֹ נִשְׁתֶּה וְנִשְׁתֶּה עַד שְׂכָא
אֶחָפֵךְ לִי לְאֵל, וְאֶתֶּה – לְאִיָּוֶא,
זֶה מִשְׁחֵק שְׂכָחָה!

Zay gut tsu mir! Un ikh vel far dir
zamlen di tfiles in a zak
un ikh vel im shlep'n hinter zikh,
glyakh s'volt gevez'n mayn eygener pak –
zay gut tsu mir!

Zay gut tsu mir, un ikh vel dernokh
farkoyfn dem zak tsu Yanklen dem yid,
khotsh er iz falsh un zayn vogn iz falsh,
ober mikh nart er keynmol nit –
ikh bin nisht aza yold!

Vayl dos farshtey ikh beser fun dir:
eyder mit tfiles, iz beser mit gelt
tsu geyn, vi mir geyen itster o
borves iber der breytter velt –
der velt der krasavitse.

Vayl far a rubl koyfstu a kush
un afile a nakht bay Marusya der shlang.
Zi vet undz bagleytn in hemd tsu der tir
un vet undz nokh zogn a sheynem dank –
tshestnoye slovo!

Un farn resht bay Yefimen in shenk,
dem parkh, dem gilg' fun Iskaryot,
veln mir trinken un trinken azoy fil,
biz du verst Ivan, un ikh ver Got –
s'iz a shpil aza!

זי גוט צו מיר! און איך וועל פֿאַר דיר
זאַמלען די תּפֿילות אין אַ זאַק
און איך וועל אים שלעפֿן הינטער זיך,
גלייך ס'וואָלט געוועזן מיין אייגענער פּאַק –
זי גוט צו מיר!

זי גוט צו מיר, און איך וועל דערנאָך
פֿאַרקויפֿן דעם זאַק צו עינקלען דעם ייד,
כאָטש ער איז פֿאַלש און זײַן וואָגן איז פֿאַלש,
אַבער מיך נאַרט ער קיינמאָל ניט –
איך בין נישט אַזאַ יאָלד!

ווייל דאָס פֿאַרשטיי איך בעסער פֿון דיר:
איינער מיט תּפֿילות, איז בעסער מיט געלט
צו גיין, ווי מיר גייען איצטער אַ
באַרוועס איבער דער ברייטער וועלט –
דער וועלט דער קראַסאַוויצע.

ווייל פֿאַר אַ רובל קויפֿסטו אַ קוש
און אַפֿילו אַ נאַכט בײַ מאַרוסיאַ דער שלאַנג.
זי וועט אונדז באַגלייטן אין העמד צו דער טיר
און וועט אונדז נאָך זאָגן אַ שיינעם דאַנק –
טשעסטנאָיע סלאָוואַ!

און פֿאַרן רעשט בײַ יעִפֿימען אין שענק,
דעם פּאַרק, דעם גילגול פֿון איסקאַריאָט,
וועלן מיר טרינקען און טרינקען אזוי פֿיל,
ביז דו ווערסט אַיוואַן, און איך ווער גאָט –
ס'איז אַ שפּיל אַזאַ!

<p>And you will take me by the hand, As I now lead you for an entire day, And you will see, that only for you Will I reveal my greatest miracle, My absolute greatest miracle.</p> <p>I will ask that Itzkan the poet Portray us in a song, And Marusya will sing it out loud, Summer as we harvest in the field And we will become immortal.</p> <p>----- Do you consent, Ivan?"</p>	<p>И Ты тогда поведешь меня, Как я Тебя все вожу и вожу, И Ты увидишь: только Тебе Я лучшее чудо свое покажу, Я чудо Тебе покажу.</p> <p>Я кликну Ицика, он поэт, И он напишет песню про нас, И будет Маруська ту песню петь Летом на жатве, в полдненный час, И мы станем бессмертны.</p> <p>..... Согласен, Иван?"</p>	<p>י ל - ; ג</p>
---	--	----------------------------------

11 **LAPTSHES (STRAW SLIPPERS) / Pseudo-folk song.** From Yiddish: Itzik Nakhmen Gottesman. F Archives, National Library of Israel, Jerusalem.

ЛАПТИ. Популярная песня. Пер. с идиша: Александра Глебовская. Звукозап.: Фонотека, Национал Израйля, Иерусалим.

<p>In the village, in open fields I grew up like a flower. And braided new straw slippers In the quiet all around. My straw slippers, my dear straw slippers, I have worn you out over fields, over woods.</p>	<p>Как цветок в полях раздольных Я в деревне расцвела, В тихий день, на воле вольной Лапти новые сплела. Лапти мои, лапти милые мои, Уж ходить мне, вас носить мне, по полям, по лесам...</p>	<p>שלי, בשבילי, ידות, בחרשות, ביערות...</p>
--	---	---

<p>ואותי אז תקח ותוביל – נתחלק, לאחר שיתוף יממה כבר הובלתי. אז תראה איך אני בשבילך אחזק במיחד את הטוב בנסים שאפשר את הנס היפה ביותר!</p> <p>אקרא אז לאיצקה אקה, למשורה, שיספר על כלנו בשיר, ומרוסיה תשיר אותנו, מלוא הגרון, בשדה הקיצי, בקציר. ונהיה בני אלמות.</p> <p>..... נג, מסכים? כן, אינאן?"</p>	<p>Un du vest mikh firn far der hant, vi ikh fir dikh itser a gantsn mesles, un du vest zen, az nor far dir vel ikh bavayzn mayn shenstn nes – mayn same shenstn nes.</p> <p>Ikh vel heysn Itskan dem poet, er zol undz bashraybn in a lid, un Marusya vet es zingen oyfn kol zumer-tsayt oyfn feld baym shnit un mir'n vern umshterblekh.</p> <p>..... Bist maskim, Ivan?"</p>	<p>און דו וועסט מיך פֿירן פֿאר דער האַנט, ווי איך פֿיר דיר איצטער אַ גאַנצן מעת'לעט, און דו וועסט זען, אז נאָר פֿאַר דיר וועל איך באַווייזן מיין שענסטן נס – מיין סאַמע שענסטן נס.</p> <p>איך וועל הייסן איצקאָן דעם פּאַעט, ער זאָל אַונדז באַשרייבן אין אַ ליד, און מאַרוסיאַ וועט עס זינגען אויפֿן קול זומער־צייט אויפֿן פֿעלד ביים שניט און מיר'ן ווערן אומשטערבלעך.</p> <p>..... ביסט מסכים, אינוואָן?"</p>
---	---	--

<p>ian. Recorded by The Sound ональная библиотека</p>	<p>11 נעליים קלועות / שיר פסודו־עממי. מיידיש: דוד קריקסונוב. הוקלט ע"י ארכיון הצליל, הספרייה הלאומית, ירושלים.</p> <p>לאפטשעס (Laptsheš)</p>	
<p>בין מרחבי שדות גדלתי כמו פרח בר כמו פרח בר את נעלי משש קלעתי בשקט שְקָבִיב לְכַפֵּר אהבות הן עלי, נעליים, נעלי, הן שלי, ב כבר הלכתי בְּכֹן וְנִעַלְתִּי אֲחֵנּוּ בְּשִׂדוֹת, ב</p>	<p>Ikh bin in derfl oyf felder fraye oyfgevaksn vi a blum, un geflokhtn laptsheš naye in der shtilkayt fun arum. Laptsheš ir mayne, laptsheš libinke ir mayne, kh'hob tseshotn eykh tsetrotn iber felder, iber velder...</p>	<p>איך בין אין דערפֿל אויף פֿעלדער פֿרייע אויפֿגעוואַקסן ווי אַ בלום, און געפֿלֶאכטן לאַפטשעש נייע אין דער שטילקייט פֿון אַרום. לאַפטשעס איר מיניע, לאַפטשעס ליבינקע איר מיניע, כ'האַב צעשאַטן אייך צעטראַטן איבער פֿעלדער, איבער וועלדער...</p>

<p>A young man captured my heart, Put a spell on me with his glance. So we went into the field, To find our destiny. My straw slippers, my dear...</p>	<p>Как же люб мне мой соколик, Как чарует блеском глаз, Мы пошли с ним вместе в поле Провести заветный час. Лапти мои, лапти милые мои...</p>	<p>עיר הפיל בפח את לבי, יְתִי עֵינָיו יָהּ הִלְכְנוּ יחד, אֶשֶׁר בֵּין גְּלוּי. : הוּ עָלִי, נְעִלִים, נְעָלִי, הוּ שְׁלִי, בְּשִׁבְלִי...</p>
<p>The night began to spin Her secrets deep in thought, So until the dawn We were in the field of rye. My straw slippers, my dear...</p>	<p>Ночь давай плести нам тайны, Кто не хочет – не смотри, Мы в колосьях в поле дальнем Миловались до зари. Лапти мои, лапти милые мои...</p>	<p>בָּא לְקַלֵּץ לָנוּ בְּמוֹסִים, לְטוֹוֹת, לְשִׁמוּחַ. יָד לְבִי צִלְלָנוּ זַחְתִּירָס עַד הָאוּחַ. : הוּ עָלִי, נְעִלִים, נְעָלִי, הוּ שְׁלִי, בְּשִׁבְלִי...</p>
<p>My father became angry: Enough of you being free! He drives me back into the cottage To make straw slippers once again. My straw slippers, my dear straw slippers</p>	<p>Люто осерчал мой тятя – Грех у старших не в чести! И сидеть одной мне в хате, Лапти новые плести. Лапти мои, лапти милые мои...</p>	<p>י, בְּעֵס: – לֹא, לֹא עוֹד יֶק הַיִּית הַפְּשִׁית! קָתַתָּה לְקַלֵּעַ וְלָשִׁיר. : הוּ עָלִי, נְעִלִים, נְעָלִי, הוּ שְׁלִי, בְּשִׁבְלִי...</p>

[12] SOMEWHERE AFAR / H. Leivick. From Yiddish: Hadassah Haskale. Composed in 1981; first published in the collection “*Leibu Levin: Word and Melody*” (In Yiddish, Hebrew and English; Tel Aviv: I.L.P. publications, 2005). Recorded by *Kol Israel* during Leibu Levin’s last concert on 27.12.1981 at the Tzavta auditorium in Jerusalem. Piano: Svetlana Ainbinder.

ГДЕ-ТО ТАМ ВДАЛЕКЕ... / Г. Лейвик. Пер. с идиша: Александра Глебовская. Соч. в 1981 г.; впер. опубли. в сб. “Лейбу Левин: Слово и Мелодия” (на идише, иврите и английском; Тель-Авив: Издательств им. Й.Л. Переца, 2005). Звукозап.: *Голос Израиля, израильское радиовещание*, во время последнего концерта Лейбу Левина 27.12.1981 в аудитории *Цавта*. Ф-но: Светлана Айнбиндер.

<p>בְּחַד צְעִיר הֵפֵךְ כֶּשֶׁף בְּשֵׁתֵי עֵין אֶל הַשְּׂדֵה הַלֵּל חִפְשֵׁנו אֲשֶׁר בָּ אֶהְיָוֹת הוּן עַל</p> <p>הַלְלִיָּהּ בָּא לְקִי סוּדוֹת כְּמוֹסִי אֲנִי וְבַחֲרִיר לְבִי בַשְּׂדֵה הַתִּיקֶס אֶהְיָוֹת הוּן עַל</p>	<p>Es hot a yung mayn harts gefangen, mikh farkhisheft mit zayn blik, zaynen mir in feld gegangen, tsu gefinen dort dos glik. Laptshes ir mayne, laptshes libinke ir mayne...</p> <p>S'hot di nakht genumen shpinen ire soydes tif fartrakht, hobn mir dort biz baginen in dem kornfeld farbrakht. Laptshes ir mayne, laptshes libinke ir mayne...</p>	<p>עַס הָאָט אַ יוֹנֵג מִיִן הָאָרֶץ גַּעֲפֹאֲנֵנּוּ, מִיךְ פֶּאֶרְכִּישׁוֹפֶט מִיט זַיִן בְּלִיק, זַיִנֶען מִיר אִיִן פֶּלֶד גַּעגֶאֲנֵנּוּ, צו גַּעֲפִינֶען דָּאָרט דָּאָס גְּלִיק. לֶאָפֶטשֶׁס אִיר מֵיִנֶע, לֶאָפֶטשֶׁס לִיבִינֶקֶע אִיר מֵיִנֶע...</p> <p>ס'הָאָט דִּי נֶאָכֵט גַּענוּמֶען שְׁפִינֶען אִירֶע סוּדוֹת טִיף פֶּאָרְטֶראַכֵט, הָאָבן מִיר דָּאָרט בִּזוּ בַאָגִינֶען אִיִן דַעַם קֶאָרְנֶפֶלֶד פֶּאָרְבֶּראַכֵט. לֶאָפֶטשֶׁס אִיר מֵיִנֶע, לֶאָפֶטשֶׁס לִיבִינֶקֶע אִיר מֵיִנֶע...</p>
<p>אָבָא בָּא, קָעס דִּי, מִסְפִּיק הֵיִן שׁוּבִי לְבִקְתָּהּ וְעֲלִיִים וְלֵשִׁיָּהּ אֶהְיָוֹת הוּן עַל</p>	<p>Beyz gevorn iz der tate: – shoyen genug dir zayn oyf frey! Traybt arayn tsurik in khate laptshes flekhtn oyf dos ney. Laptshes ir mayne, laptshes libinke ir mayne...</p>	<p>בֵּיז גַּעוּוֹרֶאן אִז דַּער טֶאָטֶע: – שׁוִין גַּענוּג דִּיר זַיִן אוִיף פֶּרֵי! טֶרֵיבֵט אַרֵיִין צוֹרִיק אִיִן כֶּאָטֶע לֶאָפֶטשֶׁס פֶּלֶכֶטן אוִיף דָּאָס נֵי. לֶאָפֶטשֶׁס אִיר מֵיִנֶע, לֶאָפֶטשֶׁס לִיבִינֶקֶע אִיר מֵיִנֶע...</p>
<p>I.L.Peretz</p> <p>впервые льство концерта</p>	<p>12 איִרְחוֹק / ה. לֵיווִיק. מֵיִדִישׁ: קֶלְמוֹן אַהֲרוֹן בֶּרְתִּינִי. הוֹלְחֵן בִּשְׁנַת 1981, פּוֹרְסֵם לֶראֲשׁוֹנָה בְּתוֹךְ קוֹבֶץ "לֵיבִי לַעֲוִוִין: וּוְאָרֶט אֹון נִיגוֹן = מֵלֶה וּנִיגוֹן; נִיגוֹנִים לַשִּׁירָה בִּיִדִישׁ, עִיבּוּדִים לַפְסֶנֶת מֵאַת חֵן וִינֶטֶרֶנִיק" (תֵּל־אֲבִיב: י"ל פֶּרֶץ, 2005). הוֹקֵלֶט ע"י "קוֹל יִשְׂרָאֵל" בְּמַחֲלֶךְ הַקּוֹנְצֶרֶט הָאַחֲרוֹן שֶׁל לֵיבִי לׁוִין ב-27.12.81, בְּאוֹלֶם "צוֹתָא" בִּירוּשָׁלַיִם. פְּסֶנֶת: סֶבֶטְלֶנָה אֵיִיבִינִידֶה.</p> <p>עֲרַגֶען ווִיט / ה. לֵיווִיק (Ergets vayt / H. Leyvik)</p>	

Somewhere afar, somewhere afar,
Lies the land, the forbidden one,
Silver blue show the peaks
No one ever set foot upon.
Somewhere deep, somewhere deep
In the bowels of earth concealed
Treasures are awaiting us,
Hidden treasures are waiting there.

Somewhere afar, somewhere afar,
Lies a prisoner all alone.
On his head fades the shine
Of the sun that is going down.
Somewhere there strays someone
Deep in snow covered, hidden one
Who does not find his way
To the land, the forbidden one.

Где-то там вдалеке
Край лежит заповеданный;
В синеве, в серебре
Цепи гор неизведанных;
Где-то там в глубине,
В толщах недр неразведанных
Клад заветный нас ждет,
Клад, забвению преданный.

Где-то там вдалеке
Горе гложет колодника,
Над его головой
Гаснет солнце холодное.
Где-то путник бредет
По снегам неизведанным;
Не найти ему путь
В этот край заповеданный.

13 ON THE ROADS OF SIBERIA (three songs from the cycle) / H. Leivick. From Yiddish: Rachel Haskale. Composed in 1981; first published in the collection “*Leibu Levin: Word and Melody*” (In Yiddish, Hebrew, English: I.L.Peretz publications, 2005). Recorded by *Kol Israel* during Leibu Levin’s last concert on 27.12.1981 at the Jerusalem. Piano: Svetlana Ainbinder.

НА ДОРОГАХ СИБИРСКИХ (три стихотворения из цикла) / Г. Лейвик. Пер. с идиша: Алек Валерий Дымшиц. Музыка соч. в 1981 г; впервые опублик. в сб. "Лейбу Левин: Слово и Мелодия" (на идиш, в иврит, в английском: Издательство им. Й.Л. Переца, 2005). Звукозап.: *Голос Израиля, израильское радиовещание*, в концерта Лейбу Левина 27.12.1981 в аудитории *Цафта*. Ф-но: Светлана Айнбиндер.

<p>אי-רחוק, אי-רחוק, נוף אסור במרחב, יכחילו הרים, הגל איש לא דרקה; אי-עמק, אי-עמק, בקרקע מתחבאים, אוצרות כגניזה לנו שם מצפים.</p> <p>אי-רחוק, אי-רחוק, איש בודד נח שבוי, על ראשו מת האור של היום הקבוי; אי-מי נע ומשוטט עוטה-שילג קעור, דרך אין הוא מוצא אל הנוף האסור...</p>	<p>Ergets vayt, ergets vayt ligt dos land dos farbotene, zilberik bloen di berg nokh fun keynem batrotene; ergets tif, ergets tif in der erd ayngeknotene, vartn oysres oyf undz, vartn oysres farshotene.</p> <p>Ergets vayt, ergets vayt ligt aley n gefangener, oyf zayn kop shtarbt di shayn fun der zun der fargangener; ergets voglt ver um tif in shney a farshotener un gefint nit keyn veg tsu dem land dem farbotenem.</p>	<p>ערגעץ ווייט, ערגעץ ווייט ליגט דאָס לאַנד דאָס פֿאַרבאָטענע, זילבעריק בלאַען די בערג נאָך פֿון קיינעם באַטראַטענע; ערגעץ טיף, ערגעץ טיף אין דער ערד אײַנגעקנאָטענע, וואַרטן אוצרות אויף אונדז, וואַרטן אוצרות פֿאַרשאַטענע.</p> <p>ערגעץ ווייט, ערגעץ ווייט ליגט אליין אַ געפֿאַנגענער, אויף זײַן קאָפּ שטאַרבט די שײַן פֿון דער זון דער פֿאַרגאַנגענער; ערגעץ וואַגלט ווער אום טיף אין שניי אַ פֿאַרשאַטענער און געפֿינט ניט קיין וועג צו דעם לאַנד דעם פֿאַרבאָטענעם.</p>
<p>13 בדרכים של סיביר (שלושה שירים מן המחזור) / ה. לייביק . מיידיש: משה סחר. הולחן ב-1981; פורסם לראשונה בתוך קובץ "לייבו לעווין: וואָרט און ניגון = מלה וניגון; ניגונים לשירה בידיש, עיבודים לפסנתר מאת חנו וינטרניץ" (תל-אביב: "ל פרץ, 2005). הוקלט ע"י "קול ישראל" במהלך הקונצרט האחרון של לייבו לזין ב-27.12.81, באולם "צוותא" בירושלים; פסנתר: סבטלנה אייבניבר.</p> <p>אויף די וועגן סיבירער (דרײַ לידער פֿונעם ציקל) / ה. לייװיק (Oyf di vegn sibirer (3 lider funem tsikl) / H. Leyvik)</p>		

ON THE ROADS OF SIBERIA

(Transl. from Yiddish by Rachel Corkidhi)

On the roads of Siberia,
One can still find, even now, a button,
a shoe-lace
Belonging to one of my torn shoes,
A leather strip, from a pitcher a fragment of
clay,

The page of a holy book.

On the shores of Siberia,
One can still find, even now, a hint, a sliver
Belonging to my raft that sunk;
In the woods – a bandage, bloody and dried,
Footsteps – chilled into the snow.

SOLDIERS

(Transl. from Yiddish by Hadassah Haskale)

Each side of us posted the soldiers,
We're standing four men to a row.
A bundle with bread on the shoulder,
A rousing cry: "March!" Off we go.

НА ДОРОГАХ СИБИРСКИХ

(Пер. с идиша: Александра Глебовская)

На дорогах сибирских
Лежат и сейчас, где обрывок портянки,
где пряжка
От стоптанных мною сапог,
Ремень сыромятный, пустая разбитая
чашка,

Из книги священной листок.

А по рекам сибирским
Плывут и сейчас где трухлявые бревна, где
прутья –

Плота былого скелет,
Остались в лесах залитые кровью лоскутья,
В снегах – вмороженный след.

СОЛДАТЫ

(Пер. с идиша: Валерий Дымшиц)

Солдаты в колоннах. Конца нет
Шинелям, мешкам и баклагам.
И мы начинаем движенье,
Когда нам скоман্দуют: – Шагом...

זֶה זְכוֹר

מְשֻׁלָּת,

<p>בְּדַרְכֵיכֶם שֶׁל סִבִּיר</p> <p>בְּדַרְכֵיכֶם שֶׁל סִבִּיר עָשׂוּי מִי לְמִצָּא גַם עֵתָה כַּפְתּוֹר אוֹ קִצֵּה חֶבֶל מִמְּנֻעֵי הַמֶּרְפֵּט, אֵיזָה פֶס חֲגוּרָה, חֶרֶס שֶׁל כָּד, אֵיזָה שְׁבָה וְדָף מִתְנַ"ךְ שְׁנִמְרִט.</p> <p>בְּנֵהֲרוֹת שֶׁל סִבִּיר עָשׂוּי מִי לְמִצָּא גַם עֵתָה כָּפִיס, אֵיזָה זָכוּ לְדוֹבְרֵתִי הַטְּבוּעָה: בֵּיעַר - רְצוּעָה טְבוּלַת דָּם שִׁיבֵשׁ מְשֻׁלְכוֹ וּבְשֻׁלְג פְּסִיעָה כְּחוֹתְמַת שְׁקוּעָה...</p>	<p>Oyf di vegn sibirer</p> <p>Oyf di vegn sibirer ken emets nokh itster gefinen a knepl, a shtrikl fun mayns a tserisenem shukh, a rimenem pas, fun a leymenem krigl a shtikl, a bletl fun heylikn bukh.</p> <p>Oyf di taykhn sibirer ken emets nokh itster gefinen a tseykhn, a shpendl fun mayns a dertrunkenem plit; in vald – a farblutikt-fartrikntn bendl, in shney – ayngefroyrene trit.</p>	<p>אויף די וועגן סיבירער</p> <p>אויף די וועגן סיבירער קען עמעץ נאך איצטער געפֿינען אַ קנעפל, אַ שטריקל פֿון מיינס אַ צערסיסענעם שוך, אַ רימענעם פֿאַס, פֿון אַ ליימענעם קריגל אַ שטיקל, אַ בלעטל פֿון הייליקן בוך.</p> <p>אויף די טייכן סיבירער קען עמעץ נאך איצטער געפֿינען אַ צייכן, אַ שפענדל פֿון מיינס אַ דערטרוקענעם פֿליט; אין וואַלד – אַ פֿאַרבלוטיקט־פֿאַרטריקנטן בענדל, אין שניי – אינגעפֿרוירענע טריט.</p>
<p>חִילִים</p> <p>חִילִים נֶצְבִּים מִסְּבִיבֵינוּ, אַרְבָּעָה בְּשׂוּרָה, זֶה אֲנַחְנוּ, תְּרַמֵּיל עִם הַלְחָם עַל שְׂכָם, פִּקּוּדָה בְּאֵה "מֵאַרְשִׁי!" וְהִלְכּוּ.</p>	<p>Soldatn</p> <p>Soldatn arum bay di zaytn, mir shteyen tsu firn in reyen. A zekl mit broyt oyfn aksl, an oysgeshrey: "Marsh!" un mir geyen.</p>	<p>סאַלדאַטן</p> <p>סאַלדאַטן אַרום ביי די זייטן, מיר שטייען צו פֿירן אין רייען. אַ זעקל מיט ברויט אויפֿן אַקסל, אַן אויסגעשריי: "מאַרש!" און מיר גייען.</p>

It's night yet. The dawn has just started
To ignite the coast in the east.
We move half-awake, walking dreamlike,
Sleep pressing upon our eyebrows.

As shoulders are rubbing on shoulders,
As knees are knocking against knees;
We, blinded though eyes are wide open,
Are straying, confusing the rows.

– "In order!", the warden is screaming,
We straighten up and obey;
The sun in the east is up shining
And stares down at us on our way.

DEAD WAYS

(Transl. from Yiddish by Hadassah Haskale)

Would that someone might come
Upon our way,
Saying: "Peace be with you!"
At least for form's sake.

Just to see a shadow
Of a man whom
We could say: "Peace to you too",
Although embarrassed.

Темно ещё. Только алеет
Восток. Или это нам снится?
И мы в полудреме шагаем,
И давит нам сон на ресницы.

Незрячи открытые очи,
Плечо за плечо задевает,
Сбивается с шага колонна,
Колено колено толкает.

– Равняйся, – кричат командиры,
Мы снова шеренги ровняем,
А солнце, вставая над миром,
Глядит, как мы дальше шагаем.

МЕРТВЫЕ ДОРОГИ

(Пер. с идиша: Александра Глебовская)

Кого бы встретить
В пути неторном,
Кто скажет: "Мир вам!"
Хоть для проформы.

Хоть тень бы встретить
Того, кому бы
"И вам!" смущенно
Шепнули губы.

<p>עוד לילה, השחר טורח אי-שם במזרח להופיע, ואנו הולכים וחולמים עוד לישון, שדבר לא יפריע.</p> <p>כתף עם כתף נאבכת, כל בךרד כושלת, נתקלת, אנחנו עורים אך עינינו פקוחות, השורה מתבלבלת.</p> <p>– "לשמור על הסדר!" נשמעת בקול צעקה כמו מתכת, השמש עולה לשמים לראות מי יכול עוד ללכת.</p>	<p>Nokh nakht. Der frimorgn fangt on ersht eyn breg funem mizrekh farnemen; mir geyen halb vakh, vi in kholem, undz ligt nokh der shlof oyf di bremen.</p> <p>Es shlogn zikh akslen on akslen, es klapn zikh knien on knien; mir, blinde mit ofene oygn, tsedreyen, tsemishn di reyen.</p> <p>– "In ordnung!" shrayen di vekhter, mir folgn di vekhters geshreyen; di zun iz aroys inem mizrekh un kukt fun der heykh vi mir geyen.</p>	<p>נאך נאכט. דער פרימארגן פאנגט אן ערשט איין ברעג פונעם מזרח פארנעמען; מיר גייען האלב וואך, ווי אין חלום, אונדז ליגט נאך דער שלאף אויף די ברעמען.</p> <p>עס שלאגן זיך אקסלען און אקסלען, עס קלאפן זיך קניען און קניען; מיר, בלינדע מיט אפֿענע אויגן, צעדרייען, צעמישן די רייען.</p> <p>– "אין אָרדנונג!" שרייען די וועכטער, מיר פֿאלגן די וועכטערס געשרייען; די זון איז אַרויס אינעם מזרח און קוקט פֿון דער הייך ווי מיר גייען.</p>
<p>דרכי המוות</p> <p>לוי רק מישוהו יצא קאן לקראתנו להגיד: "שלום עליכם" בדרךנו.</p> <p>לוי רק צל-אדם 'שקם לגשת, להגיד: "שלום עליכם" מבישת.</p>	<p>Toyte vegn</p> <p>Volt khotsh ver gekumen undz antkegn zogn: "Frid tsu aykh!" fun yoytse vegn.</p> <p>Glat azoy a shotn zen fun vemen, zogn: "Frid tsu dir" un zikh farshtemen.</p>	<p>טויטע וועגן</p> <p>וואַלט כאַטש ווער געקומען אונדז אַנטקעגן זאָגן: "פֿריד צו אײַך!" פֿון יוצא וועגן.</p> <p>גלאַט אזוי אַ שאַטן זען פֿון וועמען, זאָגן: "פֿריד צו אײַך" און זיך פֿאַרשעמען.</p>

<p>Come there must even one alarmed to see us, Who would fling a stick to strike at our faces.</p> <p>No one, not one is coming our way, Fallow – wild forsaken, dead ways...</p>	<p>Хоть кто б в испуге Прочь отшатнулся, В лицо бы палкой Нам замахнулся.</p> <p>Но нет здесь встречных Любых, немногих – Бурьян и травы, Мертвы дороги.</p>	
<p>14 ON THE GREEN FIELDS, FORESTS... / A folk song that Leibn Levin heard from his mother. From Gottesman. Home recording, mid. 70-ies.</p> <p>В ЧАЩЕ-ПУЩЕ ВО ЗЕЛЕНОЙ / Народная песня, версия матери Лейбу Левина. Пер. с идиша: Ал Домашняя запись, середина 70-х гг.</p>		
<p>On the green fields, forests, oy vey, On the green fields and forests A solder lays covered with bullets, oy vey.</p> <p>And his flesh is torn apart, oy vey, And his flesh is torn apart, From his wounds blood does flow, oy vey.</p> <p>Only the faithful horse, oy vey, Only the faithful horse Accompanies him at the funeral, oy vey.</p>	<p>В чаще-пуще во зеленой, ой-вей, В чаще-пуще во зеленой, Лежит солдатик прострелённый, ой-вей.</p> <p>Всё в глубоких ранах тело, ой-вей, Всё в глубоких ранах тело, Кровь уж в теле оскудела, ой-вей.</p> <p>Коник верный прочь не скачет, ой-вей, Коник верный прочь не скачет, Он один его оплачет, ой-вей.</p>	

<p>מישהו בן־שמה חוש־שטת, ש'לי־ליך מקל כחץ מקשת. ש'קט, אין כל נפש לקראתנו, רק דרכי המנות בדרכנו.</p>	<p>Zol zikh khotsh far undz ver ibershrekn, shlaydern in ponem undz a shtekn. Kumt nit, kumt nit keyner undz antkegn; felder – vild farvoksn, toyte vegn...</p>	<p>זאל זיך כאַטש פֿאַר אונדז ווער איבערשרעקן, שליידערן אין פנים אונדז אַ שטעקן. קומט ניט, קומט ניט קיינער אונדז אַנטקעגן; פֿעלדער – ווילד פֿאַרוואַקסן, טויטע וועגן...</p>
<p>: From Yiddish: Itzik Nakhmen na: Александра Глебовская.</p>	<p>14 על שדות ויער פרא / שיר-עם שליבו לוינ למד מאמו. מידישי: דוד קריקסונוב. הקלטה ביתית, אמצע שנות ה-70. אויף די גרינע פֿעלדער-וועלדער (Oyf di grine felder-velder)</p>	
<p>על שדות ויער פֿרא, אוי נִי, על שדות ויער פֿרא יש חיל גופו עופרת, אוי נִי. ובשרו חתונד־קרוע, אוי נִי, ובשרו חתונד־קרוע, דם פֿצעיז זרם, ירו בו, אוי נִי. רק סוסו מסור נטוב, אוי נִי, רק סוסו מסור נטוב בלונה הקפיד אותו, אוי נִי.</p>	<p>Oyf di grine felder-velder, oy-vey, oyf di grine felder-velder ligt mit kuglen badekt a zelner, oy-vey. Un zayn fleysh iz operisn, oy-vey, un zayn fleysh iz operisn, fun zayne vundn tut blut flisn, oy-vey. Nor dos ferdl, dos getraye, oy-vey, nor dos ferdl, dos getraye bagleytet im tsu der levaye, oy-vey.</p>	<p>אויף די גרינע פֿעלדער-וועלדער, אוי נִי, אויף די גרינע פֿעלדער-וועלדער ליגט מיט קוגלען באַדעקט אַ זעלנער, אוי נִי. און זײַן פֿלייש איז אָפּגעריסן, אוי נִי, און זײַן פֿלייש איז אָפּגעריסן, פֿון זײַנע וונדן טוט בלוט פֿליסן, אוי נִי. נאָר דאָס פֿערדל, דאָס געטרייע, אוי נִי, נאָר דאָס פֿערדל, דאָס געטרייע באַגלייטעט אים צו דער לוויה, אוי נִי.</p>

Who will say kaddish for him, oy vey, Who will say kaddish for him? Who will carry candles for him, oy vey?	Кто по бедном кадиш скажет, ой-вей, Кто по бедном кадиш скажет? Без свечи он в землю ляжет, ой-вей.	מי, אוי נוי? מי מי? אוי נוי...
A bird comes flying over, oy vey, A bird comes flying over, And rests on his eyes, oy vey...	Прилетает злая птица, ой-вей, Прилетает злая птица, Прямо на глаза садится, ой-вей.	, אוי נוי , ה, אוי נוי...
Oh you bird, black bird, oy vey, Oh you bird, black bird! Take the hands but leave him the eyes, oy vey!	Ох ты, птица цвета ночи, ой-вей, Ох ты, птица цвета ночи, Руки клюй, не трогай очи, ой-вей.	זרים אתך, אוי נוי זרים אתך, זרים, אוי נוי...

15 **REBBE LEVI YITSKHOK'S VOICE / Jacob Glatstein.** From Yiddish: Itzik Nakhmen Gottesman. Composed and recorded by *Kol Israel* during Leibu Levin's last concert on 27.12.1981 at the *Tzavta* auditorium in Jerusalem.

ГЛАС РЕБ ЛЕЙВИ-ИЦХОКА / Янкев Глатштейн. Пер. с идиша: Валерий Дымшиц. Соч. в 1973. Звукозапись: *Израиль, израильское радиовещание*, во время последнего концерта Лейбу Левина 27.12.1981 в аудитории *Цавта*.

Why should you unload all your anger on him? Do you regret the redemption, That you presented him? Believe me – he achieved through suffering His right even to play cards in the Holy Land. Woe is us... Alas you can't stand the shame That while you are tortured by various difficult issues, He drives around in a volkswagen!	Зачем же Ты его порицаешь так зло? Видать, раскаялся в том, что ему повезло Получить от Тебя свободу в дар? Поверь мне, он заслужил за свои муки право Хоть в карты в Святой Земле дуться. Горе нам... Ты, бедняга, надумал дуться, Из-за того, что пока Тебя всякие острые вопросы мучали и свербилы, Он развезжал в автомобиле?	על, בהרואן אפק? בלבך? ורואת? הנה לו את הזכות זך הן האבות. לה בושות: מיני שאלות מימות – אה! זקרה!
--	--	--

<p>מי קדיש עָלְיוּ יָגִיד מִי, אִם מי קדיש עָלְיוּ יָגִיד מִי מי יִשָּׂא לוֹ נֶר תְּמִידָה, מִי? הַצֶּפֶר אֲלֵינוּ פֹרְחַת, אוֹיֵן הַצֶּפֶר אֲלֵינוּ פֹרְחַת, עַל עֵינֵינוּ יוֹשֶׁבֶת-נְחָה, אוֹיֵן</p> <p>אוֹי, צֶפֶר, צֶפֶר שְׁחֹרִים; אוֹי צֶפֶר, צֶפֶר שְׁחֹרִים; קַחֵי יָדֶיךָ, עֵינֵינוּ הַשְּׂאִירֵךְ,</p>	<p>Ver vet nokh im kadesh zogn, oy-vey? Ver vet nokh im kadesh zogn, ver vet nokh im likht optrogn, oy-vey? Kumt a foygl ongefloygn, oy-vey, kumt a foygl ongefloygn, zetz zikh anider oyf zayne oygn, oy-vey... Oy du, foygl, shvartser foygl, oy-vey, oy du, foygl, shvartser foygl, nem dir di hent un loz im di oygn, oy-vey...</p>	<p>ווער וועט נאך אים קדיש זאגן, אוי ווי? ווער וועט נאך אים קדיש זאגן, ווער וועט נאך אים ליכט אָפּטראָגן, אוי ווי? קומט אַ פּױגל אָנגעפּלױגן, אוי ווי, קומט אַ פּױגל אָנגעפּלױגן, זעצט זיך אַנדער אויף זײַנע אויגן, אוי ווי... אוי דו, פּױגל, שװאַרצער פּױגל, אוי ווי, אוי דו, פּױגל, שװאַרצער פּױגל, נעם דיך דער הענט און לאָז אים די אויגן, אוי ווי...</p>
--	---	---

15 הקול של רב לוי יצחק / יעקב גלאטשטיין. מיידיש: דוד קריקסונוב.
הולחן בשנת 1973. הוקלט ע"י "קול ישראל" במהלך הקונצרט האחרון של לייבו
לויין ב-27.12.81, באולם "צוותא" בירושלים.

רב לוי יצחקס קול / יעקב גלאטשטיין
(Reb Leyvi Yitkhoks kol / Yankev Glatshteyn)

<p>מִדּוּעַ תִּגְנֶה אִתּוֹ בְּזַעַף, בְּהַ הִיָּתָבֹךְ כִּי תִרְטֶה יֵשׁ בְּלִבְךָ עַל שְׁנֵתָתְךָ לוֹ אֶת הַחֲרוּתָ? הָאֲמֹן לִי – בְּיִסּוּרֵי קִנְיָה לוֹ גַּם קִלְפִים לְשַׁחֵק בְּאַרְצֵךְ הֵן אֲבֹי לָנוּ... מִסָּבֵן, אִזְ הוּא עוֹשֶׂה לָּךְ בּו כְּשֶׁאַתָּה טְרוּד בְּכָל מִינֵי שֵׁ קִיּוּמוֹת - הוּא מִסְתּוֹבֵב לוֹ בְּטוֹיֹתָה!</p>	<p>Farvos zolstu oyf im oysreydn al dos beyz? Host efsher kharote oyf dem derleyz, vos du host im geshenkt? Gleyb mir – er hot oysgeyesurimt zayn rekht afile tsu shpiln kortn in heylikn land. Vey iz undz... Konst nebekh nisht fartrogn di shand az beys dikh matern kolerley harbe fragn, fort er arum oyf a folksvagn!</p>	<p>פֶּאַרוואָס זאָלסטוּ אויף אים אויסרײַדן אַל דאָס בײַז? האָסט אפֿשער חרטה אויף דעם דערלײַז, וואָס דו האָסט אים געשענקט? גלייב מיר - ער האָט אויסגעײסורײַמט זײַן רעכט אַפֿילו צו שפּילן קאַרטן אין הײליקן לאַנד. וויי איז אונדז... קאַנסט נעבעך נישט פֿאַרטראָגן די שאַנד אַז בעת דיך מאַטערן פֿלעדלײ האַרבע פֿראַגן, פֿאַרט ער אַרום אויף אַ פֿאָלקסוואַגן!</p>
---	--	---

<p>By all means, by all means! Tell me, has he not earned from you that much luxury?</p> <p>Do you know, strict punisher, what he endured, While you laughed With the joy of your own sun? Had you heard of this? That while you sang sow-and-harvest songs, They made bitter all of his limbs, Castrated with the fear of death every human wince.</p> <p>Woe, woe.... O, so stretch out your brotherly hand, By all means, by all means! Embrace and bless the strength of his tortured life. Ask yourself with understanding, Whether he doesn't deserve some earthly pleasure Instead of bitter reproof. And misery, misery...</p>	<p>Так, именно так! Скажи-ка, разве он не заслужил от Тебя всяческих милостей?</p> <p>Знаешь ли Ты, любитель строго наказывать, что он перенес,</p> <p>Пока Ты смеялся до слез, Радуюсь солнцу своему? Неужто это неизвестно Тебе одному? Пока Ты там пел о посеве и об урожае, Каждого измучили, смертию угрожая, Каждого трепещущего кастрировали смертельным страхом.</p> <p>Ой горе, горе... Простри же как старший брат руку. Так, именно так! Обними его, благослови его, дай ему сил в его истерзанной жизни,</p> <p>Спроси себя сам: за эту муку Не причитается ли ему посюсторонних счастья и воли,</p> <p>Вместо обличительных слов, вместо слезной соли И боли, боли...</p>	<p>גזת ?ז ובר עָלָיו ? מְזַרְע וְצִים, ו ז ; ו ז הו</p>
--	--	--

<p>אָדערבאָ. אָדערבאָ! מה, הוא לא הרויח אצלק תענוגות כאַלָה? יודע, זקן-שופטים קשות, מה עבר עליך כְּשֶׁצָחַקְתָּ בְּשִׂמְחָה גְדוֹלָה, מבית לך על שמש מעשה נדיד? אולי הגיעה השמועה אליך? שְׂפָשְׁפָתָהּ בְּלִית בְּזִמְרַת שִׁירֵי מְזֻרַע וְעַת קְצִיָּה כל אבריו כתשו: בענויים ואש-קוצים, אימות המנות בו סרקה כל רטט אָנוּשֵׁי תַמִּים. אוי נוי, אוי נוי אוי, יד אחים הושט לו בברכה, אָדערבאָ. אָדערבאָ! חבק אותו, בךך את כח החיים המְיֻסְרִים. שאל את עצמך אם לא מגיע לו גם בעולם הזה מַעֲט שְׂמָחָה במקום דברי מוסר מרים וְיֻסְרִים, יֻסְרִים...</p>	<p>Aderabe. Aderabe! Zog, tsi hot er nisht fardint bay dir azoy fil voyltog? Tsi veystu, shtrenger shtrofer, vos er hot mitgemakht beys du host gelakht mit der freyd fun an eygener zun? Hostu gehert derfun? Az beys du host gezungen zey un shnit lider, hot men im farfintstert ale glider, kastrirt mit toyt shrek yeder tsapl mentsh. Oy vey, oy vey... Oy shtrek zhe oys di briderlekeh hand, aderabe, aderabe! Nem arum un bentsh dem koyekh fun zayn farpeyniktn leb'n. Freg zikh mit farshand, tsi kumt im nisht a bisl oylem-hazedike freyd onshtot bitere muser reydy un leydy, leydy...</p>	<p>אָדערבאָ. אָדערבאָ! זאָ, צי האָט ער נישט פֿאַרדינט ביי דיר אזוי פֿיל ווילטאָג? צי ווייסטו, שטרענגער שטרעפער, וואָס ער האָט מיטגעמאַכט בעת דו האָסט געלאָכט מיט דער פֿרייד פֿון אַן אייגענער זון? האָסטו געהערט דערפֿון? אַז בעת דו האָסט געזונגען זיי און שניט לידער, האָט מען אים פֿאַרפֿינצטערט אַלע גלידער, קאַסטירט מיט טויט שרעק יעדער צאַפֿל מענטש. אוי וויי, אוי וויי... אוי שטרעק זשע אויס די ברידערלעכע האַנט, אָדערבאָ, אָדערבאָ! נעם אַרום און בענטש דעם פֿוח פֿון זיין פֿאַרפֿייניקטן לעבן. פֿרעג זיך מיט פֿאַרשטאַנד, צי קומט אים נישט אַ ביסל עולם-הזהדיקע פֿרייד אַנשטאַט ביטערע מוסר ריידי און ליידי, ליידי...</p>
--	---	--

16 TO THE MOTHER / Haim Grade. From Yiddish: Hadassah Haskale. Composed in 1956; first published in the *Word and Melody*” (In Yiddish, Hebrew and English; Tel Aviv: I.L.Peretz publications, 2005). Recorded by *Kol Israel*. Piano.

МАМЕ / Хаим Граде. Пер. с идиша: Александра Глебовская. Песня соч. в 1956 г; впервые опубл. в сб. "Лейбу Л (на идише, иврите и английском; Тель-Авив: Издательство им. Й.Л. Переца, 2005). Звукозап.: *Голос Израиля, израил* Матиас Малвэ.

You are frail, you are small
And hardly reach my shoulder,
But you in your sorrow are
Bigger than them all .

Oh, mama dear, little grey pigeon,
With eyes full of fear and submission,
In wind and in darkness I lie here
And rock you to sleep like an infant.

On my heart rests your head
As I wipe away your tears,
And your hand wipes away
The cold sweat from my brow.

I hear from afar what you're saying:
"My son, you must bear all that comes".
I count on your face wrinkles carved there,
Please, mama, don't die from your longing.

Ты так мала и так хрупка,
Мне по плечо едва ли,
Но несказанно высока
Ты в своей печали.

Мамуля, серый голубок,
В глазах – смирения зарок,
Напор ветров и тьмы встречая,
Тебя я, как дитя, качаю.

Тебя обнять и слезы с глаз
Смахнуть – моя забота,
В ответ смахнет рука тотчас
Со лба мне капли пота.

Мне слышен голос твой в пути:
"Что жизнь пошлет, сынок, терпи".
Твое лицо – морщинок море,
Ах, мама, не умри от горя!

in the collection "Leibu Levin:

Piano: Mathias Malve.

йбу Левин: Слово и Мелодия"

зраильское радиовещание. Ф-но:

16 אל האמה / חיים גראדע. מידיש: רות לוי. הולחן בשנת 1956. פורסם לראשונה בתוך קובץ "ליבו לעווין: ווארט און ניגון = מלה וניגון; ניגונים לשירה בידיש, עיבודים לפסנתר מאת חנן וינטרניץ" (תל-אביב: י"ל פרץ, 2005). הוקלט ע"י קול ישראל; פסנתר: מתיאס מלווה.

צו דער מאמע / חיים גראדע
(Tsu der mame / Khaim Grade)

קטנה וצנומה הנך,
לקתפי מגיעה כעת,
אך ברב צערך
על הקל התנשאת.

הוי, אמי, הוי, יונה אפרה,
עם מבט של כניעה ומרוא.
באפל אני כאן שרוע,
ובחיקי את אפרוח ברוח.

על לבי נח ראשה,
אנגב את דמעותיך
ונחמו זיעת-מצחי
מפני ידך.

אשמע מרחוק את הקול:
בני, עליך לשאת את הכל
כל קמט אמה על פניך:
אמא, אל יהרגוך גגגעיך.

Du bist kleyn, du bist dar,
un greykht mir koym tsum aksl,
nor du bist in dayn tsar
ale ibergevaksn.

Oy, mamele, taybele groye,
mit oygn ful shrek un hakhnoe,
in vint un in fintsternish lig ikh
un dikh vi an eyfele vig ikh.

Oyf mayn harts ligt dayn kop,
vish ikh op dir dayne trern,
un dayn hant visht arop
mir dem shveys funem shtern.

Ikh her fun der vaytns dikh zogn:
"mayn zun, du zolst alts ibertrogn".
Ikh tseyl oyf dayn ponem di karbn,
zolst, mame, fun benkshaft nit shtarbn.

דו ביסט קליין, דו ביסט דאָה,
און גרייכסט מיר קוים צום אַקסל,
נאָר דו ביסט אין דיין צער
אַלע איבערגעוואַקסן.

אוי, מאַמעלע, טיבעלע גרויע,
מיט אויגן פֿול שרעק און הכנעה,
אין ווינט און אין פינטערניש ליג איך
און דיך ווי אַן עוף־עלע וויג איך.

אויף מיין האַרץ ליגט דיין קאָפּ,
וויש איך אָפּ דיר דינע טרערן,
און דיין האַנט ווישט אַראָפּ
מיר דעם שווייס פֿונעם שטערן.

איך הער פֿון דער ווינטנס דיך זאָגן:
"מיין זון, דו זאָלסט אַלץ איבערטראַגן".
איך צייל אויף דיין פנים די קאַרבן,
זאָלסט, מאַמע, פֿון בענקשאַפֿט ניט שטאַרבן.

<p>You are frail, you are small And hardly reach my shoulder, But you in your sorrow are Bigger than them all.</p>	<p>Ты так мала и так хрупка, Мне по плечо едва ли, Но несказанно высока Ты в своей печали.</p>	
<p>[17] JEWS ARE SINGING: I BELIEVE / H. Leivick. From Yiddish: Hadassah Haskale. Composed in 1942. <i>lider af yidish un in ivrit</i>" [In the World of Songs: in Yiddish and in Hebrew], (Tel-Aviv: Or-Tav Publications, 1980)</p> <p>ЕВРЕИ ПОЮТ: АНИ МАЙМЕН / Г. Лейвик. Пер. с идиша: Валерий Дымшиц. Музыка соч. в 1972 г. <i>аф идиш ун ин иврит</i>" [В мире напевов: песни на идише и на иврите], (Тель-Авив: Ор-Тав, 1980). Звукозапись: Валерий Дымшиц. <i>Ани маймен (В произношении Лейбу Левина "ани мамин")</i> – я верю. Полностью использованная цитата из <i>Моше, ве-аф-ал-ни шеисмамеа</i> – Я верю полной верой в пришествие Мессии и, несмотря на то, что он (др.-евр.). Двенадцатый принцип из числа тринадцати принципов веры, сформулированных Рамбамом (М. бен Амрам). Так называли людей, освобожденных союзниками из немецких концлагерей или тех, кого немцы упустили при возвращении на родину или переезда в другую страну в специальных лагерях, DP camps.</p>		
<p>Jews are singing in the bunkers: I believe In the coming of <i>meshiach</i>, even though, Even though he is delayed I do believe – He will come, be it from there, be it from here.</p> <p>Jews are singing in a camp: I believe – I believe, I believe, even though, And even if he lingers still – I do believe! I believe, just as a D.P. does believe.</p>	<p>В подземельях распевают: <i>ани маймен</i> <i>Б-виес а-мошиях, аф ал ни,</i> <i>Аф ал ни шеисмамеа, ани маймен</i> – Он придет, Бог весть откуда, не проспи.</p> <p>В лагерях поют евреи: <i>ани маймен</i> – <i>Ани маймен, ани маймен аф ал ни,</i> Пусть он медлит, что с того мне: <i>ани маймен,</i> <i>Ани маймен</i>, так как верят лишь DP.</p>	<p>יְבָרַךְ – יְבָרַךְ בְּיָמָיו – יְבָרַךְ פֶּן – יְבָרַךְ</p>

<p>קטנה וצנומה הגד, לכתפי מגיעה כעת, אך ברב צערך על הכל התנשאת.</p>	<p>Du bist kleyn, du bist dar, un greykht mir koym tsum aksl, nor du bist in dayn tsar ale ibergevaksn.</p>	<p>דו ביסט קליין, דו ביסט דאך, און גרייכסט מיר קוים צום אַקסל, נאָר דו ביסט אין דיין צער אַלע איבערגעוואַקסן.</p>
---	---	---

in 1973; first published in the collection "*In der velt fun gezangen:*
s, 1980). Recorded by *Kol Israel*. Piano: Mathias Malve.

в 1973 г.; впервые опубли. в сб. "*Ин дер вельт фун гезанген: лидер
козап.: Голос Израиля, израильское радиовещание. Ф-но: Маттас
ная цитата звучит так: ани маймен бе-эмуне шлейме бэвиес
то он медлит, <все-таки буду каждый день ждать его прихода>
ом (Маймонидом). DP – displaced person, перемещенное
цы угнали на принудительные работы. Их размещали до*

[17] יהודים שרים: אַני מאַמין / ה. לייבויק.
מיידיש: משה סחה. הולחן בשנת
1973; הלחן פורסם לראשונה בקובץ "אין דער
וועלט פֿון געזאַנגען = בעולם הזמר: לידער
אויף יידיש און אין עברית", (תל-אביב: אור-
תו, 1980). הוקלט ע"י קול ישראל, פסנתר:
מתיאס מלווה.

**יידן זינגען: אַני-מאמין / ה. לייבויק
(Yidn zingen: ani-mamin / H. Leyvik)**

יהודים שרים בבונקר: אַני מאַמין
בביאת המשיח, אף על פי,
אף על פי שיתמהמה אַני מאַמין
הוא יבוא וישועה סוף סוף יביא.

יהודים שרים בגטו: אַני מאַמין –
אַני מאַמין, אַני מאַמין אף על פי,
אף על פי שיתמהמה, אַני מאַמין –
אַני מאַמין, ווי אַ מאמין אַ די-פי.

Yidn zingen in di bunkers: ani-mamin
beviess hamoshiyekh, af-al-pi,
af-al-pi sheismahamea ani-mamin –
er vet kumen say fun dortn, say fun hi.

Yidn zingen in a lager: ani-mamin –
ani-mamin , ani-mamin af-al-pi,
an afle az er zamt zikh ani-mamin –
ani-mamin , vi a maymen a di-pi.

יידן זינגען אין די בונקערס: אַני-מאמין
בביאת המשיח, אף-על-פי,
אף-על-פי שיתמהמה אַני-מאמין –
ער וועט קומען סיי פֿון דאָרטן, סיי פֿון הי.

יידן זינגען אין אַ לאַגער: אַני-מאמין –
אַני-מאמין, אַני-מאמין אף-על-פי,
און אַפֿילו אַז ער זאַמט זיך אַני-מאמין –
אַני-מאמין, ווי אַ מאמין אַ די-פי.

<p>Let us sing now all together: I believe – If we don't sing it – then it sings on anyway In the evening, in the morning – I believe, Even though he is delayed, even though.</p> <p>He will come, he must come – I believe, Ask of no one, ask no one when and how. Jews are singing: I believe, I believe – Here he comes now, soon he is already here.</p>	<p>А теперь давайте вместе: <i>ани маймен</i> – Пусть звучит в лесах, над морем и в степи, Ясным днем и темной ночью – <i>ани маймен</i> <i>Аф ал ни шеисмамеа, Аф ал ни.</i></p> <p>Он придет, мы в это верим – <i>ани маймен</i>, И не спрашивай откуда – потерпи. Запевайте: <i>ани маймен, ани маймен</i>, Он уж рядом, он уж близко, не проспни.</p>	<p>– הַשִּׁיר יְמִינָא. מֵאֲמִין, עַל פִּי י מֵאֲמִין, אִדךְ נִדְעַ. אֲנִי מֵאֲמִין – נִדְעַ.</p>
<p>18 SILENT GRASSES / H. Leivick. From Yiddish: Hadassah Haskale. Composed in 1973; first published <i>der velt fun gezangen: lider af yidish un in ivrit</i> [In the World of Songs: in Yiddish and in Hebrew], (Tel-Aviv: O 1980). Recorded by <i>Kol Israel</i>. Piano: Mathias Malve.</p> <p>ТИХИЕ ТРАВЫ / Г. Лейвик. Пер. с идиша: Александра Глебовская. Музыка соч. в 1973 г.; впервые с <i>дер вельт фун гезанген: лидер аф идиш ун ин иврит</i> [В мире напевов: песни на идише и на иврите], (Тель-1980). Звукозап.: <i>Голос Израиля, израильское радиовещание</i>. Ф-но: Матиас Малвэ.</p>		
<p>Early silent grasses Have no fear of storm that is approaching, Let us be like early grasses.</p> <p>There lies someone abandoned, Twisted, broken on the wheels of suffering, – Come draw near him, who lies there abandoned.</p> <p>Come draw near and tell him: Early tiny grasses, they know better How to say the words that can console him.</p>	<p>Росным тихим травам Не страшны ни бури, ни ненастье, Быть бы нам как тихим травам.</p> <p>Кто в краю кровавом Брошен был один в несчастье, Подойдем к нему в краю кровавом.</p> <p>И страданье злое Облегчим: "Травинке самой малой Ведом способ снять страданье злое.</p>	<p>הַסֵּעָר, – תְּעָרָה, וְחַ. וְדַע וְלֹא.</p>

<p>אז נשיר כולנו יחד: אני מאמין אם נשיר או לא נשיר – הנשיר גם ביזם וגם בליקה, אני מאמין אף על פי שיתמהמה, אף על פי</p> <p>הוא יגיע, הוא יגיע – אני מאמין אל תשאול, מתי ואיפה, איד נד יהודים שרים בלי הרף: אני מאמין והנה, הנה הוא, אין זו אגדה.</p>	<p>Lomir zingen itster ale: ani-mamin – oyb mir zingen es nit – zingt zikh es say vi. Say in ovnt, say baginen ani-mamin, af-al-pi sheismahamea, af-al-pi.</p> <p>Er vet kumen, er muz kumen – ani-mamin, fregt nit keyner, fregt nit keynem ven un vi. Yidn zingen: ani-mamin , ani-mamin – ot o kumt er, ot o iz er shoyn do hi.</p>	<p>לאמיר זינגען איצטער אלע: אנימאמין – אויב מיר זינגען עס ניט – זינגט זיך עס סי ווי. סי אין אונט, סי באגיגען אנימאמין, אףעלפי שיתמהמה, אףעלפי.</p> <p>ער וועט קומען, ער מוז קומען – אנימאמין, פֿרעגט ניט קיינע, פֿרעגט ניט קיינעס ווען און ווי. יידן זינגען: אנימאמין, אנימאמין – אָט אַ קומט ער, אָט אַ איז ער שױן דאָ הי.</p>
<p>ished in the collection "In iv: Or-Tav Publications, вые опубли. в сб. "Ив Тель-Авив: Op-Tav,</p>	<p>18 רך שלו העשב / ה. לייويק. מידיש: משה סחה. הולחן בשנת 1973; הלחן פורסם לראשונה בקובץ "אין דער וועלט פֿון געזאנגען = בעולם הזמר: לידער אויף יידיש און אין עברית", (תל- אביב: אור-תו, 1980). הוקלט ע"י קול ישראל; פסנתר: מתיאס מלווה.</p>	<p>שטילע גראָזן / ה. לייװיק (H. Leyvik / Shtile grozn)</p>
<p>רה, שלו העשב, אין הוא מִפְּחַד כָּלֵל מִן הַסַּעַר הָבָה וְנִהְיָה כְּמוֹ הָעֵשֶׂב.</p> <p>איש מוגל זגנח, יסורניו שטִפְּפִים אוֹתוֹ כְּתַעֲרָה - אז נבוא אֵל זֶה שְׁנַח זְגֻנָּח.</p> <p>אז נבוא לומר לו: אין כמו עֵשֶׂב רַךְ שְׁלוּ יוֹדֵעַ אֶת מְלוֹת הַנְּחֻמָּה לֹמֵר לוֹ.</p>	<p>Ershte shtile grozn hobn nit keyn moyre far a shturem, lomir zayn vi ershte grozn.</p> <p>Eyner ligt farlozn, ayngedreyt in reyfn fun yesurim, – kumen mir tsu dem, vos ligt farlozn.</p> <p>Kumen mir un zogn: ershte kleyne grozn veysn beser verter fun nekhome vi tsu zogn.</p>	<p>ערשטע שטילע גראָזן האָבן ניט קיין מורא פֿאַר אַ שטורעם, לאָמיר זיין ווי ערשטע גראָזן.</p> <p>איינער ליגט פֿאַרלאָזן, איינגעדרייט אין רייפֿן פֿון יסורים, – קומען מיר צו דעם, וואָס ליגט פֿאַרלאָזן.</p> <p>קומען מיר און זאָגן: ערשטע קליינע גראָזן ווייסן בעסער ווערטער פֿון נחמה ווי צו זאָגן.</p>

For they are possessing Peace that has not felt the stroke of cutter, Can there be a better thing to own?	Дан ей дар покоя, Той, что лезвия пока не знала, Дан извечный, дивный дар покоя".
Let us now bear him To those early tiny silent grasses, Til we've met them as we're bearing him.	Отнесем в безбрежный Край, где вольно тихим травам росным, И уложим в их разлив безбрежный.
Night. The day is dawning. Comforted he lies in light like roses With the early grasses. Day is dawning.	Ночь. Но утро брезжит. Свет целебный превращает в розы Росных трав разлив. И утро брезжит.

19 **A TALL TREE, A BEAUTIFUL TREE, A STRONG TREE! For Leibu Levin/ Shike Driz.** F. Corkidhi. Composed in 1960. This poem was written by Shike Driz one night when under the influence of Leibu of “*Khotsh*” (“Although”) by Zelik Barditshever. He dedicated the poem to L. Levin who subsequently created a new variation of the original Barditshever’s folk tune. First published in the collection “*Leibu Levin: Word and Melody*” (Hebrew and English; Tel Aviv: I.L. Peretz publications, 2005). Recorded by The Sound Archives, National Library of Israel.

ВЫСОКИЙ ДУБ, КРАСИВЫЙ ДУБ, МОГУЧИЙ ДУБ! Лейбу Левину / Шике (Овсей) Дриз
Валерий Дымшиц. Песня соч. в 1960 г. Стихотворение было создано Ш. Дризом за одну ночь под влиянии Левинным песни "Пусть" Зелика Бардичевера. Дриз посвятил стихотворение Левину, который, опираясь на него, создал мелодию и превратил стихотворение в одну из своих самых любимых песен. Впервые опублик. в сб. "Слово и Мелодия" (на идише, иврите и английском; Тель-Авив: Издательство им. Й.Л. Перца, 2005). Звук. запись Национальная библиотека Израиля, Иерусалим.

Though half a world they covered With my spilled blood, A hundred times they murdered me, A thousand times they shot me –	Пусть пролили кровь мою, Я был свеж и зелен, Пусть я сотню раз убит И тысячу – расстрелян,
--	---

<p>כי עוד לא נגמר לו תום, שלא ידע ספין חותכת, בלום זה לא הטוב והעיקר לו?</p> <p>אז נהיה משמר לו אל שלות מקום בו רך העשב, אל שלות עולם נהיה משמר לו.</p> <p>לילה. עם הבוקר המנוחה טובל באור הקפקף בשלות העשב עם הבוקר</p>	<p>Vorem zey farmogn ru, vos hot nokh nit farzukht keyn meser, kon den epes besers ver farmogn?</p> <p>Nemen mir im trogn tsu di ershte kleyne shtile grozn, biz mir brengen im tsu zey tsu trogn.</p> <p>Nakht. Dernokh nemt togn. Der getreyster ligt in likht in rozn mit di ershte grozn, ven s'nemt togn.</p>	<p>וואָרעם זיי פֿאַרמאַגן רו, וואָס האָט נאָך ניט פֿאַרזוכט קיין מעסער, קאָן דען עפעס בעסערס ווער פֿאַרמאַגן?</p> <p>נעמען מיר אים טראָגן צו די ערשטע קליינע שטילע גראָזן, ביז מיר ברענגען אים צו זיי צו טראָגן.</p> <p>נאַכט. דערנאָך נעמט טאַגן. דער געטרייסטער ליגט אין ליכט אין ראָזן מיט די ערשטע גראָזן, ווען ס'נעמט טאַגן.</p>
<p>riz. From Yiddish: Rachel Leibu Levin's performance ed a melody for it that was a <i>felody</i>" (In Yiddish, Hebrew f Israel, Jerusalem.</p> <p>Дриз. Пер. с идиша: иянием исполнения ясь на напев Бардичевера, . в сб. "Лейбу Левин: i). Звукозап.: Фонотека,</p>	<p>19 אילן נישא, אילן יפה, אילן איתן! ללייבו לוי / שיקה דריז. מיידיש: עמוס גורן. הולחן ב-1960. את השיר כתב שיקה דריז תוך לילה אחד תחת הרושם שהותיר עליו ביצועו של לייבו לויין ל-"אף על פי" מאת זליק בארדיצ'ב. את שירו הקדיש דריז ללוי, והלה החזיר אותו מלודית לנוסח העממי של בארדיצ'ב. פורסם לראשונה בתוך קובץ "לייבו לעווין; וואָרט און ניגון = מלה וניגון; ניגונים לשירה ביידיש, עיבודים לפסנתר מאת חנו וינטרניץ" (תל-אביב: י"ל פרץ, 2005). הוקלט מפיו בפונטיקה הלאומית, ירושלים.</p> <p>א הויכער בוים, א שיינער בוים, א שטאַרקער בוים! לייבו לעוויןען / שיקע דריז A hoykher boym, a sheyner boym, a shtarker boym! Leybu Levinen / Shike Driz</p>	
<p>על אף שפֿחצי עולם קבר את דמי שפכּה, מאָה פעם נהָרָגתי ואַלף בי טבֿחו –</p>	<p>Khotsh me hot a halbe velt mit mayn blut fargosn, hundert mol geharget mikh ein toyznt mol geshosn –</p>	<p>כאָטש מע האָט א האַלבע וועלט מיט מיין בלוט פֿאַראַקסן, הונדערט מאָל געהאַרגעט מיך און טויזנט מאָל געשאַסן –</p>

Even so, no fire and no sword
Haven't taken me
And now, as you can see,
I grow upon the earth –
A tall tree,

A beautiful tree,
A strong tree!

Though they chipped my branches
And burned them to the wind,
Not even a handful of ashes
They would leave as a hint, –
Little birds twitter to me
Good morning at forenoon...

And now, as you can see,
I'm alive and I bloom –
A tall tree,

A beautiful tree,
A strong tree!

Though they did more than once
Trash my skin and suck dry
The marrow from my bones,
Leave me with open wounds, –
None has ever been able
To extract my roots.
And now, as you can see,
I live in this world –

Но не справились со мной
Ни топор, ни пламя,
Я здесь, вы видите меня,
Расту я перед вами,
Высокий дуб,
красивый дуб,
могучий дуб!

Пусть срубили вы меня,
Изрубили в щепки
И дотла спалили все
Веточки и ветки,
Но чирикают в листве
Птицы трель свою,
Я здесь, вы видите меня,
Жив-здоров стою,
Высокий дуб,
красивый дуб,
могучий дуб!

Пусть содрали всю кору,
Я остался гол,
Соки выпили мои,
Источили ствол,
Но корень не сумел никто
Выкорчевать мой,
Я здесь, вы видите меня,
Я опять живой,

<p>כָּבֵל זֹאת לֹא כָלוּ אוֹתֵי לֹא אֵשׁ וְלֹא מִכָּה, זְכַמּוּ שְׂאֵתֶם רוּאִים אוֹתִי, אֲנִי עַל הַקֶּרֶקַע – אֵילֵן נִשְׂאָ, אֵילֵן יָפָה, אֵילֵן אֵיתָן!</p>	<p>dokh hot nit genumen mikh keyn fayer un keyn shverd, un ot-o, vi ir zet mikh, vaks ikh oyf der erd – a hoykher boym, a sheyner boym, a shtarker boym!</p>	<p>דָּאךְ הָאָט נִיט גֶנוּמֶנן מִיךְ קֵיין פֿײַער און קֵיין שװערד, און אָט-אָ, ווי איר זעט מִיךְ, וואַקס איך אויף דער ערד – אַ הויכער בוים, אַ שיינער בוים, אַ שטאַרקער בוים!</p>
<p>על אף שְׁלֵי אֵת עֲנֵפִי חֲטָבוּ כָבֵד לְשִׁבְבִים שְׂמֹול הַרְחֵץ הַבְּעֵרוּ, אוֹדִים אֵה עֲלוּבִים – כִּיּוֹם שְׂרוֹת לִי צַפְרִים, אוֹמְרוֹת לִי "בִּקֵּר טוֹב", וְהִנֵּה, כְּמוֹ שְׂאֵתֶם רוּאִים, חַיִּים לִי וְלִבְלוּב – אֵילֵן נִשְׂאָ, אֵילֵן יָפָה, אֵילֵן אֵיתָן!</p>	<p>Khotsh me hot tsehakt bay mir oyf shpendelekh di tsvaygn, farbrent zey oyfn vint, es zol keyn zhmenye ash nit blaybn, – tsvitshern mir haynt feygelekh gut-morgn in der fri... Un ot-o, vi ir zet mikh, leb ikh un ikh bli – a hoykher boym, a sheyner boym, a shtarker boym!</p>	<p>כְּאָטש מע האָט צעהאַקט ביי מיר אויף שפּענדעלעך די צווייגן, פֿאַרברענט זיי אויפֿן ווינט, עס זאָל קיינ זשמעניע אש ניט בלייבן, – צוויטשערן מיר היינט פֿייגעלעך גוט-מאָרגן אין דער פֿרי... און אָט-אָ, ווי איר זעט מִיךְ, לעב איך און איך בלי – אַ הויכער בוים, אַ שיינער בוים, אַ שטאַרקער בוים!</p>
<p>על אף שְׂפֵעִמִים רְבוֹת כָּבֵד אֵת הַעוֹר פֿשְׁטוֹ לִי, שְׂפֵכּוּ אֵת מַחַ עֲצֵמוֹתִי, עַד תּוֹם שְׂפֵטִים עֲשׂוּ לִי – הֵם לֹא הִיוּ מִסְגְּלִים אֵת שְׂרֵשֵׁי לְקָרַע, וְהִנֵּה, כְּמוֹ שְׂאֵתֶם רוּאִים, אֲנִי חֵי בְּתַבֵּל –</p>	<p>Khotsh me hot nit eyn mol shoynd di hoyt fun mir geshundn, dem markh fun mir oysgezoygn, gelozt in hoyle vundn, – nor oyskortshen di vortslen mir hot keyner nit gekent, un ot-o, vi ir zet mikh, leb ikh oyf der velt –</p>	<p>כְּאָטש מע האָט נִיט איין מאָל שׁוין די הױט פֿון מיר געשונדן, דעם מאָרד פֿון מיר אויסגעזױגן, געלאָזט אין הױלע ווונדן, – נאָר אויסקאָרטשען די וואַרצלען מיר הָאָט קײנער נִיט געקענט, און אָט-אָ, ווי איר זעט מִיךְ, לעב איך אויף דער וועלט –</p>

<p>A tall tree, A beautiful tree, A strong tree!</p>	<p>Высокий дуб, красивый дуб, могучий дуб!</p>	
--	--	--

20 **A POLKA-MAZURKA / A. Lutzky.** From Yiddish: Rachel Corkidhi. Composed in 1937; first published collection “*Leibu Levin: Word and Melody*” (In Yiddish, Hebrew and English; Tel Aviv: I.L.Peretz publications, 2 by *Kol Israel*. Piano: Mathias Malve.

ПОЛЬКА-МАЗУРКА / А. Луцкий. Пер. с идиша: Валерий Дымшиц. Песня соч. в 1937 г.; впервые "Лейбу Левин: Слово и Мелодия" (на идише, иврите и английском; Тель-Авив: Издательство им. Й.Л. Перзуккоп.: *Голос Израиля, израильское радиовещание*. Ф-но: Матиас Малвэ.

<p>The music but also the band – I'm it all, the whole orchestra in one man. I play for you and I dance too, And I'm doing it all – on cue!</p>	<p>Вот оркестр музыкантов – Это я, и я для вас даю концерт. Я и музыка, и танец, Я один – всё это в такт!</p>	<p>ים, שָׁלֵם: מקצב!</p>
<p>My lips alone can play the flute, Pressed together, I whistle to the world... Beneath my shoulders spring up and down, One eye of mine winking – on cue!</p>	<p>Губы свищут точно флейта, Я их трубочкой сложил и ну свистеть... И приплясывают плечи, Глаз подмигивает – в такт!</p>	<p>הליל, עולם... זרות במקצב!</p>
<p>My hands, my swift hands, they are conducting, Leading to the valleys and to higher peaks. The earth below a drummer, my foot a drumstick, My foot kindles the drummer – on cue!</p>	<p>Сам себе я дирижер, То рукой рисую горы, то долины, Барабаню я ногами По земле как барабану – в такт!</p>	<p>פחות, ת; רגלי הן המקלות, יר – במקצב!</p>

אילן נשא, אילן יפה, אילן איתן!	a hoykher boym, a sheyner boym a shtarker boym!	א הויכער בוים, א שיינער בוים א שטארקער בוים!
--------------------------------------	---	--

blished in the ons, 2005).Recorded ервые опубли. в сб. П. Переца, 2005).	<p>20 פולקה-מזורקה / א. לוצקי. מידיש: פטר קריקסונוב. השיר הולחן בשנת 1937. פורסם לראשונה בתוך קובץ "לייבו לעווין: וואָרט און ניגון = מלה וניגון; ניגונים לשירה בידיש, עיבודים לפסנתר מאת חנו וינטרניץ" (תל-אביב: י"ל פרץ, 2005), הוקלט ע"י קול ישראל, פסנתר: מתיאס מלווה.</p> <p>א פאלקע־מאזורקע / א. לוצקי (A polke-mazurke / A. Lutski)</p>	
---	---	--

אַני לבד – בַּל הפלים, אַני לבד – קונצרט שלם. גַם מנגן וגם רוקד וְקַל דְּבַר עוֹשָׂה – בְּמַקְצָב אַזְקֵר שְׁפִתַיִם כְּמוֹ חֲלִיל, אַשְׁרֵק בְּקוֹל אֶל הַעוֹלָם. בְּתַפִּי קוֹפְצוֹת וּמְנַתְרוֹת וְגַם עֵינַי קוֹרְצוֹת – בְּמַקִּי; יְדֵי זְרִיזוֹת – הֵן מְנַצְחוֹת לְהָרָה, לְעַמְק מוֹלִיכוֹת; הָאֶרֶץ לִי הִיא תֹהַר, רִגְלֵי הַ וְאֵת תֹּהַר רִגְלֵי תַעֲרִיר – בְּ	A kapelye kontsertistn – dos bin ikh aley, ikh gib far aykh kontsert. I der shpiler, i der tentser, un ikh makh dos ales – tsum takt! Mayne lipn konen fleytlen, tsi ikh zey tsunoyf un fayf zikh tsu der velt. ... Mayne akslen shpringer unter, vinklt mayns an eygl – tsum takt! Mayne hent, di flinke, dirizhirn, firn zey in toln un oyf hoykhe berg. Iz di erd mayn paykl, iz mayn fus dos flekl, vekt mayn fus dos paykl – tsum takt!	א קאפעליע קאנצערטיסטן – דאָס בין איך אַליין, איך גיב פאַר איך קאָנצערט. אי דער שפּילער, אי דער טענצער, און איך מאַך דאָס אַלעס – צום טאַקט! מיינע ליפן קאָנען פֿלייטלען, צי איך זיי צונויף און פֿינף זיך צו דער וועלט... מיינע אַקסלען שפּרינגען אונטער, ווינקלט מיינס אָן אייגל – צום טאַקט! מיינע הענט, די פֿלינקע, דיריזשירן, פֿירן זיי אין טאָלן און אויף הויכע בערג. איז די ערד מײַן פֿייקל, איז מײַן פֿוס דאָס פֿלעקל, וועקט מײַן פֿוס דאָס פֿייקל – צום טאַקט!
---	---	--

<p>When I want to sing to my life, It's the voice in my throat that blows the horn... The world then listens and marvels And it wonders and smiles – on cue!</p>	<p>Я хочу пропеть о жизни, Громким горном пусть моя трубит гортань, Слушает народ – дивится, Слезы, смех и грех – всё в такт!</p>	<p>– ה' .</p>
<p>When I want to grasp all my sorrows, And fling them as hurled dust into the wind. My tongue then plays the mandolin, And teeth are chattering – on cue!</p>	<p>Я возьму мои невзгоды, Я их по ветру как пыль развею все. Не по мандолине пальцы, По зубам язык – бьёт в такт!</p>	<p>ל צב!</p>
<p>When I want to carry myself away – My voice utters thin like a violin. And in a dream I see the dead in the graves How they plead and wait – on cue!</p>	<p>Я бы лучше в даль умчался, Я играю, голос мой высок как скрипка, Вижу, те, что спят в могилах, Молятся и ждут – всё в такт!</p>	<p>– במקצב!</p>
<p>If I want to dance, then I dance And I play all my instruments at once, And it elates and lifts me up high, And I turn and whirl happy – on cue!</p>	<p>Я хочу плясать – пляшу я Я на всех играю сразу инструментах, Понесусь я, вознесусь я, Я кручусь-верчусь – всё в такт!</p>	<p>ה' ב!</p>
<p>Fools are worrying, fools are whining, They don't comprehend the marvel of the world. I will play and play until no more – Until carried away – on cue!</p>	<p>Дурни хмуры, дурни плачут, Где ж понять им, дурням, как чудесен мир. Я пою, куда дроги Подо мной не drognут – в такт!</p>	<p>– בוכים ה'</p>

<p>אם את חיי ארצה לשיר – תרועת גרוני היא תצוצרה; כל הקום מקשיב מפתע ומחרך נדהם – במקצב!</p> <p>את הצרות שלי אקה, אזרו לרוח כמו אבק ולשוני כמנדולינה תצלצל וגם שני תרעדנה – במקצב!</p> <p>ארצה לעוף הרחק מכאן – אשיר כנור בקול דקיק; הנה מתים בקבריהם מתים לצאת ומחכים – במקצב.</p> <p>ארצה לרקד – אתחיל מיד, כל הפלים – אני לבד, אני נשא ומרחף, עליו ומסתחרר – במקצב!</p> <p>טפשים רוגזים, טפשים בוכים גם הקום לא בשבילם, ואני את כלי אנגו עד הקץ, עד שישאוני – במקצב!</p>	<p>Vil ikh zingen tsu mayn leb'n, shpil ikh horn mit a kol fun kel aroyf. . . Hert di velt mikh un bavundert un zi shtoynt un shmeykhl't – tsum takt!</p> <p>Vil ikh nemen mayne leydn un tsheshlaydern vi shtoybn in a vint. Shpilt mayn tsingl mandoline, tsitern tsu di tseyner – tsum takt!</p> <p>Vil ikh zikh fartrogn in di vaytn – shpil ikh vi a fidl mit a diner shtim. Un ikh ze in kholem meysim fun di kvorim betn zikh un vartn – tsum takt!</p> <p>Vil ikh tantsn, gey ikh tantsn un ikh shpil oyf ale keylim mit a mol, un es hoybt mikh un derhoybt mikh, un ikh drey un frey zikh – tsum takt!</p> <p>Narn zorgn, narn veynen, zey banemen nit dos vunder fun der velt. Ikh vel shpiln, zikh farshpiln – biz me vet mikh trogn – tsum takt!</p>	<p>וויל איך זינגען צו מיין לעבן, שפיל איך הארן מיט א קול פון קעל ארויף. . . הערט די וועלט מיך און באוואנדערט און זי שטוינט און שמייכלט – צום טאקט!</p> <p>וויל איך נעמען מיינע ליידן און צעשלינדערן ווי שטויבן אין א ווינט. שפילט מיין צינגל מאנדאלינע, ציטערן צו די תסענער – צום טאקט!</p> <p>וויל איך זיך פארטראגן אין די ווייטן – שפיל איך ווי א פידל מיט א דינער שטים. און איך זע אין חלום מתים פון די קברים בעטן זיך און ווארטן – צום טאקט!</p> <p>וויל איך טאנצן, גיי איך טאנצן און איך שפיל אויף אלע כליים מיט א מאָל, און עס הויבט מיך און דערהויבט מיך, און איך דריי און פריי זיך – צום טאקט!</p> <p>נארן זארגן, נארן וויינען, זיי באנעמען ניט דאס וואנדער פון דער וועלט. איך וועל שפילן, זיך פארשפילן – ביז מע וועט מיך טראגן – צום טאקט!</p>
--	---	---

Photo:

Michael Margulis, 1960-s, Moscow.
From Ruth Levin's private collection.